

Том 15, Номер 4, 2022
Vol 15, No 4, 2022

ISSN 2542-0240 (Print)
ISSN 2587-9324 (Online)
ogt-journal.com

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

Африка – континент возможностей
Africa as a continent of opportunities

ТОМ 15 • НОМЕР 4 • 2022

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 15 • NUMBER 4 • 2022

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.00

Контурь глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Соловьев А.И., заместитель главного редактора, МГУ, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Ефременко Д.В., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Калотай К., Институт мировой экономики Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия
Конюхова (Умнова) И.А., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Кривопапов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Берлинский Свободный университет, Берлин, Германия
Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Мигранян А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентербери, Великобритания
Сибал К., бывший первый заместитель министра иностранных дел Индии, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гётеборгский университет, Гётеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гаман-Голутвина О.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ

Учредители: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, РФ

DOI: 10.31249/kgf/2022.04.00

Содержание

Особенности современного экономического развития

- ДЕЙЧ Т.Л., ЦВЕТКОВА Н.Н., КРАВЦОВ К.С.** Развитие африканской цифровой экономики и участие в нем Китая. 6–22
- МИТИНА В.К.** Развитие «умных городов» в странах Северной Африки. 23–40

Политические процессы в меняющемся мире

- ЗЕЛЕНЕВ Е.И., СОЛОЩЕВА М.А.** КНР и моделирование «новой геополитической реальности» в Африке. 41–59
- ЕФРЕМЕНКО Д.В.** Отношения России со странами Африки в свете специальной военной операции на Украине. 60–78

Право и политика

- УМНОВА-КОНЮХОВА И.А.** Конституционные модели принципа социальной справедливости в странах Африки: сравнительно-правовой анализ. 79–97

Сфера науки и высшего образования

- ДЕНИСОВА Т.С., КОСТЕЛЯНЕЦ С.В.** Западная Африка: развитие научно-технического образования и проблемы внедрения новых технологий (на примерах Нигерии и Ганы). 98–115
- ВИЛИСОВ М.В.** Поворот на Юг: аналитические центры Африки как потенциальные партнеры исследовательских центров стран ЕАЭС. 116–136

С точки зрения экономики

- ПРОКОПЕНКО Л.Я.** VIP-туризм в Африке: история, развитие, проблемы и перспективы после пандемии COVID-19. 137–158
- ГАВРИЛОВА Н.Г.** Продовольственная безопасность стран Западной Африки на современном этапе: тенденции, проблемы и решения. 159–180

В национальном разрезе

- МОРОЗЕНСКАЯ Е.В., КАЛИНИЧЕНКО Л.Н.** Эфиопия: социально-экономическое развитие и возможности сотрудничества с Россией в науке и производстве. 181–200

Вокруг книг

- ПРЯЖНИКОВА О.Н.** Урбанизация на Африканском континенте: основные вызовы и возможности их преодоления (обзор). 201–218

DOI: 10.31249/kg/2022.04.00

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander I. Solovyev – Deputy Editor-in-Chief, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Dmitry V. Efremenko, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Kalman Kalotay, Institute of World Economics, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary
Alexander M. Libman, The Free University of Berlin, Berlin, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Former Foreign Secretary of India, New Delhi, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina A. Umnova-Konyukhova, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Oksana V. Gaman-Golutvina, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Founders: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation
 Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Web-site: <http://www.ogt-journal.com>
Frequency: 6 per year

Circulation: 1000 copies
 Published since 2016

DOI: 10.31249/kgf/2022.04.00

Contents

Specifics of Modern Economic Development

- DEYCH T.L., TSVETKOVA N.N., KRAVTSOV K.S.** Africa's Digital Economy
Development and China's Participation 6–22
- MITINA V.K.** Development of Smart Cities in North Africa 23–40

Political Processes in the Changing World

- ZELENEV E.I., SOLOSHCHEVA M.A.** China and Modeling
of the “New Geopolitical Reality” in Africa 41–59
- EFREMENKO D.V.** Russia's Relations with African Countries
in the Light of the Special Military Operation in Ukraine 60–78

Law and Politics

- UMNOVA-KONIUKHOVA I.A.** Constitutional Models of the Principle
of Social Justice in African Countries: Comparative Legal Analysis 79–97

Science and Higher Education

- DENISOVA T.S., KOSTELYANETS S.V.** West Africa: Development of Scientific
and Technical Education and Challenges of Introducing New Technologies
(on the Examples of Nigeria and Ghana) 98–115
- VILISOV M.V.** Turning to the South: African Think Tanks as Potential
Partners for the EAEU Think Tanks 116–136

From the Point of Economics

- PROKOPENKO L.Ya.** Luxury Tourism Industry in Africa: History,
Development, Challenges and Prospects after the COVID-19 Pandemic 137–158
- GAVRILOVA N.G.** Food Security of West African Countries
at the Present Stage: Trends, Problems and Solutions 159–180

National Peculiarities

- MOROZENSKAYA E.V., KALINICHENKO L.N.** Ethiopia: Socio-Economic
Development and Potential for Cooperation with Russia in Scientific
and Production Spheres 181–200

Spotlight on New Academic Arrivals

- PRYAZHNIKOVA O.N.** Urbanization on the African Continent:
Main Challenges and Opportunities for Overcoming Them (Review) 201–218

Особенности современного экономического развития

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.01

Развитие африканской цифровой экономики и участие в нем Китая

Татьяна Лазаревна ДЕЙЧ

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки

Институт Африки РАН

ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001

E-mail: tdeich@yandex.ru

ORCID: 0000 0001-6745-9586

Нина Николаевна ЦВЕТКОВА

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник

Институт востоковедения РАН

ул. Рождественка, д. 12, г. Москва, Российская Федерация, 107031

E-mail: vladtsvetkov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4126-9159

Кирилл Сергеевич КРАВЦОВ

бакалавр востоковедения и африканистики, учебный ассистент

Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения НИУ ВШЭ –

Санкт-Петербург

ул. Союза Печатников, д. 16, г. Санкт-Петербург, 190008

E-mail: kskravtsov@edu.hse.ru

ORCID: 0000-0003-0547-0573

ЦИТИРОВАНИЕ: Дейч Т.Л., Цветкова Н.Н., Кравцов К.С. Развитие африканской цифровой экономики и участие в нем Китая // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 4. С. 6–22.

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.01

Статья поступила в редакцию 28.05.2022.

Исправленный текст представлен 01.08.2022.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена развитию в Африке цифровых технологий и роли, которую играет в этом процессе Китай, мировой лидер в сфере цифровых технологий. В XXI в. некоторые африканские страны достигли заметного прогресса в сфере внедрения цифровых технологий. Заметное развитие получили информационно-ком-*

муникационные технологии, ускорилось проникновение на континент Интернета. Востребованность цифровых технологий на континенте повысилась в период пандемии COVID-19. Серьезный вклад в развитие цифровых технологий в странах Африки вносит Китай. В статье содержится анализ текущего состояния китайской цифро-

вой дипломатии и ее практики в Африке в сети Интернет. Китай принес в Африку модель цифровой экономики, включающей электронную торговлю, цифровые платежи, менеджмент логистики, обучение цифровому предпринимательству. Новые технологии, которыми Китай обеспечивает Африку, направлены и на повышение качества жизни африканцев; предусмотрено строительство удобных для жизни городов, распространение информационно-коммуникационных технологий, обеспечение доступа сельских жителей к телевидению и мобильному Интернету. Доступ Африки к новым технологиям призвано облегчить и участие ее стран в китайской инициативе «Один пояс – один путь».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Африка, Китай, цифровая экономика, цифровая дипломатия, информационно-коммуникационные технологии, Интернет, телевидение, мобильная связь.

Африканская цифровая экономика в условиях COVID-19

На рубеже XX–XXI столетий Африка вступила в фазу ускорения экономического роста. По данным ЮНКТАД, с 2000 по 2019 г. ВВП стран Африки в неизменных ценах 2015 г. вырос с 1182,5 млрд до 2591,4 млрд долл., или на 219,1% [Global Innovation Index, 2020]. Таким образом, среднегодовой прирост ВВП за этот период превысил 4,2%.

Страны Африки не стоят в стороне от мировых достижений науки, а также

развития и внедрения передовых технологий XXI в. Некоторые из них добились заметного прогресса в вопросах внедрения инноваций. Так, в Глобальном индексе инноваций – 2020 Маврикий занимает 52-е место из 131; кроме того, в первой половине этого списка – ЮАР (на 60-м месте) и Тунис (на 65-м)¹.

Заметное развитие получили в странах Африки информационно-коммуникационные технологии, в том числе с использованием спутниковых систем.

К январю 2021 г. число интернет-пользователей в мире достигло 4,66 млрд чел., или 59,5% от численности мирового населения (7,83 млрд человек)². По данным Мирового банка от 15 февраля 2022 г., в 2020 г. доля интернет-пользователей в населении Африки южнее Сахары в среднем составляла 29,0%, в том числе на Маврикии – 64,9%, в Сенегале – 39,5%, в Гане – 53,0%, Кабо-Верде – 61,9%, Нигерии – 33,6% (в 2019 г. эта доля оценивалась в 42%), Руанде – 25,0%, Танзании – 20,0%, Буркина-Фасо – 18,0%, Бурунди – 5,2% (рисунк 1).

В ЮАР в 2020 г. интернет-пользователями были 68,2% населения, в Северной Африке: в Марокко – 84,1%, Египте – 71,9%, Тунисе – 68,7%, Алжире – 57,5% (для сравнения: в США доля интернет-пользователей в 2020 г. составляла 89,4%, странах Евросоюза в среднем – 87,9%, ОАЭ – 100%, Китае – 70,6% (а это около 1 млрд человек))³.

Разрыв со странами Африки южнее Сахары существенный. Однако число интернет-пользователей на 100 чел. населения в странах Тропической Африки возросло весьма заметно. В 2010 г. в Сенегале их было 16, в Кабо-Верде – 30.

1 Internet World Stats. – URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 01.08.2022).

2 The Digital 2021. Global Overview Report. – URL: <https://wearesocial.com/blog/2021/01/digital-2021-the-latest-insights-into-the-state-of-digital> (дата обращения: 22.04.2021).

3 World Development Indicators. Table 5.12. The Information Society // World Bank. – 2022. – February 15. – URL: <http://wdi.worldbank.org/table/5.12> (дата обращения: 05.05.2022).

Рисунок 1. Доля интернет-пользователей среди населения, 2020 г. (%)

Figure 1. Share of Internet users in population, 2020 (%)

Составлено по: World Development Indicators, Table 5.12. The Information Society // World Bank. – 2022. – February 15. – URL: <http://wdi.worldbank.org/table/5.12> (дата обращения: 05.05.2022).

Даже в странах с низким уровнем интернет-проникновения в 2010–2020 гг. виден впечатляющий рост доли интернет-пользователей среди населения: в Эфиопии – с 0,8 до 25%, в ДРК – с 0,7 до 12,5%, в Гвинее-Бисау – с 2,5 до 28% [Цветкова, 2021, с. 217; World Bank, 2020].

Новый импульс этому процессу придала пандемия COVID-19. Так, если по состоянию на 31 марта 2020 г. в Африке насчитывалось 526 710 пользователей Интернета, то спустя год это число увеличилось на 12,8%. Справедливости ради следует отметить, что заметное ускорение проникновения Интернета в этот период наблюдалось также в Азии, Латинской Америке, на Ближнем и Среднем Востоке⁴. В список 10 африканских стран с самым быстрым Интернетом (по данным за 2018 г.) вошли Мадагаскар, Кабо-Верде, Сейшель, Гана, ЮАР, Габон, Либерия, Того, Маврикий, Сенегал [Top 10 African countries, 2019].

По сравнению с западными странами (94–95%) и Китаем (72%) Африка на 2022 г. остается регионом со сравнительно низким уровнем проникновения Интернета (41,99%). Однако отдельные африканские регионы имеют уровень выше или близкий к 50% (Северная Африка – 66,1%, Южная Африка – 46,85%). Количество пользователей Интернета в 2022 г. составляет 594,1 млн чел. из почти 1,4 млрд чел. суммарного населения. Больше всего пользователей в Западной Африке (223,4 млн чел.), за ней следуют Северная Африка (146,12 млн чел.), Восточная (146,1 млн чел.), Центральная (40 млн чел.) и Южная Африка (38,5 млн чел.). Несмотря на лидерство Западной Африки, в Северной Африке средний показатель на государство – 24,4 млн чел., тогда как в Западной – лишь 14 млн чел., а без Нигерии – 4,6 млн чел. на страну. Государства, лидирующие по числу интернет-пользователей на 2021 г.: Египет (78,6 млн), Нигерия (75,8 млн), ЮАР

4 Internet World Stats. – URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 01.08.2022).

(41,6 млн), Марокко (32,7 млн), Алжир (27,8 млн), Эфиопия (20,0 млн), Кения (15,6 млн), Танзания (14,0 млн), ДР Конго (13,0 млн) (по цитируемым данным World Development Indicators). Примечательно, что большинство этих стран – важные торгово-экономические партнеры КНР в Африке. Так, по данным за 2021 г., в десятку крупнейших по товарообороту с Китаем стран Африки вошли ЮАР (54,3 млрд долл.), Нигерия (25,7 млрд долл.), Ангола (23,3 млрд долл.), Египет (20 млрд долл.), ДР Конго (14,4 млрд долл.), Гана (9,6 млрд долл.), Алжир (7,4 млрд долл.), Кения (7 млрд долл.), Танзания (6,7 млрд долл.), Марокко (6,6 млрд долл.).⁵

COVID-19 нанес серьезный ущерб африканской экономике. Вместе с тем в период пандемии в Африке оказались весьма востребованными цифровые технологии. В 2021 г. общая численность занятых в НИОКР на континенте составила порядка 240 тыс. человек, из которых менее 90 тыс. – в Субсахарской Африке [Фитуни, 2021, с. 15–25]. В условиях борьбы с инфекцией нашли широкое применение цифровые сервисы, например электронные платежи, электронная торговля. Выросла востребованность телемедицины – консультации пациентов с врачами в режиме онлайн. Важную роль сыграли мобильные приложения для отслеживания заболевших и их контактов. Резко выросло использование *Zoom*. Цифровые сервисы в период пандемии стали применяться и для дистанционного обучения. С использованием цифровых переводов Того запустило про-

грамму социальной помощи, субсидий работникам неформального сектора, чьи заработки сократились в результате локдауна. Программа *Novissi*, запущенная 8 апреля 2020 г., затронула более 1 млн граждан, из них около 65% – женщины. Более 40 стран Африки ввели или расширили программы социальных субсидий с начала пандемии, причем 36 стран стали использовать онлайн-переводы денежных средств⁶.

Африка южнее Сахары – глобальный лидер по распространенности мобильных финансовых сервисов. Из каждых десяти мобильных транзакций в мире семь приходится на Африку. Социальные сети набирают популярность на континенте; при этом часто у африканца может быть самый простой мобильный телефон, но со встроенным приложением *Facebook*, так как компания специально создала упрощенную версию для африканских пользователей. На данный момент наиболее распространенной социальной сетью является *Facebook*⁷ (268,4 млн пользователей), то есть около половины интернет-пользователей параллельно имеют аккаунт в *Facebook*. *Instagram*, известный своим форматом публикаций фото- и видеоматериалов, – на втором месте (72,2 млн пользователей)⁸.

В распространении электронных платежей в Африке фактором роста стали не преимущества, а лакуны. Об этом писали применительно к Китаю: быстрый рост электронной торговли в Китае был связан, среди прочих факторов, с высокими ставками арендной платы за торговые помещения,

5 Таблица общей стоимости импортных и экспортных товаров по стране (региону) в декабре 2021 г. (в долларах США) = 2021年12月进出口商品国别（地区）总值表（美元值）// Главное таможенное управление КНР. – 2022. – January. – URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxgkj/2799825/302274/302277/302276/4127455/index.html> (дата обращения: 26.05.2022).

6 Digital platforms in Africa // World Economic Forum. – 2020. – September 21. – URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/09/digital-platforms-africa-technology-change-development> (дата обращения: 16.10.2020).

7 Организация запрещена в Российской Федерации.

8 Datareportal. – URL: <https://datareportal.com/> (дата обращения: 05.05.2022).

с недостаточным числом гипермаркетов (по сравнению с США). В странах Тропической Африки мало отделений банков, крайне мало банкоматов. Электронные платежи, причем с использованием не только смартфонов, но и простых мобильных устройств, заполняют эти пробелы, компенсируют недостаток обычных банковских учреждений. В Тропической Африке у 70% взрослого населения нет классических банковских счетов. Вплоть до 2000-х годов эти лица, «забытые банковской системой», осуществляли платежи только наличными [Афро-азиатские страны, 2019, с. 172–173, 200]. А уже с конца 2000-х годов распространились сервисы электронных платежей.

С 2007 г. в Кении действует система *M-Pesa*, позволяющая переводить деньги нажатием кнопки на сотовом телефоне. Сейчас с помощью этого сервиса в стране можно оплачивать коммунальные услуги, медицинскую страховку, лечение, покупку товаров, получать и погашать кредиты, управлять сбережениями, пользоваться государственными услугами, платить налоги, вносить плату за школьное обучение, покупать билеты на автобус или самолет. Вносить и снимать наличные можно с помощью агентов, которые действуют как банкоматы, число таких агентов в 50 раз превышает количество банкоматов. С помощью мобильных телефонов в стране «перемещаются» не только деньги: развитая IT-инфраструктура, за которую Кения получила название Силиконовой саванны, стала основой для развития других, нетелекоммуникационных отраслей. Например, цифровая платформа *Twiga* объединила сельхозпроизводителей и продавцов, позволив сократить потери уро-

жая фермеров с 30 до 4%, а аналогичный маркетплейс для фармацевтической продукции также проверяет подлинность лекарств, исключая подделки [Рябова, 2019].

Для денежных переводов в Кении, Уганде, ЮАР, Гане стали использовать криптовалюту, это удешевляет переводы. *BitPesa*, кенийский стартап, создал платформу денежных переводов, используя блокчейн и биткойн. Блокчейн может использоваться в Африке для выявления контрафактных лекарств, отслеживания цепочек поставок кофе, какао, древесины, минерала колтана, алмазов. В Гане в городе Кумаси действует проект *Bitland* по созданию земельного реестра с помощью блокчейна.

Цифровые технологии позволяют преодолевать трудности в развитии здравоохранения. В Кении создана цифровая платформа *M-Tiba* – система медицинского страхования. Взносы медицинского страхования могут начинаться с 10 кенийских шиллингов, или 0,086 долл. Есть мобильное приложение на платформе Андроид, его применяют 4,7 млн пользователей. 3 128 медицинских учреждений и медработников оказывают медицинские услуги. Когда пациент посещает врача, все данные собираются и анонимизируются; таким образом, например, в период пандемии было выявлено, где концентрируется большая часть заболевших коронавирусом. *M-Tiba* предоставляет кредиты на медицинскую страховку на сумму от 10 000 до 10 млн кенийских шиллингов (в зависимости от суммы счета на *M-Pesa*) под 2% годовых⁹. В столице Сенегала Дакаре Центральный госпиталь совместно со Всемирным цифровым франкофонным уни-

9 Kenya: M-Tiba, une solution qui aide à payer les soins de santé // Observatoire sur les Systèmes d'Information, les Réseaux et les Inforoutes au Sénégal. – 2022. – Mai 10. – URL : <http://www.osiris.sn/Kenya-M-Tiba-une-solution-qui-aide.html> (дата обращения: 28.04.2022).

верситетом (*Université numérique franco-phone mondiale, UNFM*) организует консультации в формате видеоконференций; можно обратиться за телеконсультацией и во французские медицинские центры. В Сенегале результаты рентгена, медицинских обследований дистанционно передаются из районных медицинских учреждений и анализируются в Центральном госпитале¹⁰.

В мае 2020 г. Африканский союз (АС) опубликовал «Африканскую стратегию цифровой трансформации», в которой поставлены общие цели и задачи цифровой трансформации Африки и указаны направления развития цифровой экономики для различных стран [The Digital Transformation Strategy for Africa, 2020].

Существуют различные определения того, что входит в состав цифровой экономики. Наиболее адекватным представляется определение компонентов цифровой экономики, которое дала Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) в 2017 г., затем оно было уточнено в 2021 г. В определении цифровой экономики 2021 г. выделены: 1) ядро цифровой экономики, 2) собственно цифровая экономика; 3) оцифрованная экономика. Ядро цифровой экономики представляет собой сектор ИКТ; в него входят производство товаров ИКТ, программного обеспечения (ПО), ИТ и информационных услуг, телекоммуникационные услуги. Цифровая экономика включает в себя цифровые сервисы, экономику платформ, шеринговую экономику, гиг-экономику. К оцифрованной экономике относят электронную торговлю, точное земледелие, электронный бизнес, алго-

ритмическую экономику, основанную на использовании ИИ, Индустрию 4.0 в целом [UNCTAD, 2019, р. 4–6; Цветкова, 2021, с. 22]. Сюда относят и оцифрованные сегменты отраслей экономики, социальной сферы – всё, что связано с их цифровой трансформацией. Оценка масштабов цифровой экономики не может не быть приблизительной.

Ряд африканских стран, в частности Буркина-Фасо, Кабо-Верде, Руанда, Сенегал, приняли свои стратегии развития цифровой экономики. Так, план цифрового развития Кабо-Верде, *Agenda Cabo Verde Digital*, ставит целью превращение страны в центр цифровых технологий с помощью развития ИКТ-инфраструктуры, цифровых компетенций и цифровых услуг. В Кабо-Верде созданы два технопарка: *Digital Castelon Vale* (Вале – долина, как Силиконовая долина) в столице, Прае, и *Julion Vale*, в Минделу, на острове Сен-Висенте. В развитии сектора ИКТ принимает активное участие китайская компания *Huawei*. Педро Лопеш, госсекретарь по инновациям и профессиональному образованию, заявил: «Не хотим, чтобы наши молодые люди побирались с протянутой рукой, пусть они используют руки для программирования. Хотим превратить профессиональное образование в нечто суперпривлекательное (*em algo sexy*). Нормально, что молодые люди хотят быть связанными с тем, что их окружает; компьютеры и мобильные телефоны присутствуют в нашей жизни, почему же не превратить их в инструменты для работы, чтобы улучшить наше будущее?!»¹¹ [Технологии, меняющие мир..., 2021, с. 250–251].

10 Télémédecine au Sénégal: L'Hôpital Principal de Dakar s'offre en exemple // Observatoire sur les Systèmes d'Information, les Réseaux et les Inforoutes au Sénégal. – 2007. – Novembre 21. – URL: <http://www.osiris.sn/Telemedecine-au-Senegal-L-Hopital.html> (дата обращения: 28.04.2022).

11 Montezinho J. Não queremos jovens de mãos estendidas, queremos que as usem para programar – Pedro Lopes // Expresso das Ilhas. – 2020. – Fevereiro 15. – URL: <https://expressodasilhas.cv/pais/2020/02/15/nao-queremos-jovens-de-maos-estendidas-queremos-que-as-usem-para-programar-pedro-lopes/67973> (дата обращения: 28.04.2020).

Постановка целей звучит слишком амбициозно, тем более для такой маленькой страны. Подобные заявления делаются и в других странах, например, Руанде и Сенегале. Задачи развития сферы ИТ-услуг, аутсорсинга ИТ-услуг, в том числе для решения проблемы безработицы среди образованной молодежи (а это очень острая проблема), ставят Кения, Гана, Маврикий, Руанда, Сенегал и другие африканские страны. Они стремятся, по мере возможностей, следовать успешному опыту Индии, которая стала мировым лидером по аутсорсингу ИТ-услуг и аутсорсингу бизнес-процессов (БПО). Так, в Сенегале среди предоставляемых услуг ИТ и БПО – колл-центры, медицинские услуги (медицинская транскрипция), ведение бухгалтерии, хостинг веб-сайтов, разработка программного обеспечения, приложений к нему, работа с приложениями к ПО для предприятий, такими как «управление кадровыми ресурсами предприятия» (*HRM, Human Resources management*), «управление отношениями с клиентами» (*CRM, Client Relationship Management*), перевод, компьютерный набор документов со звуковых носителей. Услуги предоставляют и местные компании, и филиалы иностранных фирм, и фрилансеры.

В сфере цифровой экономики молодые африканцы создали немало стартапов. Компании по разработке компьютерных игр возникли в ЮАР, Нигерии, Гане, Кении, Замбии. *BlackRhino* («Черный носорог»), компания, работающая в сфере виртуальной реальности (VR) в Восточной Африке, занимается разработкой онлайн-игр, разрабатывает контент виртуальной реальности для таких организаций и компаний, как *UNICEF, Shell, Safaricom, Kenya Wildlife Services (KWS)*, организует семинары,

хакатоны, онлайн-конференции. Предприниматель из Ботсваны Тобо Кхатола основал компанию *Lion Tutoring* – «Убер для репетиторов»; онлайн-платформа и мобильные приложения объединяют потенциальных репетиторов и их учеников [Технологии, меняющие мир..., 2021, с. 251, 253].

Большое внимание в странах Африки уделяется обучению молодежи цифровым компетенциям. Этим занимаются и образовательные учреждения (например, в Сенегале – известный в Африке Университет Шейха Анта Диопа и Виртуальный университет), и крупные цифровые компании. В Кении Школа *Moringa* по обучению кодированию подготовила 2 000 студентов из Ганы, Кении, Пакистана, Руанды. В Нигерии Академия *Anchorsoft* проводит обучение студентов по таким специальностям, как разработка программного обеспечения, тестирование ПО и *data science*. Виртуальный университет Кот-д'Ивуар (*UVCI*) дистанционно готовит ИТ-специалистов разных уровней¹².

Итак, в странах Африки развивается сектор ИКТ-услуг, получили развитие цифровые сервисы. Но в том, что касается цифрового оборудования, сложных технологических решений, создания ИТ-инфраструктуры, страны Африки зависят от внешних акторов.

Развитие цифровой экономики в Китае и цифровая дипломатия Пекина в Африке

В этих условиях, несомненно, значимой оказалась помощь, предоставляемая странам Африки таким гигантом в сфере цифровых технологий, как Китай. Согласно опубликованному в январе 2022 г. Госсоветом КНР плану раз-

12 Africa needs digital skills across the economy – not just the tech sector // World Economic Forum. – 2020. – URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/10/africa-needs-digital-skills-across-the-economy-not-just-tech-sector/> (дата обращения: 28.04.2022).

вития цифровой экономики на 14-ю пятилетку (2021–2025), в 2025 г. цифровая трансформация отраслей в Китае выйдет на новый уровень: план предусматривает оптимизацию и повышение качества цифровой инфраструктуры, продвижение цифровой модернизации предприятий и расширение международного сотрудничества в области цифровой экономики, поддержку исследований и разработок технологии 6G, инновации в стратегических областях, таких как интегральные схемы и искусственный интеллект, цифровой юань и др. [Global Innovation Index, 2020]. По оценкам Китайской академии информационных и коммуникационных технологий, «в 2018 г. доля цифровой экономики составляла в Китае 30% от ВВП, в США – 59%, в Бразилии, Индии, ЮАР – 20%. В Китае вклад ИКТ в добавленную стоимость в секторе услуг оценивался в 33%, в промышленности – в 17%, в сельском хозяйстве – в 7%» [Джан, Чен, 2019]. В Китае развито «ядро» цифровой экономики: производство товаров ИКТ и ИКТ-услуг, сформировались свои ТНК по производству товаров ИКТ и ИКТ-услуг, ТНК цифровой экономики. По абсолютным масштабам (почти 1 млрд интернет-пользователей, 38% мирового экспорта цифрового оборудования) Китай действительно может претендовать на второе место в мире по развитию цифровой экономики после США [Цветкова, 2021, с. 273].

Ключевыми государственными акторами реализации Китаем своей по-

литики в Африке являются четыре министерства: 1) Министерство иностранных дел КНР¹³; 2) Министерство коммерции КНР¹⁴; 3) Министерство образования КНР¹⁵; 4) Министерство культуры и туризма КНР¹⁶. В рамках МИД КНР существует специальное ведомство, которое занимается Африкой (почти всей), – Департамент по делам Африки¹⁷. Данный отдел ответственен за поддержание и укрепление дипломатических отношений между КНР и странами Африки. Нынешний глава департамента У Пэн имеет официальный аккаунт в *Twitter* (18 900 подписчиков), заведенный в 2020 г., где он регулярно публикует посты о странах Африки, деятельности дипмиссий КНР в этих государствах и др.¹⁸

Уже в 2000-е годы КНР стала создавать страницы своих посольств в разных странах в сети Интернет, чтобы увеличить свою «видимость» для зарубежной аудитории. Публиковались актуальная информация о внутренней и внешней политике КНР, данные о состоянии дипломатических отношений между странами и реализуемых Китаем проектах в странах континента и т. д. Это были первые шаги в переходе к цифровой дипломатии (ЦД). В конце 2010-х годов, несколько позже США и европейских стран, Китай вступил на путь более решительного перехода к ЦД, выводя свои представительства на социальные платформы *Facebook* и *Twitter* во многих странах, с которыми поддерживались дипломатические отношения.

13 Министерство иностранных дел КНР = 中华人民共和国外交部. – URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/> (дата обращения: 23.05.2022).

14 Министерство коммерции КНР = 中华人民共和国商务部. – URL: <http://www.mofcom.gov.cn/> (дата обращения: 23.05.2022).

15 Министерство образования КНР = 中华人民共和国教育部. – URL: <http://www.moe.gov.cn/> (дата обращения: 23.05.2022).

16 Министерство культуры и туризма КНР = 中华人民共和国文化和旅游部. – URL: <https://www.mct.gov.cn/> (дата обращения: 23.05.2022).

17 Департамент по делам Африки = 非洲司. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjwb_673085/zjjz_673183/fzs_673445/ (дата обращения: 24.05.2022).

18 WuPeng // Facebook. – URL: https://twitter.com/WuPeng_MFACHina (дата обращения: 15.04.2022).

В цифровой дипломатии КНР в Африке с середины 2000-х до середины 2010-х годов действовали сайты посольств, однако с 2014–2015 гг. КНР вступает на путь дальнейшей цифровизации публичной дипломатии и начинает активную деятельность на таких площадках, как *Twitter* и *Facebook*. Анализ выявил тенденцию меньшего количества новостных материалов на языках стран на сайтах посольств КНР в Африке, а также определенное единообразие новостей, малое число фото- и видеоматериалов. В основном статьи содержали позитивный дискурс; большинство популярных постов были о пандемии, помощи КНР Африке, культурных мероприятиях и дипломатических встречах. Пандемия *COVID-19* и перевод всех услуг посольств в полный онлайн-формат стимулировали рост активности китайской ЦД.

На данный момент КНР имеет онлайн-страницы своих посольств в Африке в 53 из 54 стран (кроме Эсватини). Как правило, на этих страницах

публикуются материалы на двух языках: китайском и английском (либо французском). Страницы имеют схожий дизайн, который, очевидно, не меняли длительное время. На рисунках 2 и 3 можно увидеть и сравнить, как выглядят посольства КНР в Зимбабве и США: в первом случае сайт выглядит довольно скромно, отсутствует большое количество визуальных материалов, кроме верхней бегущей строки с фотографиями; во втором случае сайт построен с использованием более новых технологий и позволяет листать его и смотреть новости с фотографиями; внизу – множество регулярно обновляющихся разделов.

Структура сайтов достаточно однообразна: сверху – название посольства на китайском языке и языке страны с гербом Китая справа, «сообщение от посла», «о посольстве», «отношения Китая с...», «информация о консульских услугах», «о Китае», «важные ссылки». В китайской версии сайтов их содержание может кардинально ме-

Рисунок 2. Сайт посольства КНР в Зимбабве

Figure 2. Website of the Embassy of the PRC in Zimbabwe

Источник: Embassy of the People's Republic of China in the Republic of Zimbabwe. – URL: <http://zw.china-embassy.org/eng/> (дата обращения: 10.04.2022).

Рисунок 3. Сайт посольства КНР в США

Figure 3. Website of the Embassy of the PRC in the United States

Источник: Embassy of the People's Republic of China in the United States of America. – URL: <http://www.china-embassy.org/eng/> (дата обращения: 09.04.2022).

няться, могут добавляться другие разделы. Например, на сайте посольства Зимбабве на английском представлены только два раздела новостей, но на китайском добавляется еще один – «новости посольства». Самым часто используемым языком является английский, присутствующий на сайтах представительств КНР в 27 странах, за ним идет французский, представленный на 23 сайтах посольств. Встречаются также португальский (5), арабский (3), испанский (1) языки, а также суахили (1). Анализ сайтов всех 53 посольств позволяет признать, что Китай постоянно обновляет свои сайты на двух (английском и французском) или трех (в случае Марокко – испанском) языках. Это демонстрирует стремление Пекина своевременно и достаточно полно информировать жителей африканских стран и китайскую диаспору о важных новостях, связанных с Китаем и его двусторонними отношениями со странами Африки.

Всего за 2020–2021 гг. посольства стран Африки опубликовали 124 894 новостных статьи (2 357 статей на страну, не считая Эсватини), то есть ежеднев-

но публиковались в среднем три статьи. Эти достаточно высокие показатели свидетельствуют о стремлении Пекина активно взаимодействовать с африканской аудиторией, хотя бы в одностороннем порядке. При этом самая высокая активность Китая – в Восточной и Западной Африке, на долю которых приходится 2/3 статей, опубликованных в рассматриваемый период.

В Африке цифровая дипломатия КНР имеет ряд успехов и амбициозных проектов, однако препятствиями на ее пути являются конкуренция со стороны западных государств, а также отсутствие четко сформулированной политики КНР по Африке, о чем профессор Ли Аньшань из Пекинского университета говорил еще десятилетие назад [Ли, 2011, с. 2].

Китайские технологические гиганты на африканском рынке

Сотрудничество Китая со странами Африки в области цифровых технологий заметно выросло в последние годы. Проводятся совместные исследования

в сфере новых технологий, таких как облачные решения, мобильный Интернет. Китай осуществляет в Африке строительство «умных городов», использование информационных и коммуникационных технологий для поддержания общественного порядка, борьбы с терроризмом и преступностью, реализует проекты в области информационной безопасности. Африканские страны обращаются к Китаю за помощью в строительстве или расширении своей цифровой инфраструктуры, а некоторые страны полностью зависят в создании своих цифровых технологий от Пекина. Недавние исследования китайской помощи Африке в сфере ICT показали, что Пекин реализует такого рода проекты в 44 странах [Arcesati, 2021]. Идя навстречу пожеланиям Африки, Китай наращивает сотрудничество с ней в цифровой области.

В 2022 г. ожидается рост китайского доминирования в секторе африканских высоких технологий. В последние 20 лет КНР имеет успешные кейсы выхода китайских медиакорпораций на африканский рынок. Пример – компания *StarTimes*¹⁹, начавшая деятельность в Африке еще в 2002 г. Компания предоставляет услуги телевидения, продавая пакеты каналов 40 африканским странам по доступным ценам. Именно благодаря ее деятельности средний и низший классы африканцев получили доступ к дешевому телевидению, открыв для себя Китай. Каналы транслировали передачи, посвященные китайской культуре, кухне, языку, истории и т. д. Позже вещание на Африку на английском, французском, арабском и суахили начали *CGTN*²⁰, *CCTV*²¹.

Компания *Alibaba* намерена расширять свою деятельность в Африке

через *Aliexpress*. *Alibaba* имеет хабы в Руанде и Эфиопии. Она внедряет в Африке уникальную модель цифровой экономики, включающую электронную торговлю, цифровые платежи, менеджмент логистики, обучение цифровому предпринимательству. Платформы онлайн-торговли идут в страны континента вместе с инвестициями [Ze Yu, 2021].

Из всех смартфонов, продаваемых в Африке в конце 2019 г., 49% – китайские. В 2000-х годах на рынке мобильных телефонов Африки доминировали *Samsung* и *Nokia*. Однако уже в 2017 г. первое место по объему продаж в Африке заняла компания *Transsion*, реализовавшая здесь 50 млн телефонов, в том числе 11 млн смартфонов. Из каждых десяти продаваемых в странах Африки смартфонов четыре произведены компанией *Transsion* [Ze Yu, 2021]. В 2015 г. в Африке насчитывалось более 19 китайских производителей мобильных телефонов, так что рынок приходилось завоевывать. Готовясь к выходу на африканский рынок, *Transsion* изучила привычки местных жителей, которые любят делать селфи, но в Африке алгоритмы распознавания лиц не срабатывали из-за темного цвета кожи пользователей. Компания разработала технологии, позволяющие делать максимально красивые фото. Африканцы любят музыку и восприимчивы к ритмам, поэтому компания разработала мобильный телефон *Boom J8* со сверхмощными динамиками и уникальной моделью наушников. Обычно в одной африканской стране работают несколько операторов телекоммуникационных услуг. У пользователей зачастую несколько сим-карт и только один мобильный

19 StarTimes. – URL: <https://www.startimestv.com> (дата обращения: 03.04.2022).

20 CCTV Africa. – URL: <http://cctv.cntv.cn/lm/cctvafrica/> (дата обращения: 03.04.2022).

21 CGTN Africa. – URL: <https://africa.cgtn.com/> (дата обращения: 03.04.2022).

телефон. Компания предлагает сотовые телефоны на две и даже на четыре сим-карты. *Transsion* также производит телефоны с батареей, разряжающейся медленно в режиме ожидания. Наконец, продукция компании – в рамках нижнего ценового сегмента. *Transsion* наладила сотрудничество с местными исследователями в Нигерии, Кении, Эфиопии, учредила центры исследований и разработок в Лагосе (Нигерия) и Найроби (Кения). В 2016 г. все три марки мобильных телефонов компании *Transsion* были включены в топ-100 популярнейших брендов для африканских потребителей, а бренд *Tesno* входил в этот список три года подряд [Лу Чжоу, 2019]. В 2021 г. компания *Transsion* удерживала свыше 50% африканского рынка мобильных телефонов [Дейч, Усов, 2021, с. 5–13].

Активизируют деятельность на континенте, видя в Африке перспективный рынок для своей продукции, и китайские технологические гиганты *Huawei* и *ZTE*. Китайские технологические компании строят свое растущее присутствие на континенте с помощью распространения услуг 5G, оказываемых компаниями *Huawei* и *ZTE*. [Дейч, 2022, с. 54]. Китай надеется покрыть наиболее крупные страны Африки сетью 5G и создать коммуникационную инфраструктуру нового поколения. На рисунке 3 можно видеть, что многие страны в Северной, Западной, Южной Африке и некоторые страны Восточной Африки уже имеют соглашения о сотрудничестве с *ZTE* или *Huawei*. Кроме того, планируется создание множества информационных центров и «умных городов» в ключевых странах-партнерах КНР на континенте (ЮАР, Нигерии, Алжире, Кении).

Huawei представлена в 40 странах Африки²², *ZTE* – в 20. Следует заметить, что деятельность обеих компаний подвергается нападкам в США. Китай, как сообщалось, стал темой слушаний в Палате представителей по иностранным делам Подкомитета по Африке, в ходе которых законодатели выразили беспокойство в связи с китайской цифровой инфраструктурой, распространяемой в Африке компаниями *Huawei* и *ZTE*. Согласно этим выступлениям, некоторые правительства используют телекоммуникации для шпионажа в отношении политических оппонентов. Как пишет Эрик Оландер, основатель проекта *China Africa Project*, некоммерческой мультимедийной организации в Шанхае, выступавшие также акцентировали внимание на якобы имевших место попытках КПК вмешаться в африканские выборы [Olander, 2021]. Несмотря на то, что США обвинили *Huawei* в содействии Пекину в шпионаже, правительства стран Африки удовлетворены деятельностью компании. «Когда Трамп подписал указ об информационной безопасности, *Huawei* внесли в черный список. США попросили своих партнеров не работать с этой компанией, африканцы же пожалели плечами и сказали, что продолжают это делать», – говорит Оландер [Байдов, 2019].

Влияние Китая на африканскую цифровую экономику быстро растет и воздействует опосредованно на другие сферы экономики стран континента. Так, с апреля 2018 г. до марта 2019 г. африканский экспорт в Китай вырос на 98% во многом благодаря онлайн-торговле компании-гиганта *Alibaba*. В первой половине 2020 г. онлайн-торговля Китая с Эфиопией удвоилась, а с Того утроилась. Потен-

22 Burstein D. Huawei's Very Red World // CircleID. – 2019. – August 30. – URL: https://circleid.com/posts/20190830_huaweis_very_red_world (дата обращения: 05.09.2019).

циал роста имеет в Африке и цифровое предпринимательство, учитывая, что средний медианный возраст на континенте – 19,7 лет, средний класс насчитывает 300 тыс. чел. На 2019 г. почти 500 тыс. чел. в Африке Южнее Сахары были подключены к мобильным сервисам, и Африка имела самый быстро растущий рынок смартфонов. Цифровое предпринимательство, по мнению специалистов, имеет в Африке потенциал роста при наличии молодого и вооруженного смартфонами поколения. А это обеспечивает рост числа рабочих мест и рост знаний, привлекательность инвестиций и, в конечном счете, экономический рост [Ze Yu, 2019].

О том, что пандемия COVID-19 не вынудила Китай отказаться от помощи Африке в создании цифровой инфраструктуры, свидетельствует Программа цифровой инновации африканской экономики, обозначенная пунктом 5 в Дакарском плане действий (2022–2024), состоящем из 9 пунктов и принятом в ноябре 2021 г. на 8-м очередном заседании Форума сотрудничества «Китай-Африка» – министерской конференции в Дакаре (Сенегал). Программа предусматривает реализацию десяти проектов цифровой экономики. Будут созданы центры китайско-африканского сотрудничества по спутниковой связи, а также будет оказана поддержка развитию совместных лабораторий, партнерских институтов, созданию баз научно-технического инновационного сотрудничества [Thomas, 2021].

Таким образом, Китай, ставший мировым лидером в некоторых ключевых цифровых отраслях экономики, уже занял лидирующие позиции в технологическом плане и в странах Африки, где он прокладывает свой «цифровой шелковый путь» развития технологий четвертой промышленной революции.

Список литературы

Афро-азиатские страны и новые технологии – 2019 / Отв. ред. Н.Н. Цветкова ; Институт востоковедения РАН. – Москва : ИВ РАН, 2019. – 276 с.

Байдов И. Как Китай покоряет Африку своими инвестициями в информационные технологии, образование и сельское хозяйство // Северный маяк. – 2019. – 20 мая. – URL: <https://severnymayak.ru/2019/05/20> (дата обращения: 10.04.2022).

Дейч Т.Л. Экономические связи Китая с Африкой: проблемы и перспективы // Азия и Африка сегодня. – 2022. – № 7. – С. 48–56. – DOI: 10.31857/S032150750020975-4.

Дейч Т.Л., Усов В.А. Китай и Индия в Африке в постковидную эру // Азия и Африка сегодня. – 2021. – № 10. – С. 5–13. – DOI: 10.31857/S0321500750016838-3.

Джан Лунмэй, Чен Салли. Цифровая экономика Китая: Возможности и риски // Вестник международных организаций. – 2019. – Т. 14, № 2. – С. 275–303.

Лю Чжоу. Китайские смартфоны в Африке и Индии // Китай – 2019. – № 5 (163). – С. 56–57.

Рябова И. Цифровая африканская экономика // ECONS ONLINE. – 2019. – 30 июля. – URL: <https://econs.online/articles/techno/tsifrovaya-afrikanskaya-ekonomika/> (дата обращения: 10.12.2020).

Технологии, меняющие мир: применение и эффекты в мире и на Востоке / Под ред. С.А. Панарина ; Институт востоковедения РАН. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2021. – 452 с.

Фитуни Л.Л. Наука, технологии и инновации в Африке: стереотипы, реалии, перспективы // Азия и Африка сегодня. – 2021. – № 4. – С. 15–25. – DOI: 10.31857/S032150750014642-8.

Цветкова Н.Н. Развитие цифровой экономики: страны Азии и Африки. – В 2 кн. – Кн. 1. Развитие цифровой экономики. – Москва : ИВ РАН, 2021 – 356 с.

Arcesati R. China's Evolving Role in Africa's Digitalization: From Building Infrastructure to Shaping Ecosystems // ISPI. – 2021. – 29 luglio. – URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/chinas-evolving-role-africas-digitalisation-building-infrastructure-shaping-ecosystems-31247> (дата обращения: 14.05.2022).

Global Innovation Index 2020 rankings. – URL: <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2020-report> (дата обращения: 15.03.2021).

Olander E. China Becomes a Major Focus in U.S. Housing Hearing about Elections in Africa // The China Global South Project. – 2021. – March 3. – URL: <https://chinaglobalsouth.com/2021/03/03/china-becomes-a-major-focus-in-u-s-house-hearing-about-elections-in-africa/> (дата обращения: 18.10.2021).

The Digital Transformation Strategy for Africa (2020–2030) // African Union. – 2020. – May 18. – URL: <https://au.int/sites/default/files/documents/38507-doc-dts-english.pdf> (дата обращения: 25.03.2022).

Thomas D. What did FOCAC 2021 Deliver for Africa. Africa Trade and Invest-

ment // African Business. – 2021. – November 29. – URL: <https://african.business/2021/11/trade-investment/what-can-africa-expect-from-focac-2021/> (дата обращения: 17.12.2021).

Top 10 African countries with Fastest Internet Speed 2020 // The African Exponent. – 2022. – July 17. – URL: <https://www.africaexponent.com/fastest-internet-speed-2020-top-african-countries> (дата обращения: 18.07.2022).

UNCTAD. Digital Economy Report 2019. Value creation and capture: implications for developing countries. – New York: UN Publications, 2019. – Xix + 175 p.

Ze Yu Sh. Three reasons Why Africa's digital future is deeply intervened with China // LSE. – 2021. – March 1. – URL: <https://blogs.lse.ac.uk/africaatlse/2021/03/01/three-reasons-why-africas-digital-future-is-deeply-intertwined-with-china/> (дата обращения: 16.05.2022).

Ли Аньшань. Стратегия Китая в Африке: реалии, вызовы и рекомендации = 中国对非洲战略：现实、挑战、建议 // Брифинг по международным стратегическим исследованиям = 国际战略研究简报 (Гоцзи чжаньлюэ яньцзю цзяньбао). – 2011. – № 61. – С. 1–5. – Кит. яз.

Specifics of Modern Economic Development

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.01

Africa's Digital Economy Development and China's Participation

Tatiana L. DEYCH

DS in History, Leading Researcher of Centre for the Study of the Russian-African Relations and African States' Foreign Policy

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences.

Spiridonovka street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001

E-mail: tdeich@yandex.ru

ORCID: 0000 0001-6745-9586

Nina N. TSVETKOVA

PhD (in Economics), Leading Researcher, Center of Studies of Common Problems of Contemporary East (CSCPCE)

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Rozhdestvenka street, 12, Moscow, Russian Federation, 107031

E-mail: vladtsvetkov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4126-9159

Kirill S. KRAVTSOV

Bachelor in Asian and African Studies, Research Assistant, Saint-Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, HSE University – St. Petersburg

Soyuza Pechatnikov street, 16, St. Petersburg, Russian Federation, 190121

E-mail: kskravtsov@edu.hse.ru

ORCID: 0000-0003-0547-0573

CITATION: Deych T.L., Tsvetkova N.N., Kravtsov K.S. (2022). Africa's Digital Economy Development and China's Participation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 4, pp. 6–22 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.01

Received: 28.05.2022.

Revised: 01.08.2022.

ABSTRACT. *The article is devoted to the development of digital technologies in Africa and the role played by China, the world leader in the field of digital technologies, in this process. In the 21st century, a number of African countries have made significant progress in the field of digital technologies. Information and communication technologies have developed noticeably, and*

the penetration of the Internet into the continent has accelerated. The demand for digital technologies on the continent has increased during the COVID-19 pandemic. China is making a serious contribution to the development of the digital technologies in African countries. The article contains an analysis of the Chinese digital diplomacy current state and practice in African Internet. China has

brought a model of the digital economy, including e-commerce, online payments, logistic management and digital entrepreneurship training to Africa. The new technologies, which China provides to Africa, are also aimed at improving the quality of life for the Africans, the building of smart cities, the spread of information and communication technologies, providing TV and mobile internet access to rural areas. The participation of 48 African countries in Chinese initiative "One belt – one road" may facilitate the access to new technologies for Africa.

KEYWORDS: Africa, China, digital economy, digital diplomacy, information and communication technologies, Internet, TV, mobile connections.

References

- Afro-aziatskiye strani... (2019). Tsvetkova N. (ed.). *Afro-Asian Countries and New Technologies, 2019*. Moscow : Institute of Oriental Studies, RAS, 276 pp. (in Russian).
- Arcesati R. (2021). *China's Evolving Role in Africa's Digitalization: From Building Infrastructure to Shaping Ecosystems*. ISPI, 29 luglio. Available at: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/chinas-evolving-role-africas-digitalisation-building-infrastructure-shaping-ecosystems-31247>, accessed 14.05.2022.
- Baidov I. (2019). How China conquers Africa with its investment in information technologies, education and agriculture // *Severniy mayak*, May 20. Available at: <https://severnymayak.ru/2019/05/20/>, accessed 05.09.2019 (in Russian).
- Deych T.L., Usov V.A (2021). China and India in Africa in Post-COVID Era. *Asia and Africa Today*, no. 10, pp. 5–13 (in Russian). DOI:10.31857/S0321500750016838-3.
- Deych T.L. (2022). China economic ties with Africa: problems and prospects. *Asia and Africa Today*, no. 7, pp. 48–56 (in Russian). DOI: 10.31857/S0321507500 20975-4.
- Fituni L.L. (2021). Science, technologies and innovations in Africa: stereotypes, realities and prospects. *Asia and Africa Today*, no. 4, pp. 15–25 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750014642-8.
- Global Innovation Index 2020 rankings* (2020). Available at: <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2020-report>, accessed 15.03.2021.
- Li Anshan (2011). China's African Strategy: Realities, Challenges and Recommendations // *Guoji zhanlue yanjiu jianbao*, no. 61, pp. 1–5 (in Chinese).
- Lu Chshou (2019). Chinese smartphones in Africa and India. *Kitay*, no. 5 (163), pp. 56–57 (in Russian).
- Olander E. (2021). China Becomes a Major Focus in U.S. Housing Hearing about Elections in Africa. *The China Global South Project*, March 3. Available at: <https://chinaglobalsouth.com/2021/03/03/china-becomes-a-major-focus-in-u-s-house-hearing-about-elections-in-africa/>, accessed 18.10.2021.
- Rjabova I. (2019). Digital African economy. *ECONS ONLINE*, 30 July. Available at: <https://econs.online/articles/techno/tsifrovaya-afrikanskaya-ekonomika/>, accessed 10.12.2020 (in Russian).
- Tehnologii, menyayuschiye mir... (2021). Panarin S. (ed.) *World Changing Technologies: Application and Effects in the World and in the East*. Sankt-Petersburg: Nestor-Istorija, 452 pp. (in Russian).
- The Digital Transformation Strategy for Africa (2020–2030)* (2020). African Union, May 18. Available at: <https://au.int/sites/default/files/documents/38507-doc-dts-english.pdf>, accessed 25.03.2022.
- Thomas D. (2021). What did FOCAC 2021 Deliver for Africa. Africa Trade and Investment. *African Business*, November 29. Available at: <https://african.business/2021/11/trade-investment/what-can-africa-expect-from-focac-2021/>, accessed 17.12.2021.

Top 10 African countries with Fastest Internet Speed 2020 (2022). *The African Exponent*, July 17. Available at: <https://www.africaexponent.com/fastest-internet-speed-2020-top-african-countries>, accessed 18.07.2022.

Tsvetkova N.N. (2021). *Development of Digital Economy: Asian and African Countries*. In 2 books, book 1 : Development of Digital Economy. Moscow : Institute of Oriental Studies, 356 pp. (in Russian).

UNCTAD (2019). *Digital Economy Report 2019. Value creation and capture: impli-*

cations for developing countries. New York : UN Publications, 2019, xix, 175 pp.

Ze Yu Sh. (2021). *Three reasons Why Africa's digital future is deeply intervened with China*. LSE, March 1. Available at: <https://blogs.lse.ac.uk/africaatlse/2021/03/01/three-reasons-why-africas-digital-future-is-deeply-intertwined-with-china/>, accessed 16.05.2022.

Zhang L., Chen S. (2019). China's Digital Economy: opportunities and risks. *International Organizations Research Journal*, vol. 14, no. 2, pp. 275–303 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.02

Развитие «умных городов» в странах Северной Африки

Варвара Кирилловна МИТИНА

младший научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований

Институт Африки РАН

ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001

E-mail: mitvarya19@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5933-6452

ЦИТИРОВАНИЕ: Митина В.К. Развитие «умных городов» в странах Северной Африки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 4. С. 23–40.

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.02

Статья поступила в редакцию 02.06.2022.

Исправленный текст представлен 06.09.2022.

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматривается реализация концепции «умного города» в странах Северной Африки. Цель работы – выяснить, насколько успешно планы по созданию городов нового поколения воплощаются в государствах региона. На фоне экологических проблем, дефицита воды и электроэнергии, стремительного роста населения и урбанизации, в результате которых растет количество трущоб и возникает нехватка жилья, «умные города» для стран Северной Африки становятся крайне актуальны. Кроме того, у государств региона есть неплохие предпосылки и преимущества для реализации таких проектов. Например, отсутствие богатого бэкграунда во многих североафриканских городах позволяет внедрять самые современные технологии, также можно отметить большие возможности для развития альтернативной энергетики, которая часто используется в городах нового поколения.

В то же время при внедрении рассматриваемой концепции перед странами встает ряд проблем: технологическая зависимость от других государств, отсутствие квалифицированных кадров, невыполнение работ в установленные сроки. Развитие «умных городов» рассматривается на примере анализа соответствующих проектов в таких странах, как Алжир, Египет, Марокко и Тунис. В результате исследования сделаны выводы о том, что без партнерства с западными странами и Китаем страны Северной Африки пока не могут реализовывать проекты «умных городов». Кроме того, стоит отметить, что в регионе есть корреляция между уровнем запасов нефти и газа в стране и тем, насколько большое внимание ее правительство уделяет развитию проектов городов нового поколения: чем запасов больше, тем меньше внедряются технологии «умного города». Можно также предположить, что, активно развивая проекты

«умных городов» с нуля, правительства уходят от решения проблем в уже существующих городах, что негативно влияет на их жителей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «умные города», развитие, Северная Африка, трудности, инновации.

Введение

Концепция «умных городов» становится всё более популярной в современном мире. В литературе существуют различные определения умного города. Ответственный редактор специализирующейся на кибербезопасности компании *Information Security Media Group (ISMG)* Шэрон Ши характеризует «умный город» как место, в котором активно используют информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) для повышения эффективности и улучшения как качества государственных услуг, так и бытовых условий граждан. Она подчеркнула, что важным условием в этой концепции является то, какие ИКТ применяются в городе, а не то, в каком количестве они используются¹. Эксперт также выделила условия, при которых город может считаться «умным»:

- наличие развитой технологической инфраструктуры;
- внедрение экологических инициатив;
- наличие хорошо функционирующей системы общественного транспорта;
- продуманное планирование городского пространства, в котором люди могут комфортно жить и работать;

- способность формировать прочное взаимодействие между правительством, частным сектором и гражданами.

По мнению Ши, последний пункт особенно необходим, так как большая часть работы по созданию и поддержке цифровой среды выполняется за пределами правительства. Представитель *ISMG* рассказала, что оборудование для наблюдения за оживленными улицами может включать датчики одной компании, камеры другой и сервер третьей².

Профессор Университета Фессалии и автор книги «Понимание умных городов: инструмент для умных» Леонидас Антопулос определяет «умный город» как место, в котором используют ИКТ и инновации для смягчения и решения его проблем в экономической, социальной и экологической областях. «Основная задача “умного города” состоит в том, чтобы оптимизировать городские функции и стимулировать экономический рост, улучшая качество жизни его граждан с помощью интеллектуальных технологий и анализа данных», – заключил Антопулос [*Anthopoulos, 2017, p. 9*].

«Умные города» используют комбинацию устройств Интернета вещей (*IoT*), пользовательских интерфейсов (*UI*) и коммуникационных сетей. Однако в первую очередь они полагаются на Интернет вещей³. **Интернет вещей** – это сеть подключенных устройств, таких как автомобили, датчики или бытовая техника, которые могут обмениваться данными между собой. Эти данные хранятся в облаке или на серверах. Подключение устройств и использование анализа данных способствуют сближению физических и цифровых

1 Sharon S. Smart city // TechTarget. – URL: <https://www.techtarget.com/iotagenda/definition/smart-city> (дата обращения: 01.07.2022).

2 Ibid.

3 Ibid.

элементов города, тем самым повышая эффективность как государственного, так и частного секторов, обеспечивая экономические выгоды и улучшая жизнь граждан.

«Умный город» многогранен и затрагивает разные сферы человеческой жизни. Любая из них может быть построена под эту концепцию. Например, в «умных городах» часто используют интеллектуальный парковочный счетчик – приложение, которое помогает водителям найти свободные места для парковки и тем самым сохраняет их время. Кроме того, работа этого приложения благотворно сказывается на экологической ситуации, так как автомобилистам теперь не нужно долго кружить по городу в поисках места и производить большое количество выхлопных газов. В транспортной сфере интеллектуальное управление дорожным движением используется для мониторинга и анализа потоков машин с целью оптимизации уличного освещения и предотвращения перегруженности дорог. «Умный общественный транспорт» – еще одна грань «умных городов». Например, существуют приложения, которые сообщают время прибытия наземного транспорта. Это делает жизнь горожанина комфортнее и эффективнее, так как теперь он может довольно точно распланировать свои передвижения. Прокат велосипедов, автомобилей и других средств передвижения также является распространенной услугой в «умном городе».

Как уже упоминалось выше, одной из задач создания городов нового поколения становится забота об окружа-

ющей среде и решение экологических проблем. Новые технологии повышают энергосбережение и эффективность городов. К примеру, используя интеллектуальные датчики, «умные уличные фонари» тускнеют, когда на проезжей части нет машин или пешеходов. Современные технологии помогают лучше управлять вывозом отходов: в мусорных баках можно установить датчики, которые будут сообщать в сервисный центр, когда они заполнились. В рамках концепции «умного города» создаются центры обработки данных, которые регулируют потребление воды и энергии. При их помощи можно достичь оптимального использования этих ресурсов, считывая данные в режиме реального времени с интеллектуальных счетчиков воды, электричества и газа. Согласно исследованию компании *McKinsey*, отслеживание потребления воды может сократить ее использование до 15%, в то время как наличие датчиков и систем для своевременного устранения любых неисправностей может снизить утечку воды на 25%. Эксперты полагают, что благодаря внедрению новой технологии оптимизации потребление воды может сократиться до 50%⁴.

Международная корпорация данных (*The International Data Corporation*) зафиксировала, что все страны мира в 2019 г. вложили 96 млрд долларов США во внедрение таких нововведений, как усовершенствованный общественный транспорт, интеллектуальное наружное освещение и управление дорожным движением. Это на 18% больше, чем в 2018 г.⁵

4 Honeywell, Etisalat Misr, ACUD to deploy tech at Egypt's smart city // Construction Week. – 2020. – January 19. – URL: <https://www.constructionweekonline.com/products-services/262108-honeywell-etisalat-misr-acud-to-deploy-tech-at-egypts-smart-city> (дата обращения: 30.05.2022).

5 IDC's Smart Cities Spending Guide Expands Its Coverage to More Than 100 Cities // BusinessWire. – 2019. – January 30. – URL: <https://www.businesswire.com/news/home/20190130005075/en/IDCs-Smart-Cities-Spending-Guide-Expands-Its-Coverage-to-More-Than-100-Cities> (дата обращения: 30.05.2022).

В 2021 г. эксперты *The Economist* отмечали, что условия в беднейших городах мира, вероятно, еще больше ухудшатся, если их население не будет получать вакцины, необходимые для предотвращения распространения новых вариантов COVID-19. Слабые системы здравоохранения могут подвергнуться большей нагрузке. Медленное продвижение вакцинации приведет к более строгому карантину, что повлияет на ожидаемое восстановление экономического роста. Это, в свою очередь, может сказаться на других процессах, включая развитие городов. Аналитики обратили внимание, что COVID-19 изменил восприятие города его жителями. Например, они стали больше ценить зеленые насаждения и парки. При этом горожане начали реже пользоваться общественным транспортом, предпочитая ему такси, пешие прогулки или личный транспорт: автомобили, велосипеды, самокаты и т. д. [The Economist Intelligence Unit, 2021].

Целью данной работы является анализ различных аспектов осуществления концепции «умный город» в странах Северной Африки. Для реализации поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

1. Дать характеристику социально-экономическим и экологическим проблемам стран Северной Африки, решением которых может стать внедрение концепции «умный город».
2. Выделить преимущества Северной Африки для реализации концепции.
3. Провести анализ подходов четырех стран региона к воплощению кон-

цепции городов нового поколения через анализ конкретных проектов.

4. Установить факторы, тормозящие успешное развитие «умных городов» в регионе.

Предпосылки появления «умных городов» в Северной Африке

Развитие технологий «умных городов» становится крайне актуальным для Северной Африки, так как регион сталкивается с экологическими проблемами, нехваткой воды, электроэнергии, перенаселением и дефицитом жилья. Веками в Северной Африке наблюдался дефицит пресной воды и пахотных земель. Также перед регионом стоят проблемы загрязнения воздуха, утраты биоразнообразия, сокращения морских ресурсов и деградации прибрежных экосистем. В ООН опасаются, что эти проблемы могут усугубиться, если в регионе не поменяется подход к организации жизни населения [Abumoghli, Goncalves, 2019].

В Северной Африке в 2022 г. проживает 256 млн человек⁶. Это регион с высокими темпами роста населения. В 2021 г. население по рассматриваемым странам в среднем выросло на 1,5%: максимально – в Египте (на 1,9%), а минимально – в Тунисе (на 1%). При этом в мире оно увеличилось на 0,9%⁷. Рост населения в регионе происходит за счет естественного прироста, так как сохраняется достаточно высокая фертильность: в 2021 г. у каждой женщины в среднем было 3 детей⁸.

6 Northern Africa Population // Worldometers. – URL: <http://www.worldometers.info/world-population/northern-africa-population/> (дата обращения: 18.08.2022).

7 WorldBank. Worldwide Governance Indicators. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.GROW?locations=DZ-EG-MA-TN-1W> (дата обращения: 30.05.2022).

8 WorldBank. Worldwide Governance Indicators. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN?locations=DZ-EG-MA-TN-1W> (дата обращения: 30.05.2022).

Особенностью арабских стран является очень молодое население. Средний возраст жителей – 25,5 лет. Максимальный процент молодого населения, проживающего в городах, зафиксирован в Египте (42%) и Тунисе (67%) [UNDP, 2016, р. 26]. Известно, что среднемировой возрастной показатель покупателя недвижимости – 34 года, значит, в Северной Африке высок процент людей, которые теоретически могут являться покупателями квартир и домов в новых городах.

Достаточно быстрая урбанизация, которая всё еще продолжается в регионе, также говорит о том, что спрос на жилье есть и будет увеличиваться. Городское население Северной Африки в 2021 г. выросло в среднем на 1,95% в результате высоких темпов естественного прироста и сильной миграции из сельских районов в города. Максимально оно увеличилось в Алжире, на 2,4%, а минимально – в Тунисе, на 1,4%. В мире оно выросло на 1,7%⁹. Из-за быстрой миграции из села в город образуются трущобы, которые тормозят развитие крупных мегаполисов. Некоторым странам Северной Африки удалось решить эту проблему и уменьшить количество трущоб до минимума. Так, в Тунисе в 2017 г. 3,7% населения жили в трущобах – это минимальный показатель в регионе¹⁰. Несмотря на то, что право на доступ к достойному жилью защищено египетской конституцией (статья 68)¹¹, в Египте око-

ло 33% населения проживало в трущобах – максимальный показатель среди стран Северной Африки¹². Дефицит жилья – проблема, которая стоит перед арабскими странами очень остро, и при этом именно она является двигателем в применении концепции «умный город».

Для примера можно рассмотреть более подробно проблемы Египта, которые подталкивают его к активному строительству «умных городов». Население страны растет достаточно быстрыми темпами. По данным *World Bank*, в 2010 г. в Египте проживало 82,8 млн человек, а в 2021 г. было уже 104,3 млн жителей¹³. В среднем в этот период население ежегодно увеличивалось на 2,1%¹⁴. ВВП при этом с 2010 по 2020 г. рос ежегодно в среднем на 3,8%, но в некоторые годы этот показатель заметно замедлялся¹⁵. Перед Египтом также стоит серьезная проблема нехватки пресной воды из-за многолетнего спора с Эфиопией и Суданом по вопросу распределения воды в Ниле. Исследование, опубликованное 1 июля 2021 г. в журнале *Environmental Research Letters*, показало, что быстрое заполнение «Плотины великого возрождения Эфиопии» может привести к сокращению воды в Египте более чем на треть [Heggy, Sharkawy, Abotalib, 2021, р. 3]. По этой причине в новых городах страны нужно уделять особенное внимание сохранению воды и ее экологичному использованию. Именно поэтому

9 WorldBank. Worldwide Governance Indicators. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN?locations=DZ-EG-MA-TN-1W> (дата обращения: 30.05.2022).

10 The State of Play of Sustainable Cities and Buildings in the Arab Region // UNEP. – 2016. – URL: <https://globalabc.org/resources/publications/state-play-sustainable-cities-and-buildings-arab-region> (дата обращения: 30.05.2022).

11 Адустур (Конституция). – URL: <https://dostour.eg> (дата обращения: 30.05.2022).

12 The State of Play of Sustainable Cities and Buildings in the Arab Region // UNEP. – 2016. – URL: <https://globalabc.org/resources/publications/state-play-sustainable-cities-and-buildings-arab-region> (дата обращения: 30.05.2022).

13 WorldBank. Worldwide Governance Indicators. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?end=2021&locations=EG&start=2010> (дата обращения: 30.05.2022).

14 WorldBank. Worldwide Governance Indicators. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.GROW?end=2021&locations=EG&start=2010> (дата обращения: 30.05.2022).

15 WorldBank. Worldwide Governance Indicators. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2021&locations=EG&start=2010> (дата обращения: 30.05.2022).

«умные города» могут стать настолько важны для этой арабской страны.

При этом у стран Северной Африки есть и преимущества для реализации этой концепции. Как говорилось ранее, это большой процент молодого населения, которое заинтересовано в новом жилье. Еще один плюс африканских городов – у них нет богатого бэкграунда. Многие города, иногда даже страны не оснащены сложными и старыми телекоммуникациями, которые нужно менять, чтобы осовременить город. Поэтому можно сразу устанавливать современное оборудование, сети LTE и 5G. Также можно выделить «предпринимательский дух» африканцев. Тот, кто был в Африке, не мог не обратить внимание, как умело они делают бизнес из самых неочевидных вещей. Например, покупают упаковку салфеток и продают уже по одной пачке или создают импровизированные парикмахерские прямо в центре улицы и быстро делают прически.

«Умные города» Египта

В Египте возводят девять новых городов, в том числе новую столицу, которая расположена в 45 км от Каира. Новая столица (*New Administrative Capital*) будет занимать площадь 700 км², на которой смогут проживать 6,5 млн человек. В городе построят 1 тыс. мечетей, промышленные зоны, конференц-центр на 5 тыс. мест и крупнейший в мире парк. Цель проекта не только уменьшить дефицит жилья, но и стимулировать экономику путем увели-

чения количества рабочих мест, а также создать «умный город» XXI века, в котором будет комфортно человеку¹⁶.

Проект планировали завершить к 2022 г. В марте 2022 г. пресс-секретарь города Халед Эль-Хусейни заявил, что столица готова более чем на 98%, а строители завершают дорожные и ландшафтные работы. Полная стоимость проекта составит 45 млрд долларов США. Строительство города выполняется государством совместно с компанией *Saudi-Egyptian Construction Company (Secom)*¹⁷. В городе также реализуют различные технологические и инвестиционные проекты, в которых участвуют более 20 международных компаний.

Известно, что жители новой столицы Египта будут использовать смарт-карты и приложения, чтобы открыть входную дверь или воспользоваться лифтом. «Благодаря мобильному приложению гражданин сможет управлять всеми бытовыми делами», – сказал Мохамед Халиль, глава отдела технологий компании «Административная столица городского развития» (*ACUD*), которая выступает основным подрядчиком в этом проекте¹⁸. По всему городу установлена сеть из 6 тыс. камер. Благодаря им будут следить за порядком на улице и сообщать в общий центр сбора данных при появлении подозрительной активности. Правозащитники опасаются, что это увеличит контроль за населением и усугубит его несвободу.

Проблемой новой столицы может стать и то, что жизнь в ней себе смогут позволить только состоятельные егип-

16 Barner R. Constructing the new capital of Egypt // *Construction Review*. – 2020. – July 20. – URL: <https://constructionreviewonline.com/2017/11/new-capital-egypt-construction-project/> (дата обращения: 24.05.2022).

17 Njoroge T. Egypt to commence development project on its new capital // *Construction Review*. – 2018. – October 1. – URL: <https://constructionreviewonline.com/2018/10/egypt-to-commence-development-project-on-its-new-capital/> (дата обращения: 24.05.2022).

18 Egypt plans high-tech leap with 'smart city' design in new capital // *The Arab Weekly*. – 2021. – September 3. – URL: <https://thearabweekly.com/egypt-plans-high-tech-leap-smart-city-design-new-capital> (дата обращения: 30.05.2022).

тяне, представители элит. Треть населения Египта живет за чертой бедности. Постдокторский научный сотрудник Ланкастерского университета Мустафа Меньшоуи в своей статье для *Al Jazeera* отметил, что трехкомнатная квартира в новой столице стоит около 50 тыс. долларов США – огромная сумма, недоступная многим в стране, где валовой внутренний продукт на душу населения составляет около 3 тыс. долларов США. Таким образом, новый город не решит проблему перенаселения Египта, если власти не изменят ценообразование хотя бы для некоторых групп населения. На фоне критики власти сообщили, что в новой столице будет социальное жилье, однако не раскрыли подробностей, когда оно будет построено и когда в него переселят нуждающихся [Menshawy, 2021].

М. Меньшоуи заявил, что этот проект – нечто большее, чем альтруистические усилия правительства по разгрузке Каира и улучшению условий жизни жителей города. По его словам, ACUD на 51% принадлежит египетским военным, а остальные 49% – Министерству жилищного строительства, поэтому армия получит большую финансовую выгоду от реализации этого проекта. Основной подрядчик отвечает за продажу жилья в новой столице. Кроме того, компания также отвечает за продажу или эксплуатацию зданий в Каире, которые будут освобождены после переезда министерств, посольств и других организаций в новый город. Таким образом, ACUD получит много дорогих зданий, которые находятся в самом центре Каира, с видом на площадь Тахрир. «Это означает, что военные получают огромную финансовую отдачу после завершения строительства новой столицы. Более того, эти доходы не бу-

дут проверяться гражданскими властями, поскольку правительство практически не контролирует финансы Вооруженных сил» [Menshawy, 2021].

Как отмечалось выше, Новый Каир не единственный город, который строится в стране. Идет работа еще над восемью новыми городами, самыми крупными из которых являются Новая Тошка и Новая Исмаилия. Строительство городов-спутников осуществляется в рамках плана Министерства жилищного строительства по возведению нового поколения мегаполисов в стране. Министр жилищного строительства уверен, что только таким образом можно решить проблему нелегальной застройки и удовлетворить потребности растущего населения. Финансированием проектов возведения новых городов занимается Администрация новых городских общин.

В рамках долгосрочной стратегии развития инфраструктуры администрации президента Египта Абдула-Фаттаха Ас-Сиси правительство планирует возвести 38 новых «умных городов» по всей стране в течение нескольких лет. В общей сложности эти проекты потребуют инвестиций на сумму 700 млрд египетских фунтов (37 млрд долларов США). 70% вложений выделяют из государственного бюджета, а 30% покроют частные инвестиции¹⁹. Согласно заявлению Министерства жилищного строительства от 2019 г., «умные города», которые ведомство также называет городами четвертого поколения, будут построены по всей стране на площади 2 226 км². Представители министерства тогда отметили, что эти проекты дадут 4 млн прямых и 3 млн косвенных рабочих мест. В общей сложности после окончания строительства в эти города смогут

19 Why the gov't is moving towards smart cities // Enterprise.press. – 2022. – February 9. – URL: <https://enterprise.press/hardhats/govt-moving-towards-smart-cities/> (дата обращения: 30.05.2022).

поселиться около 30 млн жителей. Иман Набил, генеральный директор по развитию Министерства жилищного строительства, отметила, что при реализации этих проектов необходимо уделять особенное внимание возобновляемым источникам энергии и озеленению территорий. Чиновница считает, что города также должны соединить в себе развитую промышленность и чистый воздух. «То есть перед властями стоит непростая задача – создать промышленные территории, которые не будут загрязнять окружающую среду», – заключила Набил²⁰.

Власти Египта поощряют внедрение зеленых технологий в новые и старые города, позиционируя зеленое строительство как вопрос государственной важности. Египетский Совет по экологическому строительству создал рейтинговую систему «Зеленая пирамида», которая оценивает экологичность и энергоэффективность зданий, эффективность использования воды, материалов и других ресурсов во время строительства. Как ожидается, эта инициатива и подобные сыграют важную роль в переходе строительного сектора на зеленый рынок²¹.

Валид Аббас, помощник министра жилищного строительства и руководитель планирования и проектов Управления новых городских сообществ Египта, в феврале 2022 г. рассказал изданию *Enterprise*, что «умный город» сильно зависит от технологий, которые в него внедряют. В каждом новом «умном городе» Египта создают центры обработки данных, которые будут контролиро-

вать все системы города, а также получать электронные жалобы от граждан. В дальнейшем на все замечания населения специалисты смогут реагировать удаленно. По словам Халеда Хегизи, главы *Etisalat Mizr* (компании, которая создает такие центры), в строительство центров обработки данных только в новой столице инвестировали более 20 млн долларов США²². *Etisalat Mizr* совместно с американской компанией *Honeywell* работают над этим проектом с начала 2020 г. Они разрабатывают общегородскую платформу «Интернет вещей», которая будет включать «аналитику данных, общегородскую панель управления, портал взаимодействия с гражданами *Smart City Services* и мобильное приложение».

Как говорилось ранее, ИКТ также используется в управлении отходами в «умных городах». Египетские власти планируют установить в каждом мусорном контейнере датчики для измерения уровня его заполнения. Это решение поможет водителю выстраивать необходимый маршрут. Данный шаг положительно скажется на экологии, так как исчезнет надобность вывозить мусор из еще не заполненных контейнеров только потому, что этого требует график. Более того, это приложение позволит эффективно использовать мусор, понимая его природу и определяя соответственно варианты переработки. Эксперты *McKinsey* обнаружили, что такой датчик может уменьшить объем твердых отходов на душу населения на 10–12% и сократить объем непереработанных твердых отходов

20. Аппарат Совета министров, заявление министра жилищного строительства (на араб. яз.) // Facebook. (*Meta Platforms Inc* (владелец Facebook) — организация признана экстремистской). – URL: https://ar-ar.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1431041440407550&id=794615087383525 (дата обращения: 30.05.2022).

21. The State of Play of Sustainable Cities and Buildings in the Arab Region // UNEP. – 2016. – URL: <https://globalabc.org/resources/publications/state-play-sustainable-cities-and-buildings-arab-region> (дата обращения: 30.05.2022).

22. Why the gov't is moving towards smart cities // Enterprise.press. – 2022. – February 9. – URL: <https://enterprise.press/hardhats/govt-moving-towards-smart-cities/> (дата обращения: 30.05.2022).

на 30–130 кг на человека в год²³. Правительство Египта также намерено внедрить приложения в транспортную сеть города. Горожане смогут проверить, через сколько минут придет необходимый для них транспорт, и найти наименее загруженный путь, если передвигаются на личном транспорте. Власти уверены, что это решение поможет сократить время поездок в среднем на 15–20%²⁴.

«Умные города» будут связаны с остальной частью страны новыми транспортными проектами, такими как монорельс, легкорельсовый поезд и высокоскоростная железная дорога. В 2021–2022 гг. власти выделили из бюджета на развитие транспорта 245 млрд египетских фунтов (13 млрд долларов США). Из этой суммы 113 млрд египетских фунтов (6 млрд долларов США) пойдут на реализацию проектов по строительству высокоскоростной железной дороги, метро и монорельса. Последний должен соединить новую административную столицу с Гизой и Наср-Сити²⁵.

«Умные города» Марокко

Правительство Марокко активно внедряет «зеленый» общественный транспорт и развивает инфраструктуру городов. Рассмотрим несколько примеров.

В марте 2017 г. король Марокко Мухаммед VI дал старт проекту *Tangier Tech City*. Это умный город, который

будет построен на участке площадью 200 га в течение 10 лет. Проект реализуют в партнерстве с китайской компанией *China Communications Construction Co*, его стоимость оценивается в 1 млрд долларов США. Одной из целей постройки нового города является стимулирование экономики страны путем привлечения китайских компаний, работающих в автомобильной, аэрокосмической, текстильной и электронной отраслях, которые откроют свои предприятия на территории *Tangier Tech*. Ожидается, что такое взаимодействие принесет около 10 млрд долларов инвестиций и создаст 100 тыс. рабочих мест. В июле 2022 г. стороны заключили рамочное соглашение о начале реализации этого проекта²⁶.

Еще один пример – зеленый город Мохаммед VI, который сможет вместить в себя 120 тыс. жителей. Он расположен к югу от города Бенжерир, всего в тридцати минутах езды от Марракеша. Зеленый город Мохаммед VI строится в соответствии с требованиями международной сертификации *LEED (Leadership in Energy and Environmental Design)*, разработанной *USGBC (Совет по экологическому строительству США)* для объективной оценки воздействия города на окружающую среду. Зеленый город Мохаммед VI может стать первым сертифицированным *LEED*-городом в Африке. Согласно данным *Société d'Aménagement et de Développement Vert (SADV)* – основного застройщика города, количество зеленых насаждений на душу населения в нем будет

23 Honeywell, Etisalat Misr, ACUD to deploy tech at Egypt's smart city // *Construction Week*. – 2020. – January 19. – URL: <https://www.constructionweekonline.com/products-services/262108-honeywell-etisalat-misr-acud-to-deploy-tech-at-egypts-smart-city> (дата обращения: 30.05.2022).

24 Why the gov't is moving towards smart cities // *Enterprise.press*. – 2022. – February 9. – URL: <https://enterprise.press/hardhats/govt-moving-towards-smart-cities/> (дата обращения: 30.05.2022).

25 2019/2018 – 2022/2021 مخطط التنمية الحضرية 2019/2018 – 2022/2021 (Среднесрочный план устойчивого развития на 2018/2019 – 2021/2022 гг.) // Ministry of Planning and Economic Development. – URL: https://mped.gov.eg/AdminPanel/sharedFiles/9504fef0-8ba2-4852-99a1-808937a0599f_plan_18_2019_21_2022.pdf (дата обращения: 30.05.2022).

26 Tanger Tech Mohammed VI City Project Updates // *Construction Review*. – 2022. – July 31. – URL: <https://constructionreviewonline.com/biggest-projects/morocco-begins-construction-of-tanger-tech-mohammed-vi-city/> (дата обращения: 01.08.2022).

составлять 20 м². При этом по архитектурным стандартам этот показатель в среднем равняется 6 м² на человека. Город также является «архитектурной лабораторией» под открытым небом. Конструкции разрабатываются с учетом строгих архитектурных, градостроительных, ландшафтных и технических норм, в значительной степени продиктованных концепциями биокондиционирования, к которым относятся ориентация зданий в соответствии с окружающим пространством, изменение высоты зданий для обеспечения естественной вентиляции.

Сердцем города станет Политехнический университет Мохаммеда VI; именно вокруг него и будет существовать вся инфраструктура. Цель этого проекта – создать двигатель развития страны, инкубатор и исследовательский центр. Главный застройщик города – дочерняя компания крупнейшего в мире экспортера фосфорных удобрений *Office Chérifien des Phosphates (OCP)*. Именно OCP выступает основным инвестором проекта, полная стоимость которого достигает 4,15 млрд долларов США. В *Office Chérifien des Phosphates* надеются, что новый город поможет развитию их бизнеса, так как в стране станет заметно больше образованных людей, квалификации которых хватит для работы в крупных местных компаниях. Точных сроков реализации этого проекта нет. Пока его планируют завершить в 2040 г.²⁷

В 2023 г. в Марокко будет заселен город Зената. Он занимает 1 830 га с 5 км береговой линии, в нем находится 470 га зеленых насаждений. Также в городе сконструированы бассейны для удержания воды во влажный сезон. Зената первой в Африке полу-

чила сертификат *HQE (High Quality of Environment)* от *Cerway* и *Eco-City Label (ECL)*. Сертификат *HQE* свидетельствует о том, что инициатива по созданию экологически устойчивого здания или экологически безопасной территории оказалась успешной. *Eco-City Label* разработана на основе требований сертификации *HQE Development*. Эксперты *ECL* определяют, какое влияние новый город или здание оказывают на окружающую среду, и в соответствии с этим вручают ему сертификат определенного цвета.

Строительные работы в Зенате начались в 2016 г. Инициатором проекта выступило правительство Марокко. Оно получило кредит в 150 млн евро от Французского агентства развития (AFD), 150 млн евро от Европейского инвестиционного банка и грант на 4 млн евро от Европейского союза. Строительством города Зената правительство планирует разгрузить близлежащий город Касабланку. Ожидается, что в Зенате поселятся 8 700 семей среднего класса. Также власти намерены создать 100 тыс. рабочих мест во многих сферах деятельности с высокой добавленной стоимостью (в торговле, образовании и медицине, логистике, туризме, легкой промышленности, коммунальном хозяйстве и т. д.). Будучи первым городом, получившим эко-статус, Зената является моделью для развивающихся стран, особенно в Африке²⁸.

В Марокко создают *Casablanca Finance City* – международный финансовый центр для бизнесменов со всего мира. *Casablanca Finance City* является проектом, который следует строгим экологическим нормам. Город состоит из нескольких жилых районов и офисных зданий и нацелен на поддержание

27 Morocco's New Incubator and Research Hub // NewCities. – 2014. – December 15. – URL: <https://newcities.org/cityquest-mohammed-vi-green-city-morocco-designed-development-engine-incubator-research-hub/> (дата обращения: 12.08.2022).

28 Eco-cite Zenata // Zenata Eco City. – URL: <https://zenataecocity.ma> (дата обращения: 13.08.2022).

экономического роста и развития Африки за счет привлечения иностранных инвестиций. В 2021 г. *Casablanca Finance City* стал первым зеленым финансовым центром в Африке и на Ближнем Востоке в Мировом финансовом зеленом индексе. Индекс выбирает те центры, которые оказывают положительное влияние на окружающую среду. Основным критерием является то, что они способствуют сокращению выбросов парниковых газов²⁹.

Также марокканская фосфатная компания *OCP Group* и государственный инвестиционный фонд *La Caisse de dépôt et de gestion du Maroc (CDG)* запустили проекты по строительству четырех экогородов³⁰. Они будут возведены рядом с густонаселенными городами, не навредят окружающей среде и выполнят несколько задач:

- снимут нагрузку с мегаполисов;
- обеспечат населению комфортную жизнь.

В королевстве также уделяется внимание внедрению «умных технологий» в уже существующие города. Например, страна намерена превратить город Дахла, который находится в управляемой Марокко части Западной Сахары, в один из самых важных экономических центров в Северной Африке. Дахла также должна соединить страны Европы и государства Африки к югу от Сахары. Прежде всего власти хотят выделить деньги на модернизацию порта, который расположен примерно в 40 км от города Дахла. Вокруг него находится промышленная зона площадью 1 650 га. В настоящее время это торгово-

рыболовная зона, которая должна быть преобразована в конкурентоспособную и самодостаточную платформу для привлечения иностранных инвестиций. На эти цели правительство выделило чуть более 12 млрд марокканских дирхамов (около 1,1 млрд евро)³¹. После обновления этого порта власти перейдут к осуществлению одного из самых амбициозных проектов региона – *Dakhla Smart City*. Город займет 275 га, а его создание совместно профинансируют государство и частные инвесторы, среди которых китайская компания *Huawei*. По словам Бадра Кануни, президента группы по развитию, строительству и жилью *Al Omrane*, эта инициатива является частью нового видения Марокко по развитию южных регионов. Кануни пояснил, что проект будет способствовать ускорению процесса урбанизации в регионе и обеспечит инфраструктуру следующего поколения для удовлетворения потребностей жителей Дахлы. «Это строительство повысит экономическую и инвестиционную активность юга страны», – считает глава *Al Omrane*. Он оценил проект в 282,8 млн долларов США³².

В Марокко существует экологическое законодательство; также власти создали ведомства, которые будут отвечать за выполнение «зеленой» программы, – Национальное агентство по развитию возобновляемой энергии и энергоэффективности (*ADEREE*), Марокканское агентство по солнечной энергии (*MASEN*) и Инвестиционную энергетическую компанию (*SIE*). Более того, право на устойчивое развитие

29 The construction industry in North Africa: Morocco // Ceramic world-web. – 2017. – May 4. – URL: <https://www.ceramicworld-web.it/cww-en/statistics-and-markets/north-africa-construction-morocco/> (дата обращения: 26.03.2022).

30 Ibid.

31 Martín J.M. Dakhla becomes an economic and infrastructural hub // Atalayar. – 2021. – December 22. – URL: <https://atalayar.com/en/content/dakhla-becomes-economic-and-infrastructural-hub> (дата обращения: 30.05.2022).

32 Rahhou J. 'Dakhla Smart City': A New Vision for Developing Southern Regions // Morocco World News. – 2021. – November 9. – URL: <https://www.moroccoworldnews.com/2021/11/345431/dakhla-smart-city-a-new-vision-for-developing-southern-regions> (дата обращения: 30.05.2022).

закреплено в конституции королевства. Рабат решил пойти по этому пути, в частности, из-за отсутствия достаточного количества природных ресурсов. По данным Всемирного банка, 97% потребностей Марокко в энергии обеспечиваются импортными видами топлива. Поэтому «умные города» и возобновляемые источники энергии могут стать для этого государства отличным шансом для диверсификации своих энергоресурсов.

Можно предположить, что успехи Марокко в этой сфере отчасти связаны с современным законодательством, которое строго регулирует экологические стандарты, а также с созданием привлекательной среды для инвестирования в соответствующие проекты. Например, королевство всё чаще обращается к государственно-частным партнерствам (ГЧП). В январе 2020 г. была внесена поправка к Закону № 46-18, регулирующая государственно-частное партнерство, которая расширила сферу применения ГЧП, включив в него местные органы власти. Кроме того, была создана Национальная комиссия по ГЧП, которая контролируется премьер-министром и отвечает за разработку национальной стратегии ГЧП, определение наилучшей практики заключения контрактов и оказание технической помощи местным администрациям в организации контрактов ГЧП³³.

«Умные города» Туниса

Как было изложено выше, в Тунисе практически нет трудностей. Более того, в стране нет дефицита жилья – его

даже больше, чем домашних хозяйств. При этом одна категория населения – жители с самым низким доходом – все-таки нуждается в жилье. Правительство решило возводить «умные города», чтобы поднять уровень жизни населения и создать дополнительные рабочие места. У Туниса есть национальная программа устойчивых и «умных» городов, цель которой – создать сеть таких городов по всей стране, внедряя необходимые технологии в существующие населенные пункты и возводя новые с нуля. За ее реализацию отвечает Тунисская ассоциация «умных городов» (*L'association Tunisian Smart Cities, TSC*). TSC отвечает за проектировку городов и взаимодействие властей и общества. С 2010 г. эксперты проводили анализ и исследования 30 городов Туниса, чтобы разработать необходимую для них программу улучшения и создать новые города, не повторив старых ошибок. Этот процесс занял 7 лет. С 2017 г. разрабатывалась концепция новых объектов. Сейчас программа находится на этапе реализации. Ее запустили в марте 2021 г. С этого времени сайт ассоциации не обновлялся, поэтому узнать, на каком этапе программа находится сейчас, невозможно³⁴.

Как гласит концепция TSC, тунисский «умный и устойчивый город» – это город с гармоничной городской, архитектурной и ландшафтной структурой, использующий новые технологии, средства связи и информационные системы с целью улучшения повседневной жизни граждан и их благосостояния. Во время своего создания ассоциация вдохновлялась примерами двух тунисских городов – Бизерта

33 Public investment and regulatory reforms support recovery of Morocco's construction sector // Oxford Business Group. – 2020. – URL: <https://oxfordbusinessgroup.com/overview/building-momentum-healthy-public-investment-and-regulatory-reforms-support-recovery-construction> (дата обращения: 16.05.2022).

34 Tunisian Smart Cities // Tunisian Smart Cities. – URL: <https://www.tunisiansmartcities.com/articles.php> (дата обращения: 30.06.2022).

и Кайруана³⁵. Это старые города, в которые власти внедрили «умные технологии», чтобы сделать жизнь населения легче и счастливее. В Бизерте инициаторы уделили особое внимание чистоте города. Они изменили подход к утилизации отходов, настроили систему, которая позволила вывозить мусор из городских районов регулярно³⁶. Работа над Бизертой началась в 2009 г. с создания ассоциации «Бизерта 2050». В 2021 г. город присоединился к инициативе Всемирного фонда природы (WWF) ««умный город» без пластика» (*Plastics Smart Cities*). С 2018 г. инициатива поддерживает города и прибрежные районы в принятии мер по сокращению использования пластика. Организация планирует в ближайшее время сократить попадание пластика в природу на 30% и добиться полного отсутствия пластика в природе к 2030 г.³⁷ В своем отчете под названием «Давайте остановим пластиковый поток», опубликованном в 2019 г., международная организация напоминает, что экономика Туниса ежегодно теряет около 20 млн долларов из-за загрязнения пластиком³⁸. Что касается Бизерты, Всемирный фонд природы хочет остановить попадание пластика в озеро Ичкеуль, которое выходит в Средиземное море.

Над цифровой трансформацией города работает местный оператор *Tunisie Telecom*. Оператор оборудовал

около 25 км оптического волокна, инвестировал в модернизацию телефонной связи, чтобы дать возможность клиентам пользоваться Интернетом в любом месте города. *Tunisie Telecom* развивает сети 3G и 4G, а также цифровое здравоохранение, образование и среду в целом³⁹. Таким образом, Бизерта стала достаточно нетипичным «умным городом» (арабские страны в основном строят такие города с нуля). Они намного реже внедряют технологии в уже существующие города, как мы видим из примеров, приведенных выше.

Еще один крупный проект, который, правда, реализуется с нуля, – Тунисская финансовая гавань – офшорный банковский и финансовый центр, расположенный в центре Средиземноморья. Тунисская финансовая гавань будет включать в себя финансовые и коммерческие объекты, жилые дома, медицинские и учебные заведения. Работа над проектом началась в конце ноября 2016 г. и всё еще продолжается. Предполагается, что окончательная стоимость Тунисской финансовой гавани достигнет 3 млрд долларов. Проект выполняется бахрейнской инвестиционной компанией *GFH Financial Group*⁴⁰. Известно, что гавань планирует использовать технологии блокчейна в своих расчетах, создав для этого специальную сервисную платформу. В реализации этого плана будет

35 Tunisian Smart Cities // Tunisian Smart Cities. – URL: <https://www.tunisiansmartcities.com/articles.php> (дата обращения: 30.06.2022).

36 Bizerte // ASToN. – URL: <https://aston-network.org/bizerte/> (дата обращения: 01.07.2022).

37 About. Our ambition // Plastic Smart Cities. – URL: <https://plasticsmartcities.org/pages/our-ambition> (дата обращения: 01.07.2022).

38 Magoum I. Tunisia: Tinja joins WWF initiative to reduce plastic pollution. // Afrik21. – URL: <https://www.afrik21.africa/en/tunisia-tinja-joins-wwf-initiative-to-reduce-plastic-pollution/> (дата обращения: 01.07.2022).

39 Chaabane M. « Bizerte Smart City »: Le rôle majeur de Tunisie Telecom pour faire de Bizerte une «ville intelligente» // Webdo. – 2018. – April 20. – URL: <https://www.webdo.tn/2018/04/21/bizerte-smart-city-role-majeur-de-tunisie-telecom-faire-de-bizerte-ville-intelligente/> (дата обращения: 01.07.2022).

40 GFH's Tunis Financial Harbour to complete infrastructure works // Albawaba. – URL: <https://www.albawaba.com/business/pr/gfh%E2%80%99s-tunis-financial-harbour-complete-infrastructure-works-916904> (дата обращения: 09.08.2022).

помогать сингапурская компания *Locus Chain Foundation*⁴¹.

«Умные города» Алжира

В Алжире также существует большой дефицит жилья. Для решения этой проблемы и снятия нагрузки с крупных городов строятся города-спутники Драа Эрриц и Буинан. А в 2018 г. завершилось строительство города Сиди Абдалла. Город не оправдал ожиданий ни правительства, ни жителей. Планировалось, что Сиди Абдалла станет «умным городом» будущего. Однако воплотить план в реальность не удалось. Новый город не только не решил старые проблемы, но и создал новые. В Сиди Абдалле отсутствует необходимая инфраструктура – нет государственных детских садов, школ, офисов: жители ездят на работу и на учебу в столицу, из-за чего ухудшается дорожная ситуация. Город спланирован достаточно неудачно, что тоже вызывает недовольство местных жителей⁴².

Как говорилось ранее, одна из целей строительства «умных городов» – повышение качества жизни населения. Для оценки этого показателя формируются рейтинги городов по качеству жизни. Столица Алжира в 2021 г. попала в рейтинг «Десять наименее пригодных для жизни городов мира» от журнала *The Economist*, заняв в нем 6-е место. Издание оценило стабильность в Алжире в 35 баллов из 100, уровень здравоохранения – 29,2, возможности для образования – 41,7, культурный отдых и развлечения – 37,3, а инфраструктура города получила 30,4 баллов [The Economist Intelligence Unit,

2021]. Для расчета этих баллов создатели рейтинга анализировали несколько показателей в каждом из пунктов. Например, для анализа стабильности ситуации в городе они рассмотрели, насколько распространены мелкие и насильственные преступления, существуют ли угрозы терроризма, военного конфликта и беспорядков. Чтобы определить уровень здравоохранения, аналитики исследовали доступность частной и государственной медицины, их качество, общие медицинские показатели по городу и насколько легко горожанин может получить безрецептурные лекарства. При анализе образования авторы рейтинга взяли за основу доступность и качество частного образования, а также основные показатели по государственному образованию [The Economist Intelligence Unit, 2021].

В Алжире практически отсутствуют программы жилищного строительства, которые отвечали бы требованиям экологичности и устойчивости. Именно поэтому правительство решило построить 3 тыс. экологических жилых домов и провести тепловую реконструкцию 4 тыс. других существующих жилых зданий. Национальное агентство по содействию рационализации энергетики также на этом фоне запустило программу *BATIMENT ECOLOGIQUE (ECOBAT)*. В рамках этой программы будет построено 600 домов с высокими энергетическими показателями. Пока сроки полного завершения этих проектов неизвестны [Boukli HaceMne, Chabane Sari, Benyoucef, 2011, p. 629].

Из-за своего географического положения Алжир считается одной из лучших стран для развития солнечной

41 SmartCitiesWorld news team. Tunisia smart city chooses blockchain // SmartCitiesWorld. – 2018. – June 28. – URL: <https://www.smartcitiesworld.net/news/news/tunisia-smart-city-chooses-blockchain-3070> (дата обращения: 01.08.2022).

42 Sidi Abdellah, « stupid city » de l'Algérie // Le Monde. – 2017. – 26 Decembre. – URL: https://www.lemonde.fr/afrique/portfolio/2017/12/26/sidi-abdellah-stupid-city-de-l-algerie_5234562_3212.html (дата обращения: 03.08.2022).

энергетики. Ее потенциал оценивается в более чем 3 тыс. часов солнечного света в год, но при этом нынешние власти не используют его в полной мере. Это может быть связано как с большими запасами в стране традиционных энергоносителей (газа), общей относительной закрытостью страны от иностранных компаний и инвестиций, так и с политической ситуацией. С 1999 по 2019 г. страной управлял пожилой президент Абдель Азиз Бутефлика, которому пришлось уйти в отставку после массовых протестов. Как и любой человек, который находится долго у власти, Бутефлика не был готов кардинально менять экономическую стратегию. При нем даже амбициозные идеи реализовывались не самым лучшим образом из-за отсутствия необходимых технологий и высокого уровня коррупции. На его место пришел Абдельмаджид Теббун, который еще не успел проявить себя в этой сфере из-за выпавшей на начало его президентского срока пандемии.

Выводы

После анализа проектов «умных городов» в Северной Африке можно сделать следующие выводы. Для стран региона характерна корреляция между уровнем запасов нефти и газа и тем, насколько активно правительства развивают концепцию «умных городов». По состоянию на начало 2020 г. доказанные запасы газа в Алжире составляли 4,34 трлн куб. м. По данному показателю страна занимает 2-е место в Африке (после Нигерии) и 11-е место в мире, концентрируя 2,2% мировых запасов⁴³. Соответственно, Алжир имеет возможность не разрабатывать

и не внедрять также активно концепцию «умных городов», как это должны делать страны, перед которыми стоит проблема нехватки ресурсов и отсутствия больших экспортных доходов. В то же время Марокко, активнее остальных стран внедряющая эту концепцию, обладает доказанными запасами газа всего в 1,6 млрд куб. м. Нефти в стране еще меньше – примерно 150 тыс. тонн⁴⁴.

Правительство некоторых стран, например, Египта, создавая новые города, как будто стремится избежать решения проблем в уже существующих. Возникает ощущение, что, по мнению властей, легче создать новый город с нуля, чем внедрить в уже существующий принципы и технологии «умного города». Однако пример Туниса показал, что второй вариант также возможен и может быть достаточно успешен.

Также стоит отметить, что реализация проектов «умных городов» в Северной Африке возможна только при участии иностранных инвестиций. Странам нужно перенимать опыт западных государств, также многим из них необходимо иностранное финансирование, в том числе из Китая, потому что денег из бюджета часто недостаточно. Кроме того, в регионе пока нет необходимых технологий и квалифицированных работников.

Список литературы

Abumoghli I., Goncalves A. Environmental challenges in the MENA region // UNEP. – 2019. – 10 p. – URL: <http://www.indiaenvironmentportal.org.in/files/file/Environmental-challenges-in->

43 Газовая промышленность Алжира // Центральное диспетчерское управление топливно-энергетического комплекса. – 2022. – 1 февраля. – URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/3/980/ (дата обращения: 18.08.2022).

44 Марокко // Минерал. – URL: <https://www.mineral.ru/Facts/world/116/144/index.html> (дата обращения: 18.08.2022).

theMENA-region.pdf (дата обращения: 01.06.2022).

Anthopoulos L.G. Understanding smart cities: A tool for smart government or an industrial trick? – Basel : Springer, 2017. – Xv, 293 p.

Boukli HaceMne M.A., Chabane Sari N.E., Benyoucef B. La construction емcologique en Algemrie: Question de choix ou de Moyens? // Revue des Energies Renouvelables. – 2011. – N 4. – P. 627–635.

Heggy E., Sharkawy Z., Abotalib A.Z. Egypt's water budget deficit and suggested mitigation policies for the Grand Ethiopian Renaissance Dam filling scenarios // Environmental Research Letters. – 2021. – N 7. – 17 p. – DOI: 10.1088/1748-9326/ac0ac9.

Menshawy M. Why is Egypt building a new capital? And who will this multi-billion project benefit the most? // Aljazeera. – 2021. – July 5. – URL: www.aljazeera.com/opinions/2021/7/5/why-is-egypt-building-a-new-capital (дата обращения: 01.08.2022).

The Economist Intelligence Unit. The Global Liveability Index 2021. How the Covid-19 pandemic affected liveability worldwide. – London, 2022. – 11 p. – URL: <https://nonews.co/wp-content/uploads/2022/02/GLI2021.pdf> (дата обращения: 01.06.2022).

UNDP. Arab Human Development Report 2016: Youth and the Prospects for Human Development in a Changing Reality. – New York, 2016. – 272 p.

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.02

Development of Smart Cities in North Africa

Varvara K. MITINA

Junior Researcher of the Center for Global and Strategic Studies
Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences
Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001
E-mail: mitvarya19@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5933-6452

CITATION: Mitina V.K. (2022). Development of Smart Cities in North Africa. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 4, pp. 23–40 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2022.04.02

Received: 02.06.2022.

Revised: 06.09.2022.

ABSTRACT. *The article discusses the implementation of the “smart city” concept in the countries of North Africa. The purpose of the study is to find out how successfully the plans to create the cities of a new generation are implemented in the states of the region. Against the background of environmental problems, water and electricity shortages, rapid population growth and urbanization, as a result of which a number of slums are growing and there is a shortage of housing, «smart cities» are becoming extremely relevant for the countries of North Africa. In addition, the states of the region have good prerequisites and advantages for the implementation of such projects. For example, the lack of a rich background in many North African cities allows to introduce the most modern technologies, and there are also great opportunities for developing alternative energy, which is often used in the cities of a new generation. At the same time, when implementing the concept under consideration, the countries face a number of problems such as technological dependence on other states, lack of qualified personnel, failure to complete work on time. The development of smart cities is considered on the example of the analysis of re-*

levant projects in the countries such as Algeria, Egypt, Morocco and Tunisia. As a result of the study, conclusions were drawn that without partnership with Western countries and China, the countries of North Africa cannot yet implement smart city projects. In addition, it is worth noting that in the region there is a correlation between the level of oil and gas reserves in the country and how much attention its government pays to the development of new generation city projects – the more reserves, the less “smart city” technologies are being introduced. It can also be assumed that by actively developing smart city projects from scratch, governments are moving away from solving problems in existing cities, which negatively affects their residents.

KEYWORDS: *smart cities, development, North Africa, slums, innovation.*

References

Abumoghli I., Goncalves A. (2019). Environmental challenges in the MENA region. UNEP, 10 pp. Available at: <http://www.indiaenvironmentportal.org.in/files/>

file/Environmental-challenges-in-theME-NA-region.pdf, accessed 01.06.2022.

Anthopoulos L.G. (2017). *Understanding smart cities: A tool for smart government or an industrial trick?* Basel : Springer, 2017, xv + 293 pp.

Boukli HaceMne M.A., Chabane Sari N.E., Benyoucef B. (2011). La construction emcologique en Algemrie: Question de choix ou de Moyens? *Revue des Energies Renouvelables*, no. 4, pp. 627–635.

Heggy E., Sharkawy Z., Abotalib A.Z. (2021). Egypt's water budget deficit and suggested mitigation policies for the Grand Ethiopian Renaissance Dam filling scenarios. *Environmental Research Letters*, no. 7, 17 pp. DOI: 10.1088/1748-9326/ac0ac9.

Menshawy M. (2021). Why is Egypt building a new capital? And who will this multi-billion project benefit the most? *Aljazeera*, July 5. Available at: www.aljazeera.com/opinions/2021/7/5/why-is-egypt-building-a-new-capital, accessed 01.08.2022.

The Economist Intelligence Unit (2022). *The Global Liveability Index 2021. How the Covid-19 pandemic affected liveability worldwide*. London, 11 pp. Available at: <https://nonews.co/wp-content/uploads/2022/02/GLI2021.pdf>, accessed 01.06.2022.

UNDP (2016). *Arab Human Development Report 2016: Youth and the Prospects for Human Development in a Changing Reality*. New York, 272 pp.

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.03

КНР и моделирование «новой геополитической реальности» в Африке

Евгений Ильич ЗЕЛЕНЕВ

доктор исторических наук, профессор, директор Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург
наб. канала Грибоедова, д. 123а, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190068

E-mail: ezelenev@hse.ru

ORCID: 0000-0001-6602-1806

Мария Алексеевна СОЛОЩЕВА

кандидат исторических наук, доцент Кафедры исследований Китая, Юго-Восточной и Южной Азии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург
наб. канала Грибоедова, д. 123а, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190068

E-mail: msoloshcheva@hse.ru

ORCID: 0000-0002-4377-3244

ЦИТИРОВАНИЕ: Зеленев Е.И., Солощева М.А. КНР и моделирование «новой геополитической реальности» в Африке // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2022. Т. 15. № 4. С. 41–59.

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.03

Статья поступила в редакцию 01.11.2022.

Исправленный текст представлен 25.11.2022.

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена анализу потенциала Китая на африканском направлении в геополитическом, торгово-экономическом, финансово-инвестиционном и военно-стратегическом измерениях и их имплементации к китайско-африканской политике. Геополитические и экономические параметры развития китайско-африканских отношений имеют меньшую динамику роста по сравнению с геополитическим фактором. Приведенные данные позволяют начать серьезный анализ того, какие

из стран-последователей КНР оказываются под стратегической геополитической опекой Китая в степени, которая позволяет защищать в этих странах китайские интересы комплексно, то есть как политико-дипломатическим, так и военным путем. Авторы приходят к выводу, что еще недавно стабильные и прочные отношения между африканскими странами-последователями Китая и самой КНР в обозримом будущем неизбежно вступят в противоречие с интересами других глобальных игроков в Аф-

рике, прежде всего США. Экономическое содержание понятия «страна-последователь» постепенно приобрело неокOLONиальный смысл, когда отсталость африканских стран-последователей от их стран-лидеров не только не уменьшилась, но искусственно законсервировалась и даже возросла. Позитивный смысл понятия «страна-последователь» девальвировался. Стало возможно быть последователем сразу двух и более глобальных геополитических игроков одновременно. КНР предложила отказаться от заведомо неравноправной модели, в которой есть «страна-лидер» и «страна-последователь», в пользу партнерства по формуле win-win. В отличие от геополитических оппонентов, политика КНР в Африке оставляет африканским странам шанс на выбор пути развития и даже почти партнерские отношения на условиях поддержки китайской глобальной инициативы «Один пояс – один путь» и альтерглобальной стратегии строительства «Сообщества единой судьбы человечества». В период с 2017 по 2022 г. военный аспект, дополнив геополитический, занял важное место во внешней политике КНР, завершив тем самым оформление китайской геополитической доктрины глобального лидерства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: китайско-африканские отношения, глобальное лидерство, новая геополитическая реальность, «драка за Африку», КНР.

Современный этап китайского проникновения на Африканский континент имеет более чем 20-летнюю историю¹. Он начался в 2000 г., когда состоялся первый Форум сотрудничества Китай – Африка (далее – ФСКА), проведенный под эгидой Цзян Цзэминя, тогда председателя Госсовета КНР². С исторической точки зрения китайская экономическая, политическая и культурно-идеологическая политика в Африке в XXI в. разделяется на три исторически обоснованных периода. Каждый из них в той или иной степени коррелируется с личными качествами и идеологическими взглядами трех председателей КНР: Цзян Цзэминя (1993–2003 гг.), Ху Цзиньтао (2003–2013 гг.) и Си Цзиньпина (2013 г. – по наст. вр.)³.

Для правильного понимания этого тезиса обозначим хронологические рамки каждого из периодов и приведем их характеристики:

1. Первый период – с 2000 по 2006 г. – имел ярко выраженную торгово-экономическую специфику. Китай активно искал рынки сбыта для своих товаров, и Африка сулила в этом отношении грандиозные перспективы, но с одной оговоркой: эти перспективы просматривались только в сравнительно далеком будущем. Дело в том, что на рубеже второго и третьего тысячелетий ВВП на душу населения, равно как и покупательная способность африканцев, находился на низком уровне, а в отдельных африканских странах был рекордно низким [Acetoglu,

1 Китайско-африканские отношения имеют многовековую историю. Они заметно активизировались во второй половине 1950-х годов под влиянием развернувшейся между КНР и Советским Союзом конкуренции за «гегемонию» над странами третьего мира, в т. ч. африканскими. Китай предлагал африканским странам сотрудничество на иной, чем СССР, основе – на знаменитых «пяти принципах мирного сосуществования», принятых на Бандунгской конференции 1955 г., в дальнейшем вошедших в состав 10 принципов Движения неприсоединения. Знаковым стал тур в 1963–1964 гг. Чжоу Эньлая по 10 африканским странам. Китайские исследователи характеризуют эту поездку как первый визит в Африку китайского лидера с целью поддержки африканского национально-освободительного движения и развития дружбы между Китаем и африканскими странами [Чжан, Пан, 2019, с. 47]. В 1990-е годы, после распада СССР, Африка оказалась в маргинальной зоне глобальной внешней политики, что в значительной мере справедливо и для внешней политики КНР.

2 Анализ 20-летней истории политики КНР в Африке см. в [Зеленев, Солощева, 2021а].

3 О роли председателей КНР во внешней политике КНР см. в [He, 2018].

Robinson, 2013]. Тем не менее Цзян Цзэминь выдвинул инициативу проведения первого ФСКА, «открыв» в XXI в. Африку для Китая, увидев в африканском направлении перспективу для китайской внешней политики и экономического роста⁴. Как это часто бывает в китайской политической культуре, развитию африканского вектора китайской внешней политики способствовало претворение в жизни инициативы Дэн Сяопина «Выхода во вне» (кит. “走出去”战略)⁵, хотя ранее этот лозунг относился в первую очередь к внешней политике по отношению к условному Западу. Цзян Цзэминь же имплементировал лозунг Дэн Сяопина именно применительно к Африке, что совпало, и возможно, неслучайно, с инициативой США, сформулированной в «Акте о росте и возможностях для Африки» 2000 г.⁶ По аналогии с этим актом уже в ходе второго ФСКА в 2003 г. некоторые виды африканской продукции было разрешено ввозить в КНР с нулевой ввозной пошлиной, а в отношении более 190 африканских товаров были сняты все таможенные тарифы, что, наряду с импортными стимулами для китайских компаний, открыло простор для взаимного товарообмена [Захаров, Русак, 2018]. И все же первый этап можно определить как минимально энергозатратный для китайской экономики. Приоритет отдавался самым простым и в то же время наиболее выгодным формам торгового обмена – продаже товаров китайского производства в обмен на закупку африканского сырья.

2. В период с 2007 по 2013 г. наряду с торговлей, сферой услуг и строительством ведущую роль в продвижении китайских интересов в Африке стало играть крупномасштабное инвестирование китайских капиталов в африканскую экономику. Ху Цзиньтао сделал Африку фактором китайского экономического роста с упором на торгово-экономические и финансово-инвестиционные инструменты политического влияния. Будучи представителем так называемого четвертого (молодого) поколения руководителей Китая, главным внешнеполитическим партнером КНР он считал США, ратовал за мирное урегулирование тайваньского вопроса [Дейч, 2014]. При нем своего апогея достигла китайская политика мягкой силы: по всему миру, включая Африку, развернулась сеть институтов Конфуция, а китайская политика на континенте приобрела пан-африканский характер. Для Китая стало нормой делиться с африканскими партнерами опытом «индустриализации», воспроизводя в Африке объекты, аналогичные созданным в самом Китае.

3. В 2013 г. в результате предсказуемой и мирной передачи власти к управлению КНР пришел Си Цзиньпин, влияние которого в стране сегодня сравнимо с влиянием Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. При нем, что стало особенно заметно после подведения итогов прошедшего в октябре 2022 г. XX съезда КПК, была поставлена новая задача тотального освоения Африки и создания военных средств за-

4 Новый век совместного сплоченного сотрудничества Китая и Африки – речь председателя Цзян Цзэминя на церемонии открытия в Пекине Министерской конференции 2000 г. на Первом Форуме сотрудничества Китай – Африка = 中非携手合作共迎新的世纪——江泽民主席在“中非合作论坛—北京二〇〇〇年部长级会议”开幕式上的讲话 // Focac.org. – URL: http://www.focac.org/chn/zywx/zyjh/200409/t20040902_7875858.htm (дата обращения: 06.05.2022).

5 Лучше реализовывать стратегию «Выхода вовне» = 更好地实施“走出去”战略 // Gov.cn. – URL: http://www.gov.cn/node_11140/2006-03/15/content_227686.htm (дата обращения: 07.07.2022).

6 African Growth and Opportunity Act // Ustr.gov. – URL: <https://ustr.gov/issue-areas/trade-development/preference-programs/african-growth-and-opportunity-act-agoa> (дата обращения: 25.10.2021).

щиты китайских интересов в этом регионе⁷.

К началу 2023 г. Китай подошел со сформированной и работоспособной доктриной укрепления своего политического, экономического и культурно-идеологического влияния в Африке. Есть косвенные признаки того, что Китай выработал стратегический подход к Африке, смысл которого состоит уже не только в укреплении китайского политико-экономического господства на континенте, но и в приобщении Африки к китайским планам глобального передела мира [Зеленев, Солощева, 2021a].

Тема китайского проникновения в Африку, укрепления китайских политических позиций в Африке широко освещается в научных работах как китайских, так и зарубежных, прежде всего европейских и североамериканских, авторов. Выделим наиболее важные работы китайских исследователей, изучавших внешнюю политику КНР в Африке. Официальный взгляд на политику Китая, а фактически на политический курс КПК в отношении Африки, можно найти в работах профессора Партийной школы при ЦК КПК Ло Цзяньбо [Ло, 2019]. О повышении значения фактора безопасности для китайских граждан за рубежом пишет профессор Пекинского университета Ли Аньшань [Ли, 2022]. Персональному вкладу Си Цзиньпина в развитие

нового этапа китайско-африканских отношений посвящена статья китайского исследователя У Чуаньхуа [У, Хэ, Вэй, 2022]. Различным аспектам китайско-африканских отношений посвящены работы Инь Юэ, Ли Сяюнь, Чжан Чуаньхун и др. [Инь, 2022; Ли, Чжан, 2022; Чжан, Пан, 2019].

В данной статье проанализирован потенциал Китая на африканском направлении при помощи стратегических измерений, разработанных авторами данного исследования [Зеленев, Солощева, 2022]. Речь идет о геополитическом, торгово-экономическом, финансово-инвестиционном и военном измерениях и их имплементации к анализу китайско-африканской политики⁸.

Геополитическое измерение

Упомянутый выше XX съезд КПК подвел итоги пятилетнего развития Китая, указав на то, что, согласно новому этапу идеологического развития, КНР перешла от роли регионального лидера к этапу борьбы за глобальное лидерство. На это, в частности, указывает тезис о том, что, наряду с социализмом с китайской спецификой, китайская глобальная стратегия будет опираться на концепцию о единой судьбе человечества, смысл которой – создание «новой формы человеческой цивилизации»⁹. В другой программной речи

7 Си Цзиньпин: Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства – доклад на 20-м Всекитайском съезде КПК = 习近平：高举中国特色社会主义伟大旗帜为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗——在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告, October, 2022 // Fmprc.gov.cn. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202210/t20221025_10791901.shtml (дата обращения: 31.10.2022).

8 Наряду с упомянутыми выше существует еще культурно-идеологическое измерение. Оно в значительной степени обусловлено двумя первыми измерениями и в контексте данной статьи не играет принципиальной роли. Желающие могут ознакомиться с содержанием данного измерения в статье [Зеленев, Солощева, 2022].

9 Си Цзиньпин: Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства – доклад на 20-м Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая = 习近平：高举中国特色社会主义伟大旗帜为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗——在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告, October, 2022 // Fmprc.gov.cn. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202210/t20221025_10791901.shtml (дата обращения: 31.10.2022).

генерального секретаря КПК говорилось о создании в Китае нового типа человеческой цивилизации, возникшего как результат строительства социализма с китайской спецификой во взаимодействии с концепциями материальной, политической, духовной, социальной и экологической цивилизаций¹⁰.

Смысл данной трансформации становится понятен, если ознакомиться с трудами одного из корифеев китайской общественной мысли Лян Шумина (1893–1988). Согласно его мнению, цивилизационное развитие – это, прежде всего, формирование более или менее стабильных ценностных ориентиров общества. Ценностные ориентиры, в свою очередь, происходя из реалий материального мира, по сути своей носят идеологемный характер, то есть постулируются как ценности духовного порядка, независимо от того, касаются ли они вопросов экономики, политики или культуры. Стержневой культурой, вокруг которой должна формироваться будущая универсальная культура человечества, будет китайская культура, возрожденная в контексте социалистического или даже коммунистического общественного строя [Li, Zhao, 2009].

Внешнеэкономический, если так можно выразиться, меркантилизм, столь характерный для первого и отчасти для второго периода китайско-африканских отношений в XXI в., постепенно уступил место более уравновешенной внешнеполитической стратегии, согласно которой геополитическое измерение оказалось сбалансированным с сугубо экономическими интересами, а в ряде случаев даже отодвину-

ло их на второй план, как, например, это имело место во взаимоотношениях КНР с Южным Суданом, по отношению к которому Китай выступил своеобразным «спонсором» выделения этой страны из состава Судана в 2011 г. После 2013 г. геополитический фактор постепенно стал выходить на первое место в качестве приоритета африканской политики КНР, оттесняя на второй план торговые и финансово-инвестиционные интересы.

В пункте 3.1 программного документа ФСКА 2021 г. «Перспективы сотрудничества Китая и Африки до 2035 года» предпочтительным форматом сотрудничества КНР с африканскими странами стали, наряду с двусторонними, трехсторонние и многосторонние отношения¹¹. Речь идет о создании как экономических, так и политических блоков, объединенных общими государственными интересами, включая интересы государственной безопасности. Свидетельством готовности африканских стран всего континента развивать отношения в русле китайской внешнеполитической доктрины является заключение подавляющим большинством стран договоров с КНР в рамках глобальной инициативы «Один пояс – один путь»: на сегодняшний день договоры подписаны с 52 из 54 африканских стран.

Согласно исследованиям, проведенным авторами данной статьи, геополитическое измерение, то есть совокупность китайских геополитических интересов в Африке, включает следующие базовые параметры: численность населения, площадь страны, плотность населения, наличие или отсутствие

10 Си Цзиньпин. Речь на торжественном собрании по случаю столетнего юбилея коммунистической партии Китая = 习近平在庆祝中国共产党成立100周年大会上的讲话, July, 2022 // Xinhuanet.com. – URL: http://www.xinhuanet.com/2021-07/01/c_1127615334.htm (дата обращения: 21.09.2022).

11 Перспективы сотрудничества Китая и Африки до 2035 года = 中非合作2035年愿景, December 2021 // Focac.org. – URL: http://www.focac.org/chn/zywx/zywj/202112/t20211208_10464357.htm (дата обращения: 31.10.2022).

у страны выхода к морю, расположение на стратегически важных трансконтинентальных логистических маршрутах, размеры китайской диаспоры на территории страны и, конечно же, дружелюбно настроенное по отношению

к Китаю политическое руководство и основные политические элиты страны. В итоге африканские страны располагаются в рейтинговом порядке по мере убывания их геополитической значимости для Китая (см. таблицу 1)¹².

Таблица 1. Рейтинг африканских стран по их геополитической привлекательности для КНР

Table 1. Rating of African countries according to their geopolitical attractiveness for China

1. Нигерия	6. Ангола	11. Гана
2. ЮАР	7. Танзания	12. Судан
3. Египет	8. Марокко	13. Зимбабве
4. Кения	9. Эфиопия	14. Тунис
5. Алжир	10. ДР Конго	15. Кот-д'Ивуар

Источник: составлено по материалам [Зеленев, Солощева, 2022].

**Торгово-экономическое
и финансово-инвестиционное
измерения**

Как уже было сказано выше, драйвером китайской внешней политики в Африке на первых двух этапах была экономика, в первую очередь торговля и финансово-инвестиционная деятельность. Пропустив вперед геополитику, эти факторы остались важнейшими и на текущем историческом этапе. Более того, уступая геополитике в экономически неприоритетных регионах Африки, экономический фактор продолжает играть решающую роль там, где концентрируются китайские национальные экономические интересы. В связи с этим подчеркнем неуклонно возрастающую китайскую экономиче-

скую активность в регионах Восточной и Северной Африки, которые играют ведущую роль в формировании панафриканской логистической структуры.

В данной статье мы не будем глубоко анализировать торгово-экономический и финансово-инвестиционный аспекты китайской политики в Африке, по которым существует множество исследований¹³. Ограничимся лишь приведением рейтинга африканских стран согласно их торгово-экономической и финансово-инвестиционной привлекательности для КНР (см. таблицу 2).

Рейтинг торгово-экономической привлекательности основан на следующих показателях: объемы импорта, экспорта и совокупной торговли, доля китайских товаров в совокупном импорте африканской страны и доля вы-

12 В данной статье будут приведены первые 15 стран каждого рейтинга. С полным списком из 54 стран и количественными показателями по каждому из параметров всех измерений влияния читатель может познакомиться в работе: Зеленев Е.И., Солощева М.А. Генеральная матрица влияния – URL: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1-PR9NpUzVYU4UPWE9iL3Sb-bH-PZglvDvCizveGKtwm0/edit#gid=251463540> (дата обращения: 31.10.2022)

13 См., к примеру, [Lisimba, 2020; Xu, Zhang, 2022; Mourao, 2018].

Таблица 2. Рейтинг африканских стран по их торгово-экономической и финансово-инвестиционной привлекательности для КНР**Table 2.** Rating of African countries according to their trade and investment attractiveness for China

Рейтинг торгово-экономической привлекательности	Рейтинг финансово-инвестиционной привлекательности
1. Ангола	1. Ангола
2. ДР Конго	2. Эфиопия
3. ЮАР	3. Кения
4. Габон	4. Замбия
5. Гана	5. Нигерия
6. Конго	6. Египет
7. Нигерия	7. ЮАР
8. Ливия	8. ДР Конго
9. Южный Судан	9. Судан
10. Замбия	10. Камерун
11. Судан	11–13. Гана
12. Гвинея	11–13. Конго
13–14. Эфиопия	11–13. Танзания
13–14. Камерун	14. Уганда
15. Кения	15. Мозамбик

Источник: составлено по материалам [Зеленев, Солощева, 2022].

возимых в Китай товаров от совокупного экспорта африканской страны, объем импортируемых Китаем энергоносителей, наличие у африканской страны профицита в торговле с Китаем и наличие ресурсных товаров, имеющих высокую долю в импорте этого товара КНР.

Рейтинг финансово-инвестиционной привлекательности основан на сравнении следующих показателей: балансовой стоимости ПИИ, суммы займов, дохода КНР от строительных проектов в странах Африки, долга страны перед КНР и его соотношения с ВВП страны.

Военное измерение

После 2013 г. и особенно после XX съезда КПК геополитическое измерение стало играть первенствующую роль в китайской африканской политике. Важнейшим аргументом в пользу тезиса об усилении геополитического вектора китайской политики в Африке может служить создание и функционирование в Джибути многофункциональной китайской военной базы, именуемой в китайском политическом лексиконе Базой обеспечения Народно-освободительной армии Китая (中国人民解放军驻吉布提保障基地)

и являющейся в настоящий момент единственной официальной военной базой КНР за рубежом. Примечательно, что ни в одном другом регионе мира (Европа, обе Америки, Азия и Океания) Китай не заявил столь решительно о своих геополитических интересах за пределами своих государственных границ, и более того – о готовности защищать эти интересы всеми доступными средствами, включая военные. За очень короткий период времени, с 2017 по 2022 г., Китай стремительно нарастил присутствие своих вооруженных сил в Африке, фактически достигнув паритета с США и обогнав по численности вооруженных лиц второго по мощи военно-политического игрока в регионе – Францию.

В вышеприведенном утверждении есть некоторое преувеличение. Дело в том, что китайских военнослужащих в прямом смысле этого слова в Африке сравнительно немного: 2,5–3 тыс. человек на военной базе в Джибути и примерно столько же в составе вооруженных сил специальных операций ООН. Однако есть еще одна очень важная категория специально подготовленных вооруженных и готовых к действию граждан КНР на территории Африки. Речь идет о многочисленном контингенте служащих китайских частных охранных компаний (ЧОК), многие из которых выполняют функции частных военных компаний (ЧВК). По оценочным данным, на сегодняшний день в Африке действует 10 китайских ЧОК. Согласно имеющимся в открытом доступе сведениям, количество служащих ЧОК КНР в Африке может уже сегодня достигать 2,5 тыс. человек. При этом контингент стремительно растет. Большинство крупных китайских экономических объектов в Африке, а их чис-

ло исчисляется сотнями, обеспечивает свою безопасность с помощью ЧОК [Ли, 2018; Зеленев, Солощева, 2021b].

Представители этих компаний продолжают организовывать безопасность этих объектов и после окончания строительства, что, собственно, и обеспечивает стремительный рост этой категории китайских военнослужащих. В качестве примера, иллюстрирующего масштаб данного явления и покровительственное государственное отношение к нему, приведем сравнительно недавно (в 2017 г.) вышедший в Китае художественный фильм «Война волков 2», в котором воспевается подвиг китайского гражданина, осужденного за нарушение армейского устава на родине и получившего право искупить свою вину работой в ЧОК в одной из африканских стран. До недавнего времени этот фильм считался самым коммерчески прибыльным в китайской киноиндустрии, при бюджете в 30 млн долларов собрав свыше 870 млн долларов и вызвав широкий общественный резонанс – феноменальный результат для китайского кинематографа¹⁴. Данная история оценивается как масштабная санкционированная государством кампания по привлечению китайских граждан к работе в Африке в составе ЧВК и ЧОК.

В 2019 г. независимыми журналистами была зафиксирована максимально высокая численность военнослужащих в Африке. Это произошло в тот момент, когда на военной базе в Джибути одновременно оказались сконцентрированы китайский ооновский контингент и приехавший ему на смену контингент военнослужащих. В общей сложности количество военных на базе приблизилось к 10 тыс. – максимально разрешенным правительством Джибути [Зеленев, Солощева,

14 Wolf Warrior 2 // Boxofficemojo.com. – URL: <https://www.boxofficemojo.com/releasegroup/gr3036500485/> (дата обращения: 31.10.2022).

2021b]. Внесем важное уточнение: китайская официальная статистика о динамике численности контингента НОАК в Африке в свободном доступе отсутствует. Что же касается оценочных данных, распространенных в мировых СМИ, то, согласно им, китайское военное присутствие неуклонно возрастает, тогда как военное присутствие США сохраняет прежний уровень, а в определенные моменты (при администрации президента Трампа) даже сокращалось.

Изложенное выше определяет такие параметры измерения военного влияния, как количество действующих на территории страны ЧОК и представительств ЧОК, наличие на территории страны китайского военного контингента (включая контингент ООН) и военной базы КНР. Кроме них измерение включает и другие параметры, например наличие портов, обслуживающих ВМФ НОАК, и объем торговли оружием. Рейтинг военной привлекательности стран приведен в таблице 3.

Таблица 3. Рейтинг африканских стран по их военной привлекательности для КНР
Table 3. Rating of African countries according to their military attractiveness for China

1. Джибути	6. Гана	11. Мали
2. Кения	7. Эфиопия	12. Мозамбик
3. ЮАР	8. Южный Судан	13–14. Египет
4. Нигерия	9. Уганда	13–14. Габон
5. Судан	10. Мадагаскар	15. Замбия

Источник: составлено по материалам [Зеленев, Солощева, 2022].

Объединим рейтинги геополитической, торгово-экономической и финансово-инвестиционной привлекательности в общий рейтинг, который скорректируем, объединив с рейтингом военной привлекательности африканских стран для КНР. Данный подход совершенно новый, поскольку еще несколько лет назад ни о каком военном присутствии КНР в Африке говорить не приходилось. Сегодня же с повышением значимости этого фактора, хотя он и не меняет принципиально общей картины в отношении состава десятки лидеров, рейтинг привлекательности африканских стран приходит в движение. В качестве примера в таблице 4 приведены 15 стран, наиболее важных с точки зрения геополитики и экономики, а также коррекция этого рейтинга с помощью принятия в расчет военного измерения.

После 2020 г. геополитические и экономические параметры остаются стабильными, тогда как военный фактор имеет тенденцию к значительному росту. Приведенные данные позволяют начать серьезный анализ того, какие из стран – последователей КНР постепенно, но неуклонно оказываются под стратегической геополитической опекой Китая в такой степени, какая позволяет защищать в этих странах китайские интересы комплексно, то есть не только политико-дипломатическим путем, но и, если возникнет необходимость, военным. В последние годы не только на медийно-журналистском или экспертном, но и на вполне официальном государственном уровне говорится о том, что афористическая фраза «драка за Африку» (*Scramble for Africa*), изрядно подзабытая в конце XX в., вновь становится актуальной.

Таблица 4. Сравнение рейтинга привлекательности африканских стран для КНР с учетом и без учета военного фактора

Table 4. Comparison of the Rating of African countries for China with and without military factor

Рейтинг привлекательности африканских стран для КНР без учета военного измерения	Рейтинг привлекательности африканских стран для КНР с учетом военного измерения
1. Ангола	1. ЮАР
2. ЮАР	2. Нигерия
3. Нигерия	3. Кения
4. ДР Конго	4. Эфиопия
5. Кения	5. Гана
6. Эфиопия	6. Судан
7. Египет	7. Ангола
8. Гана	8. Египет
9. Замбия	9. Замбия
10. Судан	10. ДР Конго
11. Танзания	11. Мозамбик
12. Камерун	12. Габон
13. Алжир	13. Джибути
14. Конго	14. Алжир
15. Мозамбик, Гвинея, Кот-д'Ивуар	15. Уганда

Источник: составлено по материалам [Зеленев, Солощева, 2022].

Обращает на себя внимание высказывание высокопоставленного американского военного генерала С. Таунсенда о том, что противостояние США и КНР в Африке следует рассматривать ни много ни мало как начальную фазу Третьей мировой войны. Более того, Китай, наряду с Россией, объявляется вероятным военным противником США [Фитуни, 2019, с. 19]. Отметим, что это произошло гораздо раньше обострения военно-политической обстановки в Восточной Европе в связи с началом СВО на территории Украины. Разумеется, учитывая сравнительно небольшие военные контингенты стран-конкурентов в Африке, прежде

всего КНР и США, а также не вполне последовательную политику США на африканском направлении, говорить о прямой угрозе военного столкновения ведущих глобальных держав в Африке едва ли правомерно [Лукин, 2022, с. 24–25]. Но потенциальный характер такой угрозы существует.

Геополитический, военный, торгово-инвестиционный и финансово-экономический факторы составили несущий каркас китайского стратегаемного видения Африки в ряду других регионов мира.

Анализируя комплексно феномен китайского присутствия в Африке в первой четверти XXI в., правомерно сделать вывод о том, что упрочение отношений между африканскими *странами* – *последователями* Китая и самой КНР неизбежно в обозримом будущем вступит в противоречие с интересами других глобальных игроков в Африке, прежде всего США. Причем до активного вовлечения Китая в «драку за Африку» термин *страна-последователь*, который разрабатывался в рамках теории зависимого развития многими авторами, прежде всего представлявшими научное сообщество так называемого условного Запада, имел преимущественно экономический, а в определенных случаях неокOLONиальный смысл [Cardoso, Faletto, 1979; Amin, 1975; Prebisch, 2006]. В первые два десятилетия XXI в. коннотация данного понятия приобрела новые смысловые грани. Экономическое содержание понятия всё больше окрашивалось неокOLONиальным смыслом, когда преодоление отсталости африканских *стран-последователей* от *стран-лидеров* не просто не уменьшалось, а искусственно консервировалось и даже возрастало. Позитивный смысл понятия «страна-последователь» девальвировался настолько, что стало возможным быть последователем не обязательно одного, а двух и более глобальных геополитических игроков одновременно. В качестве примера приведем Республику Джибути, на территории которой расположено сразу восемь иностранных военных баз, или Египет, чья геополитическая ориентация в современном мире носит весьма размытый характер.

Начиная с прихода к власти в КНР в 2013 г. Си Цзиньпина внешнеполи-

тическая риторика Китая пополнилась целым рядом лозунгов и понятий, разрушающих привычный неокOLONиальный смысл понятия «страна-последователь». Речь идет о таких инициативах, как концепция «Сообщества единой судьбы человечества», сотрудничество по принципу *win-win*, принцип мультилатерализма, партнерство как альтернатива доминированию и т. п. Всё это обрамлялось в глобальную доктрину «Одного пояса – одного пути», в рамках которой китайское лидерство по отношению к *странам-последователям* формализовалось в двусторонние межгосударственные соглашения и взаимные обязательства.

Мировые СМИ в подавляющем большинстве критиковали КНР, обвиняя ее в демагогии и экспансионизме. Возникла острая идеологическая коллизия, именуемая в западных СМИ борьбой со стратегическим проектом «Нить жемчуга». Суть проекта заключается в создании двух десятков китайских береговых опорных пунктов на южно-азиатском и африканском побережьях Индийского океана. Цель опорных пунктов – обеспечить защиту морских торговых путей и создать геополитические базы для торгового проникновения вглубь Африканского континента на всем протяжении его океанского побережья. Китай существование подобной экспансионистской концепции отрицает¹⁵. Сложилась парадоксальная ситуация, когда КНР, используя экономические и финансовые рычаги, действительно устанавливала контроль над геополитически важными объектами африканских и ряда южноазиатских стран, одновременно с этим утверждая, что делает это в интересах самих африканских и ази-

¹⁵ Ван Юань, «Проект муссон»: Индия препятствует развитию культурных и дипломатических отношений в рамках «Одного пояса и Одного пути» = 王媛, “季风计划”: 印度对“一带一路”在文化外交领域的围堵 // China.com.cn. – 2018. – March. – URL: http://news.china.com.cn/world/2018-03/22/content_50737408_2.htm (дата обращения: 31.10.2021).

атских стран. Особый интерес для КНР представляли морские и авиационные порты, логистическая инфраструктура, объекты энергетики и т. д. При этом «миролюбивый» характер китайской внешней политики выглядел как весьма искусная идеологическая маскировка реальных шагов по укреплению китайского геополитического влияния в регионе.

Естественно, у многих объективных наблюдателей возникает вопрос: является ли политика КНР в Африке своеобразным, если угодно, изводом западного неокOLONиализма либо это что-то совершенно иное? Здесь уместно вспомнить, что Китай является не только мощнейшей мировой экономикой, органично вписанной в мировую финансово-экономическую систему, где, безусловно, доминирует капиталистический уклад, а если следовать марксистской методологии, то финансово-монополистический капитализм. Одновременно с этим Китай объективно занимает лидирующую позицию в группе стран, сохранившей приверженность социалистическому пути развития (Куба, КНДР, СРВ и др.). Согласно официально принятой в КНР марксистской идеологии, социализм развивается на экономической базе капитализма. Государственная же надстройка – социалистическое государство, которое опирается на экономику капиталистического типа, должно быть уже не буржуазным, обслуживающим интересы класса капиталистов и элитарных олигархических групп, а общенародным. Оно должно действовать в интересах абсолютного большинства трудящихся собственной страны и трудящихся дружественных зарубежных стран, оказывая помощь народам, борющимся против угнетения, за свое

освобождение и развитие. Доктрина «Один пояс – один путь» официально подается как проект альтернативного существующему мироустройства, основанного на партнерских отношениях между странами ради достижения вышеназванной цели. На XIX съезде КПК (2017 г.) по предложению Си Цзиньпина в устав КПК было внесено изменение, согласно которому Китай продолжает строить социализм, но «с китайской спецификой». Си Цзиньпин последовательно отстаивает идею, что в новых условиях XXI в., став, по сути, крупнейшей государственной экономикой мира, Китай продолжает развиваться по социалистическому пути, то есть строит общественный строй, альтернативный капиталистическому. В 2018 г. по настоянию Си Цзиньпина идея о социализме с китайской спецификой в новую эпоху была официально включена в Конституцию КНР [Ло, 2022]. Из сказанного вытекает, что идеи социализма для Китая актуальны, а следовательно, актуальными и неизменными остаются социалистические принципы солидарности трудящихся всего мира в их борьбе за социальную справедливость и против империалистического угнетения.

Отвечая на вопрос, является ли политика КНР в Африке неокOLONиальной или она строится на иных принципах, обратимся к документам XX съезда КПК, а именно к тезису о приверженности Китая строительству социализма с национальной спецификой. Эта специфика допускает сосуществование социально-ориентированного государства с многоукладной экономической моделью развития, где доминирующими являются госкапиталистический и частнокапиталистический уклады¹⁶. Это принципиально отличает ки-

16 А.Д. Воскресенский весьма остроумно описал китайскую политико-экономическую модель как вариант «эклeктично-синкретической модели комбинированного типа с опорой на развитые страны» [Модель..., 2019, с. 722].

тайскую модель социализма от ее советского аналога. Подобная двойственность находит отражение и во внешней политике КНР. Китайские идеологические принципы постулируют особые, дружеские, партнерские отношения с «незападными» развивающимися, в том числе африканскими, странами, сочетаясь с экономическим и финансово-инвестиционным прагматизмом, когда китайский внутригосударственный контроль борется с внешнеэкономической неэффективностью, наносящей вред китайским экономическим интересам. Возникает парадоксальное сочетание внешнеполитического «социалистического курса», граничащего с филантропией со стороны государства, с жесткими методами капиталистической эксплуатации и финансового закабаления, практикуемого частными китайскими компаниями. Если сравнивать китайскую политико-экономическую модель взаимоотношений с африканскими странами с моделью западной неоколониальной политики, то становится очевидно, что Китай открывает для африканского континента перспективы роста и развития в гораздо большей степени, чем это делают другие влиятельные глобальные политические игроки.

В пользу вышеприведенного тезиса говорит то, что Китай безусловно способствует тому, чтобы африканские страны приблизились и освоили четвертый технико-экономический

уклад с характерными для него индустриализацией, созданием сети производственных мощностей, способных удовлетворять потребности африканского населения. Этой цели служат логистические, инфраструктурные, энергетические мегапроекты, которые Китай осуществляет в различных регионах Африки, что, собственно, и отличает китайскую политику в этом регионе мира от политики его оппонентов.

Именно поэтому на фоне китайских альтерглобальных амбиций естественным стал вектор усиления роли силовых методов во внешней политике КНР, который был сформулирован в так называемых Белых книгах Госсовета КНР, опубликованных в 2015–2020 гг. Первая Белая книга «О военной стратегии» (2015 г.) официально зафиксировала внешнеполитический курс на расширение военного присутствия Китая за рубежом, оформив его новую концепцию военно-морской политики¹⁷. Согласно этой концепции, целью ВМФ НОАК стала уже не только защита территориальных вод Китая, но и оборона стратегических морских линий связи и защиты китайских интересов за рубежом¹⁸. Развитие официальной стратегии было формально закреплено в Белых книгах «Национальная оборона Китая в новую эру» (2019 г.)¹⁹ и «Вооруженные силы Китая: 30 лет миротворческих операций ООН» (2020 г.)²⁰.

В период с 2017 по 2022 г. военный аспект в обосновании внешней поли-

17 Подробно о военной реформе см. Lee R., Clemens M. China Maritime Report No. 9: Organizing to Fight in the Far Seas, The Chinese Navy in an Era of Military Reform // U.S. Naval War College. – 2020. – URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&context=cmsi-maritime-reports> (дата обращения: 31.10.2021).

18 Белая книга «Китайская военная стратегия» = 《中国的军事战略》白皮书 // 中华人民共和国国务院新闻办公室 // Scio.gov.cn. – 2015. – May. – URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2015/Document/1435161/1435161.htm> (дата обращения: 30.10.2021).

19 Белая книга «Национальная оборона Китая в новую эру» = 《新时代的中国国防》白皮书 // 中华人民共和国国务院新闻办公室 // Scio.gov.cn. – 2019. – July. – URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1660314/1660314.htm> (дата обращения: 30.11.2021).

20 Белая книга «Вооруженные силы Китая: 30 лет миротворческих операций ООН» = 《中国军队参加联合国维和行动30年》白皮书 // 中华人民共和国国务院新闻办公室 // Scio.gov.cn. – 2020. – September. – URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1687750/1687750.htm> (дата обращения: 30.11.2021).

тики КНР занял важное место, завершив тем самым оформление китайской геополитической доктрины глобального лидерства. В этом контексте понятия бинарной оппозиции «страна-лидер» – «страна-последователь» постепенно трансформировалась в понятия «страна – геополитический партнер» и «страна – политический союзник». Положения отчетного доклада Си Цзиньпина на XX съезде КПК, в котором, образно говоря, объявлено, что внешнеполитическое миролюбие КНР должно быть с кулаками, лишь подтвердили приверженность руководства КНР выбранному курсу.

Обновленный внешнеполитический курс КНР неизбежно влечет переформатирование геополитической карты африканского региона, а также радикализацию геополитических противоречий между конкурентами на африканском геополитическом поле. Другим неизбежным последствием современного китайского внешнеполитического курса, причем в сравнительно скором будущем, станет формирование конкурирующих военно-политических блоков африканских государств под эгидой ведущих мировых держав. КНР в этом вопросе опирается на вооруженные силы дружественных африканских государств, содействуя их укреплению, тогда как страны коллективного Запада видят в усилении африканских локальных вооруженных сил скорее угрозу своим интересам, чем благо. Приведем пример двух групп африканских государств, объединенных китайскими геополитическими интересами в неформальные коалиции, способные перерасти в военно-политические блоки. Речь идет о группе стран в Северо-Восточной Африке – Джибути, Кении, Эфиопии, Судане и примыкающем к ним Южном Судане, а также геополитическом блоке Ангола – Замбия – Мозамбик, разделяющем Южную и Цен-

тральную Африку. Отметим, что только коррективировка рейтинга привлекательности африканских стран с помощью военного измерения позволяет объединить все названные африканские страны в группу пятнадцати главных союзников КНР в Африке.

Едва ли не эталонную модель военного сотрудничества КНР с зарубежными странами представляют собой взаимоотношения КНР с Исламской Республикой Пакистан – первой страной, которая перевела свои вооруженные силы с американской навигационной системы *GPS* на китайскую *Beidou*. В настоящий момент, вопреки жесткому противодействию со стороны США, вопрос о частичном или полном переходе вооруженных сил на эту систему обсуждают военно-политические элиты Саудовской Аравии и Кувейта. В недалеком будущем этот вопрос станет перед большинством африканских стран, чей переход на китайские стандарты спутниковой связи сделает их военно-политическими союзниками Китая и одновременно, помимо их желания, военно-политическими противниками США.

Пока китайская военно-политическая блоковая дипломатия в Африке делает свои первые шаги, и процесс этот до последнего времени носил латентный (скрытый для непосвященных) характер. Со стороны африканских лидеров, а порой и политических элит отмечается непоследовательность, понятные в данном случае колебания, а порой даже отступление назад, что не меняет в целом общей картины. После этапа колонизации, затем деколонизации в эпоху биполярного мира, завершившегося в 1990-е годы с распадом СССР, африканский континент вновь приходит в динамичное геополитическое движение, триггером которого выступает политика КНР в этой части мира.

Список литературы

Дейч Т.Л. Китай завоевывает Африку. – Москва : ИАФР РАН, 2014. – 380 с.

Захаров А.Н., Русак Н.А. Внешняя торговля Китая со странами Африки // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – № 4. – С. 68–75.

Зеленев Е.И., Солощева М.А. 20 лет политики КНР в Африке: из прошлого в будущее // Азия и Африка сегодня. – 2021. – № 2. – С. 5–14. – DOI: 10.31857/S032150750013956-3.

Зеленев Е.И., Солощева М.А. Военная стратегия и военное присутствие КНР в Африке: сравнительно-исторический ракурс // Сравнительная политика. – 2021. – Т. 12, № 3. – С. 142–164. – DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10033.

Зеленев Е.И., Солощева М.А. Китай в Африке: от стран-партнеров к странам-последователям. Часть 1 // Азия и Африка сегодня. – 2022. – № 7. – С. 12–21. – DOI: 10.31857/S032150750020973-2.

Лукин А.В. Американо-китайский конфликт в свете истории международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 1. – С. 16–27. – DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-1-16-27.

Модель развития современного Китая. Оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. – Москва : Стратегические изыскания, 2019. – 736 с.

Фитуни Л.Л. На пути к новой bipolarности: геэкономика и геополитика противостояния в Африке // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12, № 3. – С. 6–29. – DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29.

Acemoglu D., Robinson J.A. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. – Great Britain : Profile Books Ltd., 2013. – 560 p.

Amin S. Neo-Colonialism in West-Africa. – Harmondsworth : Penguin Books, 1973. – 298 p.

Cardoso F.H., Faletto E. Dependence and Development in Latin America. – Berkley : University of California Press, 1979. – 227 p.

He A. The Emerging Model of Economic Policy Making under Xi Jinping. China's Political Structure and Decision-making Process // Centre for International Governance Innovation. CIGI Papers. – 2018. – N 208. – Vii, 38 p.

Lisimba A.F. China's Trade and Investment in Africa: Impact on Development, Employment Generation & Transfer of Technology. – Germany : Springer Nature Singapore, 2020. – 339 p.

Lu W., Zhao X. Liang Shuming's Viewpoint of Chinese and Western Cultures in the Substance of Chinese Culture (SUBS-CC) // Contemporary Chinese Thought. – Vol. 40, N 3. – 2009. – P. 52–66. – DOI: 10.2753/CSP1097-1467400303.

Mourao P.R. What is China seeking from Africa? An analysis of the economic and political determinants of Chinese Outward Foreign Direct Investment based on Stochastic Frontier Models // China Economic Review. – 2018. – Vol. 48, April. – P. 258–268. – DOI: 10.1016/j.chieco.2017.04.006.

Prebisch R. Power, Principle, and the Ethics of Development. – Buenos Aires : IDB-INTAL. – 2006. – 126 p.

Xu Zh., Zhang Yu, Lightening up Africa: The effects of Chinese aid on the economic development in Africa // China Economic Quarterly International. – Vol. 2, issue 3. – 2022. – P. 178–189.

Инь Юэ. Политика Великих держав в отношении Африки и ответ Китая // Международные дела = 殷悦. 大国对非政策的调整与中国的应对之策 // 世界知识. – 2022. – № 1. – С. 20–23. – Кит. яз.

Ли А. Обеспечение безопасности китайских мигрантов за рубежом: расширение сфер и повышение уровня

ответственности // Исследования общественной безопасности = 李安山. 中国国际移民的安全保护:责任的提升与外延 // 公安学研究. – 2018. – № 5. – С. 1–9. – Кит. яз.

Ли С., Чжан Ч. Воображаемые братья или реальные партнеры? – Исторический нарратив китайско-африканских отношений // Пекинский культурологический вестник = 李小云, 张传红. 想象的兄弟, 还是现实的伙伴? ——中非关系的历史叙事 // 文化纵横. – 2022. – № 4. – С. 14–22. – Кит. яз.

Ло Цз. Как понимает КПК особенности исторического развития и теоретические аспекты африканских реалий // Западная Азия и Африка = 罗建波. 中国共产党非洲观的历史演进与理论

特色 // 西亚非洲. – 2022. – № 5. – С. 43–66. – Кит. яз.

У Ч., Хэ Ян, Вэй Б. Взгляд Си Цзиньпина на китайско-африканские отношения в Новую эру: исторические предпосылки, идеология и практическая значимость // Западная Азия и Африка = 吴传华, 贺杨, 卫白鸽, 习近平. 新时代中非合作观:时代背景、思想内涵与实践价值 // 西亚非洲. – 2022. – № 5. – С. 67–85. – Кит. яз.

Чжан И., Пан Цз. Анализ китайской внешней политики с точки зрения визита ЧжоуЭньлая в 10 африканских стран // Журнал Государственного музея Китая = 张颖, 潘敬国. 从周恩来访问非洲十国看中国外交政策的调整 // 中国国家博物馆馆刊. – 2019. – С. 47–57. – Кит. яз.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.03

China and Modeling of the “New Geopolitical Reality” in Africa

Evgeny I. ZELENEV

DSc, Professor, Director of the Institute of Asian and African Studies of the Higher School of Economics – St. Petersburg
Embankment Griboedov Canal, 123a, Saint Petersburg, Russian Federation, 190068
E-mail: ezelenov@hse.ru
ORCID: 0000-0001-6602-1806

Maria A. SOLOSHCHEVA

PhD, Associate Professor of the Department of Chinese, Southeast and South Asian Studies of the Higher School of Economics – St. Petersburg
Embankment Griboedov Canal, 123a, Saint Petersburg, Russian Federation, 190068
E-mail: msoloshcheva@hse.ru
ORCID: 0000-0002-4377-3244

CITATION: Zelenev E.I., Soloshcheva M.A. (2022). China and Modeling of the “New Geopolitical Reality” in Africa. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 4, pp. 41–59 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.04.03

Received: 01.11.2022.

Revised: 25.11.2022.

ABSTRACT. *The article is devoted to the analysis of China’s potential in Africa in the geopolitical, trade-economic, financial-investment and military strategic dimensions and their implementation to the Sino-African policy. The geopolitical and economic parameters of the development of Sino-African relations remain stable, while the military factor tends to increase. The data, provided by the authors, allow us to analyze, which of the countries-followers of the PRC are under the strategic geopolitical guardianship of China to the extent that allows them to protect Chinese interests in these countries comprehensively, that is, both politically and militarily. The authors conclude that stable and strong relations between the African countries-followers of*

China and the PRC in the foreseeable future will inevitably come into conflict with the interests of other global players in Africa, primarily the United States. The economic content of the concept of a follower-country is increasingly colored by a neocolonial meaning, when overcoming the backwardness of African follower-countries from their leader-countries not only did not decrease, but also artificially preserved and even increased. The positive meaning of the concept of a follower-country was devolved so much that a country could be a follower of not necessarily one, but two or even more global geopolitical players. In the period from 2017 to 2022, the military aspect in the justification of the PRC’s foreign policy took an important place, and in the conflict zones of

Asia and Africa came out on top, thereby completing the design of the Chinese geopolitical doctrine of global leadership.

KEYWORDS: *Sino-African relations, global leadership, new geopolitical reality, Scramble for Africa, China.*

References

- Acemoglu D., Robinson J.A. (2013). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. Great Britain : Profile Books Ltd., 560 pp.
- Amin S. (1973). *Neo-Colonialism in West-Africa*. Harmondsworth : Penguin Books, 298 pp.
- Cardoso F.H., Faletto E. (1979). *Dependency and Development in Latin America*. Berkley : University of California Press, 227 pp.
- Deich T.L. (2014). *China 'wins' Africa*. Moscow : Institut Afriki RAN, 380 pp. (in Russian).
- Fituni L.L. (2019). Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no. 3, pp. 6–29 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29.
- He A. (2018). The Emerging Model of Economic Policy Making under Xi Jinping. China's Political Structure and Decision-making Process. *Centre for International Governance Innovation. CIGI Papers*, no. 208, vii, 38 pp.
- Li A. (2018). Security protection of China's International Immigrants: Promotion and Extension of Responsibility= 李安山. 中国国际移民的安全保护:责任的提升与外延. *Journal of Public Security Science* = 公安学研究, no. 5, pp. 1–9 (in Chinese).
- Li X., Zhang Ch. (2022). Imagined Brother or Realistic Partner? – The Historical Narratives on China-Africa Relations = 李小云, 张传红. 想象的兄弟, 还是现实的伙伴? ——中非关系的历史叙事. *Beijing Cultural Review* = 文化纵横, no. 4, pp. 14–22 (in Chinese).
- Lisimba A.F. (2020). *China's Trade and Investment in Africa: Impact on Development, Employment Generation & Transfer of Technology*. Germany : Springer Nature Singapore, 339 pp.
- Luo J. (2022). Historical development and Theoretical Characteristics of CPC's View of Africa = 罗建波. 中国共产党非洲观的历史演进与理论特色. *West Asia and Africa* = 西亚非洲, no. 5, pp. 43–66 (in Chinese).
- Lu W., Zhao X. (2009). Liang Shu-ming's Viewpoint of Chinese and Western Cultures in the Substance of Chinese Culture (SUBS-CC). *Contemporary Chinese Thought*, vol. 40, no. 3, pp. 52–66. DOI: 10.2753/CSP1097-1467400303.
- Lukin A. (2022). The Sino-US Conflict in the Light of History of International Relations. *World Economy and International Relations*, vol. 66, no. 1, pp. 16–27 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-1-16-27.
- Model... (2019). Voskressenski A.D. (ed.). *Model of Contemporary China Development: Appraisals, Discussions, Prognostications*. Moscow : MGIMO, Strategicheskie izyskaniya publ., 736 pp. (in Russian).
- Mourao P.R. (2018). What is China seeking from Africa? An analysis of the economic and political determinants of Chinese Outward Foreign Direct Investment based on Stochastic Frontier Models. *China Economic Review*, vol. 48, April, pp. 258–268. DOI: 10.1016/j.chieco.2017.04.006.
- Prebisch R. (2006). *Power, Principle, and the Ethics of Development*. Buenos Aires : IDB-INTAL, 126 pp.
- Wu Ch., He Y., Wei B. (2022). Xi Jinping's View of China-Africa Cooperation in the New Era: Historical Background, Ideological Connotation and Practical Value = 吴传华; 贺杨; 卫白鸽; 习近平新时代中非合作观: 时代背景、思想内涵

与实践价值. *West Asia and Africa* = 西亚非洲, no. 5, pp. 67–85 (in Chinese).

Xu Zh., Zhang Yu (2022). Lightening up Africa: The effects of Chinese aid on the economic development in Africa. *China Economic Quarterly International*, vol. 2, no. 3, pp. 178–189. DOI: 10.1016/j.ceqi.2022.08.004.

Yin Y. (2022). Great Power's African Policy Adjustment and China's Reply = 殷悦. 大国对非政策的调整与中国的应对之策. *World Affairs* = 世界知识, no. 1, pp. 20–23 (in Chinese).

Zakharov A.N., Rusak N.A. (2018). Foreign trade of China with African countries. *Russian Foreign Economic Bulletin*, no. 4, pp. 68–75 (in Russian).

Zelenev E.I., Soloshcheva M.A. (2021a). 20 years of China politics in Africa: from the past towards future. *Asia and*

Africa Today, no. 1, pp. 5–14 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750013956-3.

Zelenev E.I., Soloshcheva M.A. (2021b). Military Strategy and Military Presence of the PRC in Africa: a Comparative Historical Analysis. *Comparative Politics*, no. 3, pp. 142–164 (in Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10033.

Zelenev E.I., Soloshcheva M.A. (2022). China in Africa: from partner countries to follower countries. Part 1. *Asia and Africa Today*, no. 7, pp. 12–21 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750020973-2.

Zhang Y., Pan J. (2019). Analysis of the Adjustment of China's Foreign Policy from Zhou Enlai's Visits of Ten African Countries = 张颖, 潘敬国. 从周恩来访问非洲十国看中国外交政策的调整. *Journal of National Museum of China* = 中国国家博物馆馆刊, no. 10, pp. 47–57 (in Chinese).

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.04

Отношения России со странами Африки в свете специальной военной операции на Украине

Дмитрий Валерьевич ЕФРЕМЕНКО

доктор политических наук, заместитель директора
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: efdv2015@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6988-472X

ЦИТИРОВАНИЕ: Ефременко Д.В. Отношения России со странами Африки в свете специальной военной операции на Украине // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 4. С. 60–78.
DOI: 10.31249/kgt/2022.04.04

Статья поступила в редакцию 24.09.2022.
Исправленный текст представлен 28.11.2022.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются изменения в отношениях России с африканскими странами, вызванные проведением специальной военной операции (СВО) на Украине. С середины 2010-х годов и вплоть до начала СВО происходило укрепление этих отношений, ставшее особенно заметным после саммита Россия – Африка (2019). Помимо роста торговли и расширения военно-технического сотрудничества, новым значимым фактором российского присутствия в Африке стало развертывание активности частных военных компаний (например, «Группы Вагнера»). В условиях СВО взаимодействие с государствами Африки в сферах торговли и экономики пройдет через этап болезненной трансформации, вызванной санкционным давлением Запада. Ключевой проблемой при этом становится обеспечение продовольственной безопасности и предотвращение голода во многих странах Глобального Юга. Модальности рос-

сийского присутствия на африканском континенте неизбежно будут определяться общей конфронтацией между Россией и странами Запада. В более отдаленной перспективе страны Африки могут стать бенефициарами трансформации американоцентричного мирового порядка, сильным фактором ускорения которой стала СВО.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Африка, Глобальный Юг, специальная военная операция, трансформация мирового порядка, торгово-экономические отношения России со странами Африки, продовольственная безопасность, частные военные компании, информационное влияние, военно-техническое сотрудничество.

В начале весны 2022 г. в нескольких африканских городах прошли демонстрации, участники которых, размахивая российскими триколорами, приветствовали специальную военную опе-

рацию на Украине, начатую Москвой 24 февраля. Демонстрации не были слишком многочисленными, но сам факт их проведения привлек внимание на Западе, охваченном мощной волной антироссийской истерии. Почти сразу зазвучали высказывания о своеобразной «путинофилии», характерной для определенных слоев общества в африканских странах¹. Однако реальной подоплекой этих выступлений было, разумеется, не глубокое понимание причин и целей российской спецоперации, а растущее неприятие политики Запада в отношении Глобального Юга, переплетающееся с конкретными экономическими, политическими, социальными, этнорелигиозными и иными обстоятельствами в тех или иных странах и регионах африканского континента. Россия и Путин в этой оптике видятся как сила, символизирующая альтернативу контролируемому Западом миропорядку и в ряде случаев способная предложить вполне конкретные решения в интересах конкретных локальных акторов.

Гораздо более значимыми событиями, одновременно обнадеживающими для Москвы и тревожными для Вашингтона, Брюсселя и столиц бывших европейских колониальных империй, стали голосования в Генеральной Ассамблее ООН в марте 2022 г. по проекту резолюций, осуждающих действия России, когда многие африканские страны воздержались, не приняли участия в голосовании или даже высказались против. Можно сказать, что в условиях мощного политико-дипломатического давления со стороны Запада у этих государств сработал «инстинкт неприсо-

единения», связанный как с исторической памятью о влиянии советско-американского противостояния на страны третьего мира, так и с их оценкой меняющегося соотношения сил на мировой арене. По оценке А. Стент, «многие ... страны Глобального Юга рассматривают Россию как большую авторитарную страну, с которой они могут вести дела, и обвиняют Соединённые Штаты в лицемерии, учитывая прошлые войны Вашингтона во Вьетнаме, Ираке и Афганистане» [Stent, 2022]. Основные мотивации воздержавшихся при голосовании африканских стран, в том числе Южно-Африканской Республики, могут быть суммированы следующим образом:

- военные действия на Украине – это прежде всего прокси-война между Россией и США, в которой африканским государствам не следует оказывать явную поддержку ни одной из сторон;

- занимать такую позицию тем более необходимо в том случае, если одна или несколько африканских стран будут стремиться к посредничеству в данном конфликте;

- важно, чтобы отношения с Россией в сферах торговли и безопасности продолжали развиваться [Stremmlau, 2022].

Вынужденная корректировка приоритетов в условиях СВО

Военное противостояние на Украине стало мощным драйвером ускоренной трансформации мирового порядка, имеющего как немедленные, так и отложенные эффекты. В силу относи-

1 Bensimon C. Guerre en Ukraine: le Mali et la Centrafrique restent arrimés à la Russie // Le Monde. – 2022. – 12 Mars. – URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2022/03/12/guerre-en-ukraine-le-mali-et-la-centrafrique-restent-arrimes-a-la-russie_6117252_3212.html (дата обращения: 25.08.2022); Kane C. Guerre en Ukraine: "La poutinophilie d'une partie des Africains relève d'abord d'un rejet de l'Occident" // Le Monde. – 2022. – 9 Mars. – URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2022/03/09/guerre-en-ukraine-la-poutinophilie-d-une-partie-des-africains-releve-d-abord-d-un-rejet-de-l-occident_6116806_3212.html (дата обращения: 25.08.2022).

тельной удаленности Африки от театра военных действий можно сделать вывод о том, что наиболее существенные последствия СВО для стран и народов континента проявятся в среднесрочной перспективе, хотя обострение продовольственного кризиса, рост цен и драматическое перераспределение взаимодействий ключевых игроков – покупателей и продавцов – на рынках углеводородов являются важными составляющими текущей политико-экономической повестки. В дальнейшем определяющее значение будут иметь геополитические и геоэкономические изменения, связанные с ходом и итогами СВО.

С точки зрения военных действий на Украине можно рассматривать несколько среднесрочных сценариев:

- длительное затягивание военных действий в случае продолжения и дальнейшей эскалации военной и экономической поддержки Киева со стороны Запада;

- достижение долгосрочного перемирия и фиксация фактического территориального контроля сторон по линии фронта (в силу исчерпания сторонами возможностей продолжения активных боевых действий, а также нарастания кризиса в экономике, усталости избирателей в странах ЕС и США от последствий военных действий и антироссийских санкций);

- крушение нынешней украинской государственности в результате перелома на фронтах и экономического коллапса.

Менее вероятным представляется вариант развития событий, на который в начале СВО сделали основную ставку Вашингтон и Брюссель, вводя против Москвы беспрецедентные по своему масштабу санкции: взрывное нарастание социально-экономического кризиса в России в сочетании с военными неудачами, протестные выступления

в крупных промышленных центрах, подъем этнического сепаратизма, раскол элит и – в итоге – крах существующего политического режима.

Ни один из наиболее вероятных сценариев не предусматривает всеобъемлющего политического урегулирования и нормализации отношений между Россией и Западом; конфронтация, сопоставимая с самыми мрачными периодами холодной войны, останется повседневностью на протяжении многих лет, если не десятилетий. При всех сценариях будут происходить разрушение американоцентричного мирового порядка и кризис либеральной модели глобализации, но их скорость и масштаб сопутствующих потрясений будут разными.

Высока степень вероятности того, что Африка станет одной из площадок противостояния, в котором помимо Запада и России будет участвовать ряд других акторов мировой политики. В то же время это противостояние в конечном счете будет способствовать укреплению политической субъектности и влияния африканских стран как части Глобального Юга, имеющего собственные интересы и политико-экономическую повестку в условиях преобразования мирового порядка.

Формирование целостной африканской политики России, выходящей за рамки двусторонних отношений с приоритетными партнерами, долгое время оставалось благим пожеланием. Потенциал континента и перспективность сотрудничества с африканскими государствами в России признавались неоднократно, но только сочинский саммит Россия – Африка, состоявшийся 23–24 октября 2019 г., придал необходимый импульс политике России, в основе которой лежит представление о странах Африки как общности акторов, значение которых в трансформации мирового порядка постепенно воз-

растает. Саммит способствовал формированию институциональной основы сотрудничества России и африканских стран, в частности структуризации взаимодействия с Африканским союзом [Абрамова, Фитуни, 2021]. Можно сказать, что к началу 2022 г. сформировался общий рамочный подход Москвы к взаимодействию со странами Чёрного континента: «Сегодня Россия старается не рассматривать Африку как арену соперничества с США или другими недружественными центрами силы, и политика в этом регионе не мыслится как элемент глобальной игры с нулевой суммой. Она определяется в первую очередь соображениями выстраивания отношений России с самими африканскими странами, имеющими самостоятельную ценность, а также экономическими и политическими выгодами, которые можно извлечь» [Маслов, Суслов, 2022, с. 130].

Данный подход не всегда выдерживался Москвой безупречно: в ряде случаев в качестве доминанты сохраняется особая традиция отношений с отдельной страной или группой стран. Отношения с Египтом, странами Большого Магриба, а также с Суданом одновременно с полным основанием рассматриваются в ракурсе российской вовлеченности в дела Ближнего Востока и взаимодействия с арабским миром. Следует учитывать также, что сотрудничество с некоторыми государствами становится объектом особого внимания тех или иных российских групп влияния, в том числе госкорпораций и крупных негосударственных компаний (например, «Газпрома» в Алжире, «Алросы» – в Зимбабве и Анголе, «Русала» – в Гвинее и т. д.), частных военных компаний и стоящих за ними силовых структур и т. д.

Однако более существенно, что после начала СВО и развертывания многообразных форм гибридного противо-

стояния между Россией и Западом сохранить в неизменном виде такой подход в отношении Африки уже не получится. Даже если Россия по-прежнему хотела бы рассматривать свое присутствие на африканском континенте вне зависимости от конфронтации с Западом, другая сторона действует в логике игры с нулевой суммой, и теперь эта логика транслируется и на удаленные от украинского театра военных действий регионы. Дискредитация, обнуление присутствия и влияния России в той или иной африканской стране становятся для Запада желанной целью, имеющей (по крайней мере, применительно к самому макрорегиону) высокий уровень приоритетности. В свою очередь российскому руководству придется калькулировать последствия тех или иных шагов на африканском континенте с точки зрения их возможного влияния на достижение тактических или стратегических целей на постсоветском пространстве, а также сохранения статуса России как одного из важнейших суверенных акторов системы международных отношений, укрепляющего свои связи со странами Глобального Юга.

Дедолларизация торговли и поиск оптимальных форматов экономического сотрудничества

В условиях СВО курс на экономизацию отношений с африканскими странами при усилении внимания к инвестиционному сотрудничеству и технологической кооперации подвергнется вынужденным изменениям из-за западных санкций. Радикальное сокращение возможностей вести торговлю в долларах и других западных валютах приведет к тому, что основным платежным средством с высокой степенью

вероятности станет китайский юань. Иначе говоря, даже при отсутствии серьезной координации между Москвой и Пекином на африканском континенте торгово-экономическое сотрудничество России и африканских стран внесет вклад в расширение китайского экономического присутствия в Африке.

На данный момент не вполне ясны возможности расширения экономического сотрудничества России и ряда африканских стран под эгидой китайской инициативы «Один пояс – один путь». Структуризация такого сотрудничества могла бы способствовать эволюции данной инициативы в направлении новой глобальной платформы для поддержки торговли, инвестиций, логистики и технологического развития, свободной (или имеющей высокий уровень автономии) от институтов Вашингтонского консенсуса. Однако для такой эволюции необходима определенная коррекция первоначального замысла данной инициативы, в том числе преодоление установки на то, что любой значимый проект сотрудничества обязательно санкционируется в Пекине.

Форматы БРИКС и БРИКС+ играют весьма позитивную роль с точки зрения развития отношений России с африканскими странами. Прежде всего, включение в этот клуб Южно-Африканской Республики окончательно превратило Преторию в привилегированного партнера Москвы на континенте. По сути, ЮАР стала одной из основных «точек входа» России в Африку, по крайней мере, к югу от Сахары. Председательство ЮАР в группе позволяет каждые пять лет оценивать уровень и перспективы взаимодействия ее членов со странами Африки, регулярно подчеркивая поддержку со стороны БРИКС африканского регионализма и быстро растущую экономи-

ческую взаимозависимость континента и участников группы [Atif, Akbar, 2019]. Практически ежегодное участие нескольких африканских стран (помимо ЮАР) в формате БРИКС+ и появление возможностей доступа к финансированию со стороны Нового банка развития еще более укрепляет позитивное восприятие партнерства с БРИКС (а значит, и с Россией) в африканском общественном мнении. Для России же в контексте ее противостояния западному санкционному прессингу приоритетным становится создание независимой платежной системы БРИКС и ее использование для торговли с другими странами Глобального Юга.

Ожидаемое расширение состава БРИКС (с вероятным изменением названия группы) открывает новые возможности для африканских стран, из которых Египет (а в дальнейшем, скорее всего, Алжир и Нигерия) – наиболее вероятный кандидат на вступление в группу. Для России такое расширение было бы желательным в силу ряда причин, в числе которых – достаточно весомой представляется дальнейшее укрепление партнерства с африканскими странами, неопосредованное подконтрольными Западу структурами и форматами многостороннего сотрудничества. Важным результатом последнего будет увеличение зоны близости взглядов и интересов незападных акторов мирового порядка в отношении путей его трансформации.

Продовольственная безопасность как ключевой элемент диалога Россия – Африка

В контексте СВО особенно актуальным становится интенсивный диалог между Россией и другими незападными странами по вопросам содействия

развитию и продовольственной безопасности. Нет сомнений, что происходящее в настоящий момент усугубление глобального продовольственного кризиса напрямую будет воздействовать на российско-африканские отношения. Стремясь подорвать партнерство России со странами Глобального Юга, представители США и ЕС настаивают, что основной причиной продовольственного кризиса является «российское вторжение на Украину» [McDonough, Zhou, 2022; Lu, 2022]. При этом более фундаментальные причины, связанные с антикризисными экономическими мерами США и ЕС в период пандемии COVID-19, нарушением цепочек поставок и каналов сбыта сельхозпродукции в этот же период, а также климатическими изменениями, со знательно ранжируются как второстепенные по сравнению с военными действиями на Украине.

Эффективность прямого и открытого диалога по вопросам продовольственной безопасности убедительно подтвердила встреча президента Российской Федерации В.В. Путина с председателем Африканского союза, президентом Сенегала М. Саллом 3 июня 2022 г. в Сочи. Лидер Африканского союза продемонстрировал понимание основных аргументов Москвы и призвал к снятию тех антироссийских санкций, которые препятствуют поставкам из России минеральных удобрений, пшеницы и других зерновых культур [Ndebele, 2022]. Не менее показательно, что руководство Африканского союза длительное время воздерживалось от положительного ответа на запрос президента Украины выступить онлайн перед главами входящих в это объединение государств. Когда же вы-

ступление все-таки состоялось, выяснилось, что всего лишь четверо африканских руководителей слушали его в прямом эфире².

Позиция стран Африки способствовала заключению в июле 2022 г. зерновой сделки, достигнутой при посредничестве Турции. Сама сделка важна не только в плане разблокировки поставок зерна из Северного Причерноморья на мировой рынок и облегчения условий экспорта российского зерна и удобрений, но также для понимания возможностей и пределов компромисса между враждующими сторонами (к одной из них, помимо контролируемой киевским режимом большей части Украины, безусловно относится коллективный Запад). Пойдя на заключение сделки, Россия не только продемонстрировала добрую волю, но и получила в свои руки рычаг давления, которым при наступлении соответствующих обстоятельств она может воспользоваться [Прокопенко, 2022]. В начале осени 2022 г. этот рычаг уже начал использоваться на уровне политической риторики, в числе важных адресатов которой были страны Глобального Юга. В частности, заявление президента России В.В. Путина о том, что лишь меньшая часть поставок украинского зерна направляется в остро нуждающиеся в нем страны, а большая – разгружается в портах стран ЕС, подчеркивает, что для одной из сторон сделки нужды Глобального Юга были лишь разменной монетой. На деле приоритетными оказываются интересы Европы, пострадавшей от неурожая из-за рекордной засухи, а сами поставки становятся способом расплаты за оружие, направленное Западом киевскому режиму. Тем самым зерновая сделка ока-

2 Hochet-Bodin N. Volodymyr Zelensky tente d'arracher le soutien de l'Union africaine en faveur de l'Ukraine // Le Monde. – 2022. – 21 Juin. – URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2022/06/21/volodymyr-zelensky-tente-d-arracher-le-soutien-de-l-union-africaine_6131342_3212.html (дата обращения: 15.09.2022).

зывается не прологом к комплексному урегулированию конфликта, а чем-то вроде топлива, регулярно подбрасываемого в очаг войны. Фактическое торможение другой части сделки, связанной с облегчением возможностей торговли российскими удобрениями и зерновыми культурами, также становится аргументом, значимым для оценки ситуации странами, охваченными голодом или находящимися на его пороге.

Решение руководства России о возможности бесплатной передачи развивающимся странам 300 тыс. тонн калийных удобрений, заблокированных в портах балтийских стран, дополнительно высвечивает расхождение в интересах и целях между возглавляемым США блоком, ужесточающим и расширяющим санкционные режимы, и странами Глобального Юга. Реакция руководства ЕС на эту инициативу прояснит возможность и целесообразность дальнейших шагов со стороны Москвы, целью которых станет раскрытие подлинной сути западных санкций, их несоответствия международному праву и интересам большинства человечества.

Hard, soft и sharp power в «вагнеровской» манере

Сегодня в пользу России работает ее весьма устойчивое восприятие в африканском общественном мнении как наследника советской сверхдержавы, сыгравшей огромную роль в поддержке борьбы за освобождение Африки от колониального гнета, укреплении государственной независимости, развитии индустрии и социально-экономической инфраструктуры многих стран континента, формировании прослойки квалифицированных национальных кадров в гражданской и военных сферах. В Африке помнят о готовности СССР предпринять вооруженное вме-

шательство, не исключающее и применение атомного оружия, в ходе Суэцкого кризиса 1956–1957 гг., исход которого оказал важнейшее влияние на процессы деколонизации во всем мире. Вовлеченность СССР в конфликт между Сомали и Эфиопией в Огадене, войны в Анголе и Мозамбике, существенное воздействие на динамику других вооруженных конфликтов на Африканском континенте создали Москве репутацию глобального игрока, готового для реализации собственных идеологических установок и расширения сферы политического влияния проецировать на континент свою военную мощь.

Драматические изменения 1990-х годов, когда ельцинская Россия отказалась от попыток удержать советскую сферу влияния в Африке и реализовывать там особый политико-идеологический проект, не означали аннигиляции российского присутствия в макрорегионе как одного из крупнейших поставщиков вооружений. Более того, быстро перейдя от идеологической ангажированности к индифферентности в отношении качества политических институтов и демократии в странах – покупателях вооружений, Россия сумела удержать за собой такие крупные рынки вооружений, как, например, Алжир, и в то же время использовать новые возможности там, где прежде СССР не проявлял активности. России удалось занимать освобождавшиеся ниши на африканских рынках вооружений, когда США начинали увязывать поставки военной техники с соблюдением прав человека или иными политическими условиями, как было в случаях с Египтом (2013 г.) и Нигерией (2014 г.).

Успешное военное вмешательство Москвы в Сирии на стороне режима Б. Асада способствовало тому, что всё большее количество африканских правительств начали рассматривать Россию в качестве партнера, способного

оказать весьма эффективную и многоплановую поддержку в борьбе с исламским фундаментализмом и/или сепаратизмом. Помимо поставок оружия и направления военных советников, особенно эффективным и сравнительно малозатратным инструментом расширения политического и военного влияния России в различных регионах африканского континента с середины 2010-х годов стало привлечение частных военных компаний (ЧВК) для решения проблем безопасности. В западной литературе, а также в российских СМИ и блогосфере в первую очередь называют «Группу Вагнера», аффилированную с предпринимателем Е.В. Пригожиным. Нет оснований утверждать, что активность российских ЧВК в Африке ограничивается только «Группой Вагнера», но прежде всего с вагнеровцами принято связывать ускоренное расширение российского влияния на континенте в последние годы [Siegle, 2021]. Происходили не только расширение географии востребованности российских ЧВК (Центрально-Африканская Республика, Судан, Ливия, Мозамбик, Мали и т. д.), но, по сути, и геополитические сдвиги, обусловленные «исходом» части клиентов вагнеровцев из французской сферы влияния. Хотя последнее в немалой степени объясняется стратегическими просчетами самого Парижа, появляются основания для высокой оценки развертывания активности «группы Вагнера» в плане геополитической динамики.

Секрет успеха вагнеровцев в Африке западные аналитики связывают, во-первых, с «незрелостью» африканских элит, с которыми русским достаточно легко удается находить общий язык, избегая избыточных внутривнутриполитических требований; во-вторых, с готовностью руководства ЧВК вмешаться в критическую с точки зрения

безопасности ситуацию, обеспечив политическое (зачастую и физическое) выживание соответствующего лидера и его окружения в обмен на доступ к местным минеральным ресурсам [Siegle, 2021]. Вагнеровцы, не отягощая официальную Москву дополнительными формальными обязательствами, предлагают клиентам своеобразные «пакетные решения в поддержку режима» (*regime support packages*), варьирующиеся от обычной военной помощи до тщательно спланированных кампаний (дез)информационного воздействия [Security..., 2022].

Что касается информационных операций, то обвинения близких к Е.В. Пригожину структур в причастности к обеспечению электорального успеха Д. Трампа в 2016 г. [Ефременко, 2020] создали им беспрецедентную рекламу, очевидно, облегчающую возможности продвижения на рынках, находящихся вне полного контроля США и их союзников. Попытки визуализировать «галактику Евгения Пригожина» на географической карте, показывающие пересечение всего континента от побережья Киренаики до мыса Доброй Надежды едва ли не сплошной «вагнеровской» полосой [Laruelle, Lintonier, 2021, p. 322], и вовсе превращают Пригожина в мифическую фигуру, сопоставимую разве что с С. Родсом. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что речь идет о неомогенных видах активности, различающихся по своему масштабу, инструментарию, интенсивности и продолжительности действия. Очевидно, что «Группа Вагнера» использует инструменты информационного воздействия на общественное мнение в представляющих для нее интерес странах Африки, хотя конкретные примеры такого воздействия зачастую подтверждаются лишь косвенными данными и такими не всегда надежными методами,

как разведка по открытым источникам (OSINT).

Относительно более реалистичное объяснение деятельности «Группы Вагнера» и ее связи с продвижением интересов Кремля в странах Глобального Юга предлагают М. Ларюэль и К. Лимонье. Вслед за журналистом М. Галеотти они пишут об особой сфере предпринимательской активности, ориентированной на укрепление позиции России в разных частях мира. Речь в данном случае идет о возможностях извлечения прибыли и аккумуляции политико-символического капитала в процессе формирования «сетей российского влияния» за рубежом [Galeotti, 2019]. Среди различных категорий предпринимателей в этой сфере Ларюэль и Лимонье выделяют элитарную прослойку «магнатов» (*tycoons*), называя, впрочем, лишь два имени – Е.В. Пригожина и К.В. Малофеева. «Магнаты» не требуют для старта своей активности привлечения государственных средств – напротив, опираясь на близость к «вертикали власти», они решаются на рискованные вложения собственных средств в тех странах и регионах, где традиционные инструменты продвижения политических и экономических интересов государства оказываются малоэффективными и – почти во всех случаях – нерентабельными. Подобные инвестиции далеко не всегда оправдывают себя, но там, где удастся добиться успеха и обеспечить влияние на политические, военные и экономические элиты соответствующей страны, они окупаются и за счет участия в прибыли от разработки местных ресурсов, и за счет новых преференций внутри России [Laruelle, Limonier, 2021]. Слабой стороной анализа Ларюэль и Лимонье можно считать попытку сформировать из этих двух предпринимателей особый кластер, игнорируя наличие у каждого

из них сильных немонетарных мотиваций, обеспечивающих им особые позиции в среде российской политико-экономической и силовой элиты.

Тем не менее такая модель продвижения российских интересов способствует развитию военно-технического сотрудничества России со странами, где разворачивается активность условных вагнеровцев, продвижению на высокорискованные рынки российских топливно-энергетических, сырьевых и технологических компаний, расширению конструктивного политического диалога на межгосударственном уровне. В частности, только в период 2017–2019 гг. Россия заключила с африканскими странами 19 соглашений о развитии ВТС; показательно, что даже в период проведения СВО резко возросшее давление США, направленное на блокировку практически всех связей африканских стран с Россией, не смогло воспрепятствовать достижению соглашений о сотрудничестве в области подготовки военных кадров и обмене информацией, которые Москва заключила с Мадагаскаром и Камеруном.

Особняком стоит вопрос о том, может ли стать появление российских ЧВК в той или иной стране прологом к военному присутствию России как государства. Первичной здесь является оценка целесообразности и цены такого присутствия с учетом стратегической важности региона. Существенным является и понимание российских возможностей длительное время проецировать военную силу на столь значительное расстояние от национальных границ. Фактически же речь идет о договоренностях с руководством Судана, позволяющих использовать красноморский Порт-Судан в качестве российской военно-морской базы на условиях аренды сроком на 25 лет. Наличие такой базы дало бы возможность установить присутствие в точке, рас-

положенной близости от стратегически важной линии коммерческих и военных коммуникаций через Суэцкий канал (с другой его стороны аналогичную функцию для России выполняют сирийские морские порты) и Баб-эль-Мандебский пролив.

Судя по многочисленным сообщениям, свой вклад в подготовку этих договоренностей внесли представители «Группы Вагнера» благодаря тесным контактам с президентом Судана О. аль-Баширом, а после свержения последнего в 2019 г. – с новым фактическим лидером страны генералом А.Ф. аль-Бурханом. Однако договоренности не финализированы; под нарастающим американским давлением суданское руководство использует тактику оттяжек, позволяющую представителям разведывательного сообщества США сделать вывод, что Москва так и не получит доступа к Красному морю [Mackinnon, Gramer, Detsch, 2022]. Впрочем, окончательное решение Хартум будет принимать, скорее всего, исходя из оценки результатов СВО. Таким образом и другие африканские страны будут принимать решения о дальнейшем развитии ВТС с Россией, учитывая степень успешности или неуспешности самой спецоперации, эффективности российского ВПК в целом и конкретных типов вооружения в частности. «Группа Вагнера» отчасти может претендовать на эксклюзивную оценку, уже продемонстрировав в ходе СВО очень высокий уровень боеспособности и накопив боевой опыт, которого не имеет никакая другая ЧВК, включая американские и британские. Метафорически можно сказать, что у вагнеровцев вполне достаточно оснований называть себя «лучшими в аду»³.

Формирование общего дискурсивного пространства

Анализ показывает, что на африканском континенте Россия имеет достаточно оснований рассчитывать на конструктивный диалог и понимание мотивов ее действий. Причем речь идет как о влиятельных элитах, так и о более широкой аудитории. В этом плане представляет интерес аналитический материал, опубликованный на сайте Брукингского института в июне 2022 г. [Blankenship, Ordu, 2022]. Его авторы проанализировали более 2,5 млн сообщений в Твиттере⁴ в период с 14 февраля по 9 июня, посвященных военным действиям на Украине, авторы которых находились в Африке либо явным образом с ней связаны. Для обработки сообщений использовался инструментарий Twarc (<https://twarc-project.readthedocs.io/en/latest/>). Задача исследования состояла в том, чтобы выявить влияние основных российских нарративов, распространяющихся по всему африканскому континенту. Несмотря на нескрываемую предвзятость, авторы работы показали, что контент существенной части твитов (около 200 тыс.) за февраль–март был не в пользу Украины и позиции Запада. В частности, создатели этих сообщений фокусировали внимание на положении обучавшихся в украинских вузах африканских студентов, трудности с эвакуацией которых в страны ЕС они связывали с плохо скрываемым расизмом властей Украины и их западных партнеров. Кроме того, в большом количестве твитов проводились параллели с текущей ситуацией или историческим прошлым африканского континента, стран Ближнего и Среднего Востока. Комментируя

3 Название блокбастера, одним из продюсеров которого выступает Е.В. Пригожин. Выход фильма на экран состоялся осенью 2022 г.

4 Заблокирован на территории РФ с 4 марта 2022 г.

освещение Западом событий на Украине, авторы твитов указывали, что конфликты в Ливии, Йемене, Афганистане и – особенно – военные действия и гуманитарная катастрофа в Тыграе (Эфиопия) были европейским и американским общественным мнением практически проигнорированы. Во многих сообщениях подчеркивалось, что Россия, в отличие от ключевых стран Запада, не запыталала себя как колониальная держава и как страна, в которой осуществлялось порабощение по расовому признаку. В то же время США и Европейский союз продолжают неоколониалистские практики, осуществляя экономический грабеж Африки. В отношении России они стремятся действовать аналогичным образом, намеренно игнорируя законные интересы ее безопасности, что в конечном счете и привело к перерастанию украинского кризиса в военное противостояние.

Очевидно, что постоянно растущая интернет-аудитория в африканских странах достаточно восприимчива к источникам информации, альтернативным западным. Важно, чтобы при подаче информации учитывались интересы, озабоченности и даже особенности эмоционального восприятия этой аудитории. В то же время критический настрой многих африканцев в отношении политики Запада и особенно бывших колониальных держав не дает гарантий успеха незападным источникам информации. Многие зависят от конкретных обстоятельств и подачи материала. Так, в частности, восприятие проблематики продовольственной безопасности африканских стран в контексте СВО складывалось не в пользу российской позиции: в среднем лишь один из каждых десяти твитов увязывал обострение продовольственного кризиса с западными санкциями, тогда как большинство сообщений содержали критицизм в от-

ношении действий России [*Blankenship, Ordu*, 2022].

Если оценивать западную аналитику информационной работы в Африке различных российских акторов как достаточно реалистичную, то соотношение «цена/эффективность» многих информационных мероприятий выглядит вполне благоприятным. Однако дело здесь не только в умеренных затратах по привлечению к таким мероприятиям местных журналистов и блогеров, но и в объективной совместимости политических дискурсов и интересов России и стран Глобального Юга. Признание в качестве высших политических ценностей независимости, недопущения внешнего диктата, экономической справедливости и культурного суверенитета является общей платформой, на которой можно выстраивать более детализированную модель позиционирования различных государственных акторов в рамках изменяющегося мирового порядка. В числе российских негосударственных инициатив, нацеленных на выстраивание с Глобальным Югом общих пространств политического дискурса в сочетании с реализацией экономических программ, следует, в частности, назвать создание Международного агентства суверенного развития (*IASD*), председателем наблюдательного совета которого является К.В. Малофеев. По его словам, агентство не просто стремится проложить путь в Африку и другие страны Глобального Юга российским инвестициям, но и содействовать росту национального благосостояния развивающихся стран путем укрепления их суверенитета, обеспечения возможностей проведения ими независимой внутренней и внешней политики. Конкретно речь идет о создании альтернатив кабальному кредитованию со стороны международных финансовых институтов, сопровождаемому жест-

кими требованиями политического и социально-экономического характера; реструктуризации на более выгодных условиях суверенного долга развивающихся стран; консолидации активов крупных африканских государственных и частных компаний в руках африканцев; содействии государствам Африки в создании собственных операторов по разработке минерально-сырьевых ресурсов и преодолении монополизации этой сферы западными ТНК; борьбе с санкционными практиками западных держав; содействии в преодолении дефицита отраслевой экспертизы и трансфере технологий [Малюфеев, 2019].

Данная программа, заявленная еще в канун первого саммита Россия – Африка, полностью сохраняет свою актуальность и сегодня, но при этом российские инвестиционные возможности в условиях СВО и жесточайших санкций со стороны Запада резко сужены. Ее осуществление возможно при условии координации усилий на континенте наиболее крупных незападных акторов, по крайней мере, России и Китая, которые до сих пор реализовывали свои африканские стратегии независимо друг от друга. Сама возможность такой координации обсуждалась российскими и китайскими экспертами еще до начала СВО [China – Russia..., 2021], но в условиях эскалации глобальной напряженности, связанной как с военными действиями на Украине, так и с нарастающим давлением США на Китай по тайваньскому вопросу, шансы на переход к частичному согласованию стратегий Москвы и Пекина в различных регионах мира начинают возрастать. Помимо координации конкретных шагов, возрастает потребность в формировании общего политического языка, широкого концептуального видения глобальных процессов, включающего и африканские антиколони-

альные нарративы, и российское неприятие однополярного мира, и китайскую идею сообщества единой судьбы человечества (人類命運共同體).

Как представляется, одной из предпосылок создания общего дискурсивного пространства является наличие институционального формата устойчивого диалога России, Китая, Индии, других стран Азии, Океании, Африки и Латинской Америки. БРИКС и БРИКС+, ШОС, инициатива «Один пояс – один путь», экономические механизмы Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, саммиты Китай – Африка и Россия – Африка очень важны в плане поддержки политического диалога, но по отдельности ни один из этих форматов не является в полной мере инклюзивным.

Сближение политических дискурсов России и стран Глобального Юга в содержательном плане также требует серьезных усилий. В частности, здесь следует обратить внимание на растущее неприятие в России леволиберального идеологического симбиоза, включающего в себя не только феминизм и пропаганду ценностей ЛБГТ, но также постколониальные исследования и критическую расовую теорию [Лукин, 2021]. В данном случае следует идентифицировать существенные различия между этим идеологическим конструктом, сформировавшимся в кампусах американских и западноевропейских университетов, и оригинальными интерпретациями наследия колониализма, расизма и империализма в странах Африки, Азии и Латинской Америки. Не менее важно и преодоление политико-идеологической всеядности, когда под аккомпанемент критики Запада начинается заигрывание с носителями установок ксенофобии и ненависти к мигрантам из развивающихся стран.

Безусловно, один из самых болезненных вопросов – уровень экспертизы

по Африке, предполагающий детальное знание отдельных стран, регионов и обществ, владение достаточным количеством специалистов местными, в том числе редкими, языками. Несмотря на продолжение после 1991 г. работы нескольких центров исследований макрорегиона и подготовки кадров с соответствующей специализацией (Институт Африки РАН, ИСАА МГУ, РУДН, МГИМО МИД РФ), сохраняется и даже обостряется проблема воспроизводства таких кадров и их языковой подготовки, в том числе в силу прекращения активности преподавателей некоторых редких африканских языков, начинавших свою деятельность еще в советские времена [Кузнецов, 2021]. Одним из возможных решений, особенно актуальным в условиях усиливающейся блокировки научно-образовательных обменов со странами Запада, видится значительное расширение практики направления на длительные стажировки в африканские университеты и научные центры российских аспирантов, молодых ученых и педагогов. Разумеется, этот процесс не должен быть односторонним, и, помимо развития студенческих обменов, важно привлечение в Россию африканских специалистов по общественным и гуманитарным наукам, в том числе с целью формирования новых центров компетенций по макрорегиону. Расширение количественного состава и качественного уровня такого рода центров является насущной задачей, решение которой позволит не только удовлетворять возрастающие потребности российских органов власти и экономических акторов в разносторонней информации и квалифицированном анализе, но и преодолевать известные издержки функционирования специализированных экспертных (эпистемных) сообществ, чьи представители подчас с неохотой расстают-

ся с монополией на экспертное суждение.

Наконец, стоит обратить внимание на расширение российского дипломатического присутствия в Африке. Не секрет, что длительная командировка в африканскую страну зачастую негласно рассматривалась как не самая благоприятная траектория дипломатической карьеры. Вместе с тем недавние массовые взаимные высылки дипломатов России и стран Запада, при всём деструктивном влиянии подобных акций на межгосударственные отношения, высветили и проблему избыточности персонала в российских диппредставительствах в некоторых «престижных» странах на фоне недостатка квалифицированных кадров в посольствах Российской Федерации даже в наиболее значимых государствах Азии, Африки и Латинской Америки. По крайней мере, можно ожидать, что после этой встряски заявленная приоритетность отношений с Глобальным Югом будет подкреплена усилением в количественном и качественном отношении российских загранучреждений в этих частях мира.

Заключение

Специальная военная операция многое изменила и еще больше изменит во взаимодействии России с африканскими государствами. И одной констатации того, что «Африка становится важнее», явно недостаточно для характеристики предполагаемого вектора изменений. Вполне очевидно, что на годы вперед основное внимание Москвы будет сфокусировано на Украине и – шире – всём западном фланге бывшего СССР. Даже если военные действия на Украине не приведут к повторению Карибского кризиса, поставившего мир на грань самоуничтожения,

конфронтация России и Запада надолго сохранит свой глобальный и почти тотальный характер. Именно в контексте последнего и будет возрастать для России значение африканского континента.

В зависимости от конкретных обстоятельств Москва может действовать разнонаправленно. Для России очень важно сохранить нейтралитет или даже получить политическую поддержку значительного количества африканских стран, оказывая содействие укреплению их суверенитета и региональной интеграции таким образом, чтобы при этом сокращалось влияние США и бывших колониальных метрополий на отдельные страны и макрорегион в целом. России, однако, придется действовать, используя ограниченные возможности. Ни о воссоздании советской сферы влияния, ни о масштабе вовлеченности, сопоставимом с вмешательством в гражданскую войну в Сирии, говорить не приходится. Как и в последние годы, могут быть использованы нетрадиционные механизмы и способы влияния, позволяющие добиваться существенных результатов при сравнительно скромном масштабе используемых ресурсов. Идеальным вариантом, вероятность которого пока представляется не очень высокой, была бы координация усилий и разделение труда с Китаем, который может предложить африканским странам кредиты и инвестиции в производство и инфраструктуру, а Россия – купирование части угроз безопасности, с которыми сталкиваются недостаточно стабильные режимы.

В то же время Москва могла бы считать для себя полезным развитием событий и кризисный сценарий, который привел бы к отвлечению внимания, сил и ресурсов США и/или бывших колониальных держав от украинского театра военных действий. Едва ли уместно рассуждать об искусственном

конструировании такого кризиса, особенно в условиях, когда во многих частях Африки сохраняются и даже обостряются межгосударственные противоречия, распространяются фундаменталистские течения, а экономические и экологические проблемы порождают всё новые волны миграции. Форсируя противостояние с Россией и Китаем, Запад подрывает саму возможность объединенных усилий международного сообщества для решения наиболее острых африканских проблем и достижения действительно актуальных целей устойчивого развития. Одновременно происходит дестабилизация сырьевых и продовольственных рынков, в конечном счете – частичная деглобализация, погружающая страны и народы планеты в состояние глубокой неопределенности. Если же Россия сумеет завершить СВО не только военным успехом, но и укреплением статуса державы, предлагающей более справедливый мировой порядок, то впоследствии появятся основания рассчитывать и на реализацию полноценной стратегии Москвы в Африке, ориентированной уже не на достижение перевеса в навязанном Западом противоборстве, а на обеспечение потребностей и интересов большинства человечества.

Список литературы

Абрамова И., Фитуни Л. Стратегия России на африканском направлении: Что изменилось после саммита Россия – Африка 2019? // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 12. – С. 68–78. – DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-12-68-78.

Ефременко Д.В. Глубокая заморозка американо-российских отношений // Феномен Трампа : монография / под ред. А.В. Кузнецова. – Москва : ИНИОН РАН, 2020. – С. 549–560.

Кузнецов А.В. Кризис страноведения в России на фоне растущего спроса на знания о зарубежных странах и регионах // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 6–25. – DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-1.

Лукин А.В. Право на безумие // *Россия в глобальной политике*. – 2021. – Т. 19, № 5. – С. 172–192. – DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-5-172-192.

Малофеев К.В. Россия для африканских стран является приоритетным партнером // *Росконгресс*. – 2019. – 15 октября. – URL: <https://roscongress.org/materials/konstantin-malofeev-rossiya-dlya-afrikanskikh-stran-yavlyayetsya-prioritetnym-partnerom/> (дата обращения: 15.09.2022).

Маслов А.А., Суслов Д.В. Возвращение в Африку: как сделать его российским приоритетом // *Россия в глобальной политике*. – 2022. – Т. 20, № 1. – С. 130–148. – DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-1-130-148.

Прокопенко А. Почему Россия согласилась разблокировать украинский экспорт зерна // *Carnegie Endowment for International Peace*. – 2022. – 25 июля. – URL: <https://carnegieendowment.org/politika/87559> (дата обращения: 15.09.2022).

Atif M., Akbar M. BRICS and African Region Partnership: Challenges and Opportunities // *Global Political Review*. – 2019. – Vol. IV, no. IV. – P. 59–69. – DOI: 10.31703/gpr.2019(IV-IV).07.

Blankenship M., Ordu A.U. Russia's Narratives about Its Invasion of Ukraine are Lingering in Africa // *Brookings*. – 2022. – June 27. – URL: <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2022/06/27/russias-narratives-about-its-invasion-of-ukraine-are-lingering-in-africa/> (дата обращения: 12.12.2022).

China – Russia Bilateral Cooperation in Africa / Kortunov A. [et al.] ; Russian International Affairs Council (RIAC), In-

stitute of International and Strategic Studies of Peking University. – Moscow : NPMP RIAC, 2021. – 64 p.

Galeotti M. Russian Political Warfare: Moving beyond the Hybrid. – London : Routledge, 2019. – 136 p.

Laruelle M., Limonier K. Beyond “Hybrid Warfare”: A Digital Exploration of Russia's Entrepreneurs of Influence // *Post-Soviet Affairs*. – 2021. – Vol. 37, no. 4. – P. 318–335. – DOI: 10.1080/1060586X.2021.1936409.

Lu C. Russia's Invasion Unleashes ‘Perfect Storm’ in Global Agriculture // *Foreign Policy*. – 2022. – March 24. – URL: <https://foreignpolicy.com/2022/03/24/russia-war-ukraine-food-crisis-wheat-fertilizer/> (дата обращения: 15.09.2022).

Mackinnon A., Gramer R., Detsch J. Russia's Dreams of a Red Sea Naval Base Are Scuttled – for Now // *Foreign Policy*. – 2022. – July 15. – URL: <https://foreignpolicy.com/2022/07/15/russia-sudan-putin-east-africa-port-red-sea-naval-base-scuttled/> (дата обращения: 15.09.2022).

McDonough S., Zhou Y. What the Russian Invasion of Ukraine Could Mean for Global Hunger // *Vox*. – 2022. – February 27. – URL: <https://www.vox.com/future-perfect/2022/2/27/22950805/russia-ukraine-food-prices-hunger-invasion-war> (дата обращения: 15.09.2022).

Ndebele L. Sanctions Don't Stop Russia from Selling Grain to Africa – US // *News24*. – 2022. – June 10. – URL: <https://www.news24.com/news24/africa/news/sanctions-dont-stop-russia-from-selling-grain-to-africa-us-20220610> (дата обращения: 15.09.2022).

Security, Soft Power and Regime Support: Spheres of Russian Influence in Africa / El-Badawy E., Munasinghe S., Burkarti A.B., Bianchi B. // *Tony Blair Institute for Global Change*. – 2022. – March 23. – 33 p. – URL: <https://institute.global/policy/security-soft-power-and-regime-support-spheres-russian-influence-africa> (дата обращения: 18.09.2022).

Siegle J. Russia and Africa: Expanding Influence and Instability / Herd G.P. (ed.). Russia's Global Reach: a Security and Statecraft Assessment. – Garmisch-Partenkirchen : George C. Marshall European Center for Security Studies, 2021. – P. 80–90.

Stent A. It's Back to the Future for U.S. Grand Strategy // Foreign Policy. – 2022. – September 2. – URL: <https://foreignpolicy.com/2022/09/02/us-grand-strate->

[gy-ukraine-russia-china-geopolitics-superpower-conflict/#full-list](https://foreignpolicy.com/2022/09/02/us-grand-strategy-ukraine-russia-china-geopolitics-superpower-conflict/#full-list) (дата обращения: 05.09.2022).

Stremlau J. African countries showed disunity in UN votes on Russia: South Africa's role was pivotal // The Conversation. – 2022. – April 8. – URL: <https://theconversation.com/african-countries-showed-disunity-in-un-votes-on-russia-south-africas-role-was-pivotal-180799> (дата обращения: 05.09.2022).

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.04

Russia's Relations with African Countries in the Light of the Special Military Operation in Ukraine

Dmitry V. EFREMENKO

DSc in Politics, Deputy Director

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: efdv2015@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6988-472X

CITATION: Efremenko D.V. (2022). Russia's Relations with African Countries in the Light of the Special Military Operation in Ukraine. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 4, pp. 60–78 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.04

Received: 24.09.2022.

Revised: 28.11.2022.

ABSTRACT. *The article analyzes the changes in Russia's relations with African countries caused by the special military operation (SMO) in Ukraine. From the mid-2010s until the beginning of the SMO, these relations were strengthened, which became especially noticeable after the Russia-Africa summit (2019). In addition to the growth of trade and the expansion of military-technical cooperation, a new significant factor in the Russian presence in Africa was the deployment of the activity of private military companies (the "Wagner Group"). In the context of the SMO, cooperation with African states in the areas of trade and economy will go through a stage of painful transformation caused by Western sanctions. A key issue is food security and famine prevention in many countries of the Global South. The modalities of the Russian presence on the African continent will inevitably be determined by the general confrontation between Russia and the countries of the West. In the longer term, African countries may become*

the beneficiaries of the transformation of the US-centric world order, sufficiently accelerated by the SMO.

KEYWORDS: *Africa, global South, special military operation, transformation of the world order, trade and economic relations, food security, private military companies, information influence, military-technical cooperation.*

References

Abramova I., Fituni L. (2021). Russia's Strategy in the African Direction: What Has Changed Since the Russia-Africa Summit 2019? *World Economy and International Relations*, vol. 65, no. 12, pp. 68–78 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-12-68-78.

Atif M., Akbar M. (2019). BRICS and African Region Partnership: Challenges and Opportunities. *Global Political Review*,

vol. IV, no. IV, pp. 59–69. DOI: 10.31703/gpr.2019(IV-IV).07.

Blankenship M., Ordu A.U. (2022). Russia's Narratives about Its Invasion of Ukraine are Lingering in Africa. *Brookings*, June 27. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2022/06/27/russias-narratives-about-its-invasion-of-ukraine-are-lingering-in-africa/>, accessed 12.12.2022.

Efremenko D.V. (2020). A Deep Freeze in US-Russia Relations. In: Kuznetsov A.V. (ed.). *The Trump Phenomenon: Monograph*. Moscow : INION RAN, pp. 549–560 (in Russian).

Galeotti M. (2019). *Russian Political Warfare: Moving beyond the Hybrid*. London: Routledge.

Kortunov et al. (2021). China – Russia Bilateral Cooperation in Africa. Report No 66/2021 // *Russian International Affairs Council (RIAC), Institute of International and Strategic Studies of Peking University*. Moscow: NPMP RIAC.

Kuznetsov A.V. (2021). The Crisis of Country Studies in Russia amid the Growing Demand for Knowledge about Foreign Countries and Regions. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no. 6, pp. 6–25 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-1.

Laruelle M., Limonier K. (2021). Beyond “Hybrid Warfare”: A Digital Exploration of Russia's Entrepreneurs of Influence. *Post-Soviet Affairs*, vol. 37, no. 4, pp. 318–335. DOI: 10.1080/1060586X.2021.1936409.

Lu C. (2022). Russia's Invasion Unleashes ‘Perfect Storm’ in Global Agriculture. *Foreign Policy*, March 24. Available at: <https://foreignpolicy.com/2022/03/24/russia-war-ukraine-food-crisis-wheat-fertilizer/>, accessed 15.09.2022.

Lukin A.V. (2021). The Right to Insanity. *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no. 5, pp. 172–192 (in Russian). DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-5-172-192.

Mackinnon A., Gramer R., Detsch J. (2022). Russia's Dreams of a Red Sea Naval Base Are Scuttled – for Now. *Foreign Policy*, July 15. Available at: <https://foreignpolicy.com/2022/07/15/russia-sudan-putin-east-africa-port-red-sea-naval-base-scuttled/>, accessed 15.09.2022.

Malofeev K.V. (2019). Russia is a Priority Partner for African Countries. *Ros-kongress*, October 15. Available at: <https://roscongress.org/materials/konstantin-malofeev-rossiya-dlya-afrikanskikh-stran-yavlyayetsya-prioritetnym-partnerom/>, accessed 15.09.2022 (in Russian).

Maslov A.A., Suslov D.V. (2022). Return to Africa: How to Make It a Russian Priority. *Russia in Global Affairs*, vol. 20, no. 1, pp. 130–148 (in Russian). DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-1-130-148.

McDonough S., Zhou Y. (2022). What the Russian Invasion of Ukraine Could Mean for Global Hunger. *Vox*, February 27. Available at: <https://www.vox.com/future-perfect/2022/2/27/22950805/russia-ukraine-food-prices-hunger-invasion-war>, accessed 15.09.2022.

Ndebele L. (2022). Sanctions Don't Stop Russia from Selling Grain to Africa – US. *News24*, June 10. Available at: <https://www.news24.com/news24/africa/news/sanctions-dont-stop-russia-from-selling-grain-to-africa-us-20220610>, accessed 15.09.2022.

Prokopenko A. (2022). What's in the Ukraine Grain Deal for Russia? *Carnegie Endowment for International Peace*, July 25. Available at: <https://carnegieendowment.org/politika/87559>, accessed 15.09.2022 (in Russian).

Security, Soft Power and Regime Support: Spheres of Russian Influence in Africa (2022) / El-Badawy E., Munasinghe S., Bukarti A.B., Bianchi B. *Tony Blair Institute for Global Change*, March 23, 33 pp. Available at: <https://institute.global/policy/security-soft-power-and-regime-support-spheres-russian-influence-africa>, accessed 18.09.2022.

Siegle J. (2021). Russia and Africa: Expanding Influence and Instability. Herd G.P. (ed.). *Russia's Global Reach: a Security and Statecraft Assessment*. Garmisch-Partenkirchen: George C. Marshall European Center for Security Studies, pp. 80–90.

Stent A. (2022). It's Back to the Future for U.S. Grand Strategy. *Foreign Policy*, September 2. Available at: <https://foreign-policy.com/2022/09/02/us-grand-strategy-ukraine-russia-china-geopolitics-superpower-conflict/#full-list>, accessed 05.09.2022.

Stremlau J. (2022). African Countries Showed Disunity in UN Votes on Russia: South Africa's Role Was Pivotal. *The Conversation*, April 8. Available at: <https://theconversation.com/african-countries-showed-disunity-in-un-votes-on-russia-south-africas-role-was-pivotal-180799>, accessed 05.09.2022.

Право и политика

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.05

Конституционные модели принципа социальной справедливости в странах Африки: сравнительно-правовой анализ

Ирина Анатольевна УМНОВА-КОНЮХОВА

доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела правоведения

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: ikonyukhova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6400-851X

ЦИТИРОВАНИЕ: Умнова-Конюхова И.А. Конституционные модели принципа социальной справедливости в странах Африки: сравнительно-правовой анализ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 4. С. 79–97.

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.05

Статья поступила в редакцию 10.09.2022.

Исправленный текст представлен 08.11.2022.

АННОТАЦИЯ. На основе сравнительно-правового анализа конституций африканских государств в статье анализируются конституционные модели принципа социальной справедливости. Рассматриваются генезис западного правопонимания принципа социальной справедливости, особенности его отражения в африканской правовой культуре.

Выделяя западную традицию правопонимания социальной справедливости, исходящую из воззрений Платона и Аристотеля, автор отмечает, что ее сущность состоит в справедливом распределении социальных благ, основанном на достижении равноправия.

Современное западное правопонимание дополняет древнегреческую традицию рассмотрением обусловленности принципа социальной справедливости экономической и политической системами, отношениями собственности, социальными правами и свободами.

Сравнительно-правовой анализ конституций африканских государств позволяет автору, с одной стороны, обнаружить сходство в регулировании принципа социальной справедливости, в том числе под влиянием западной традиции, с другой стороны, увидеть то, что конституции этих стран объективно отличаются степенью и характером учета националь-

ных подходов. В этом контексте выделяются общие и особенные факторы национальной идентичности африканских государств, влияющие на выбор конституционной модели социальной справедливости.

В статье выделяется как минимум четыре конституционные модели принципа социальной справедливости на африканском континенте: либерально-демократическая, социалистической ориентации, авторитарная и гибридная. Авторитарная и особенно гибридная в большей степени отражают национальную идентичность. При этом число государств с гибридной моделью неуклонно растет. В статье проводится подробный анализ конституционных моделей принципа социальной справедливости на примере отдельных африканских государств, рассматриваются особенности конституционного закрепления социальных целей и ценностей, регулирования социальных прав и отношений по распределению доходов от национальных богатств.

В заключении делается вывод, что классификация конституционных моделей принципа социальной справедливости на четыре группы постепенно теряет актуальность. В перспективе для всех африканских государств будет присуща гибридная модель. Именно тенденция гибридизации со всей очевидностью обозначилась в настоящее время в практике конституционного развития африканских государств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: принцип социальной справедливости, западное правовопонимание, конституционные модели, либерально-демократическая модель, модель социалистической ориентации, авторитарная модель, гибридная модель, страны Африки, национальная идентичность, социальные цели и ценности, социальные права.

Введение. Принцип социальной справедливости в западном правовопонимании и особенности его отражения в африканской правовой культуре

Принцип социальной справедливости лежит в основе современного правовопонимания социального государства и социальных прав человека, формируемого на основе международного права прав человека ООН (Всеобщая декларация прав человека 1948 г., международные пакты о правах человека 1966 г.) и конституций государств, учитывающих универсальные стандарты прав человека во взаимосвязи с национальной идентичностью.

В своих конституциях государства провозглашают как принцип социальной справедливости, так и более универсальный принцип справедливости. Справедливость как более широкое понятие может быть связана с геополитикой и политикой (справедливость в международных отношениях, справедливые выборы и пр.), с экономическим строем (справедливость в экономических отношениях), с иными не социальными отношениями. При этом исследователи отмечают, что в бесчисленных интерпретациях справедливости есть нечто общее, характеризующее ее специфическую роль в жизни человека и общества [Александров, 2003, с. 11]. Социальная справедливость – понятие, которое охватывает интересы различных классов и слоев населения, социальных групп и общностей во взаимосвязи с политическими, экономическими, духовно-культурными, экологическими и иными связями.

Необходимо отметить, что основу конституционных моделей регулирования принципа социальной справедливости современных государств предопределило в значительной степени

влияние на эту модель западного правопонимания социальной справедливости. К числу континентов, подвергшихся этому влиянию, следует причислить и Африку. Государства этого континента подверглись европейской колонизации, и вся история их развития обусловлена тесным контактом со странами западного мира.

Сущность социальной справедливости в западном правопонимании состоит в справедливом распределении социальных благ, которые производятся в рамках определенного экономического строя и основываются на достижении равноправия и в конечном итоге равенства. Такое понимание в западной цивилизации было заложено в свое время в древнегреческой философии Платоном и Аристотелем, которые размышляли о социальной справедливости и распределении доходов государства для удовлетворения потребностей своих граждан. Так, Платон в контексте социальной справедливости затрагивал проблему бедности и богатства. В их противостоянии он видел зло, способное разрушить общество, моральное единство граждан, породить рост преступности, погоню за наживой с целью обогащения одних за счет других [Платон, 2007, с. 135]. Аристотель, разработав всемирно известную формальную структуру справедливости, выделил две ее формы: уравнивающую и распределяющую. Уравнивающая справедливость предполагает воздаяние равным за равное, распределяющая признает справедливым как равное, так и неравное распределение благ между различными лицами в зависимости от их вклада в общественное благо. Неравенство рассматривалось Аристотелем как источник многочисленных общественных потрясений [Аристотель, 2008, с. 795]. Формальное равенство не может сгладить имущественное неравенство среди людей,

решение этого вопроса осуществляется с помощью социальной справедливости, в соответствии с которой блага распределяются в том числе путем обеспечения социально незащищенных слоев населения и установления для каждого минимальных стандартов жизни.

В современных правовых интерпретациях единство уравнивающей и распределяющей справедливости образует юридическое равенство [Зорькин, 2011, с. 76]. Этот принцип является универсальным и провозглашается в конституциях государств как ключевое требование обеспечения социальной справедливости.

В древнегреческой трактовке справедливость не увязывалась с принципами достойной жизни и свободного развития. Эту взаимосвязь предопределили современные интерпретации справедливости. По мнению Д. Роулза, справедливость определяется средством достижения индивидуальных целей и выбора образа жизни (свобода действий в любых сферах, отсутствие дискриминации и т. п.) и первичными благами (самоуважение), когда наименее преуспевшие получают максимум благ [Роулз, 2010, с. 66]. Д. Роулз выделяет два аспекта справедливости: политический и социально-экономический. В политическом измерении принципу справедливости, по его мнению, отвечает конституционная демократия. Социально-экономический аспект справедливости связан с распределением прибыли и богатства, направленным на наиболее полное удовлетворение ожиданий наименее благополучных людей при условии справедливого равенства возможностей и равных прав и свобод. Заслуга Д. Роулза состоит в том, что он указал на главную проблему распределяющей справедливости – выбор социальной системы. Он констатирует, что выбор между экономикой,

основанной на частной собственности, и социализмом остается открытым, ибо разные основные структуры определяют теорию справедливости и последствия ее действия в реальной жизни. Именно эта зависимость справедливости от общественно-политического и экономического строя позволяет выявить разные модели социальной справедливости. В современной западной цивилизационной системе можно разграничить три основные модели: либерально-демократическую, социалистическую, гибридную (смешанную). Все три модели связаны с регулированием прав собственности, механизмами налогообложения, системой распределения общественных благ, доступом к социальным правам и льготам.

В противоположность распределительной теории Д. Роулза другая современная концепция основана на либертариистской идее «минимального» государства. Ее сторонник Роберт Нозик социальную справедливость не связывает с функцией перераспределения и считает, что каждый человек является хозяином своей жизни, поэтому ему должна быть предоставлена максимально возможная свобода, ограниченная свободой других. Все блага человек приобретает в результате обмена или воздаяния, поэтому даже сама постановка вопроса о справедливом распределении является ложной [Нозик, 1994, с. 144]. В либертариистском подходе Р. Нозика можно обнаружить расхождение с нравственной идеей фундаментального равенства, с императивом заботы государства и общества о благе ближнего и другими аксиомами морали.

Одну из современных либеральных трактовок справедливости, основанной на толковании фундаментального принципа равенства, представляет Р. Дворкин, разграничивающий понятия «равное обращение» (равенство дистрибутивного типа, направленное на распре-

деление благ) и «обращение как с равным» (этическое равенство, требующее уважения человеческого достоинства) [Дворкин, 2004, с. 309, 367]. Практическое осуществление этих принципов составляет суть западной либеральной политики справедливости. Экономическая функция принципа равной заботы и уважения заключается в сглаживании негативных последствий рыночной экономики, а политическая – в блокировании решений законодательного большинства в системе представительной демократии, направленных на регулирование частной жизни в соответствии с определенной концепцией блага [Дворкин, 2004, с. 366–368].

Таким образом, современное западное правопонимание принципа социальной справедливости увязывает это понятие не только с дихотомией равенства и распределения, но и требованиями свободного развития и достойной жизни, обеспечиваемыми конституционным закреплением прав и свобод личности и обязательств государств, предопределяемых в свою очередь выбором экономического и общественно-политического строя.

Западное правопонимание социальной справедливости оказало существенное влияние на африканскую правовую систему в период колонизации, которая проявилась, во-первых, в конвергенции англо-саксонской, романо-германской и религиозной (клерикальной) правовых систем, во-вторых, в наложении на западную правовую культуру африканских традиций трайбализма, патриархально-племенной и иной специфики цивилизационной африканской культуры, в-третьих, в придании нравственно-этической и ценностной составляющей ключевого значения при закреплении принципа социальной справедливости.

Наряду с заимствованием западных подходов при формировании афри-

канских моделей социальной справедливости нельзя не обратить внимание на влияние исламской правовой культуры восточных стран. В данном случае речь идет не только о предопределенности понимания социальной справедливости верой в Бога (Аллаха). Имеются в виду и другие заимствования. В частности, распределительная традиция социальной справедливости исламских государств Ближнего Востока в отношении природных ресурсов, основанная на принципе принадлежности данных ресурсов всей нации и праве каждого получить свою долю, оказалась привлекательной для целого ряда африканских государств, интенсивно развивающих сегодня свою сырьевую экономику, что будет проиллюстрировано далее на конкретных примерах.

Интересно отметить, что африканская традиция социальной справедливости имеет немало сходств с российскими подходами к содержанию этого принципа, когда справедливость рассматривается одновременно и как правовой принцип, и как нравственно-этическая категория. В совокупности со свободой и требованиями равенства они представляют собой действенный социальный фактор, нормирующий, упорядочивающий социальную жизнь [Бондарь, 2005, с. 258]. В российской традиции решение проблем справедливости затрагивает систему динамичных и противоречивых отношений: общества и личности, государства и социальных групп, граждан, межличностных, межгосударственных и иных отношений. Социальная справедливость требует «соответствия между реальной значимостью различных индивидуумов (социальных групп) и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием и т. п. Несоответствие в этих отноше-

ниях оценивается как несправедливость» [Козлов, 2010, с. 42].

Сравнительно-правовой анализ конституций африканских государств позволяет, с одной стороны, обнаружить значительное сходство между ними в регулировании принципа социальной справедливости, в том числе под влиянием западной традиции, и, с другой стороны, увидеть то, что конституции этих стран объективно отличаются степенью и характером учета национальных подходов к пониманию социальной справедливости как в связи с влиянием восточной правовой культуры, так и под воздействием факторов идентичности самих африканских государств.

Факторы национальной идентичности, влияющие на регулирование принципа социальной справедливости в конституциях африканских государств

При выявлении конституционного содержания социальной справедливости не стоит недооценивать особенности развития африканских государств. Заимствование правовых подходов в определении социальной справедливости у западных стран не является автоматическим процессом. Западные конституционные модели социальной справедливости существенно фильтруются национальной идентичностью. В этом контексте можно было бы выделить общие и особенные факторы национальной идентичности африканских государств, влияющие на выбор конституционной модели социальной справедливости.

Общие факторы африканской идентичности следующие.

1. Государства Африки относятся к обширной группе развивающихся

(по классификации ООН) стран с колониальным прошлым. Эти страны длительное время находились в британской или французской колониальной зависимости либо принадлежали к другим западным метрополиям (Португалия, Бельгия, Испания и др.).

2. Для африканских государств характерны пережитки патриархально-трайбалистского социального устройства. Почти во всех странах у племен в сельской местности существуют традиционные религиозные культы, действует обычное право. Целый ряд африканистов настаивают на особом архетипе африканской культуры, для которой характерен общинный дух, а следовательно, высокий уровень социальности. В частности, речь идет об уникальном мировом явлении, возникшем в сердце африканской цивилизации – философии убунту [Иванова, 2019, с. 105]. Концепция убунту («убунту» в пер. с зулу – «человечность») исходит из того, что между людьми изначально существует доверие, а также тесная взаимозависимость друг от друга [Тимкук, 2017, с. 113–122].

Африканские философы и культурологи определяют убунту как философию, обосновывающую тезис о том, что человек в подлинном смысле – это «общественный человек», он является частью общины и при этом социально-психологически глубоко с нею связан [Ramose, 1999, p. 15]. Интересы группы и человека образуют единство в своей гармонии, поскольку по определению не могут быть противоположны или разнонаправленны. Таланты, достижения, индивидуальные потребности человека имеют значение лишь во взаимодействии с другими людьми. Кроме того, концепция убунту презентует своеобразную идеологию всеобщего блага: оно разделяется интересами других членов общества, становится во главу политической и мораль-

ной сфер жизни африканских народов [Ramose, 1999, p. 15]. Также концепция убунту выделяет ценность неконфронтационных общественных отношений, фактически воплощает моральную концепцию «культуры мира» (в противовес «культуре войны»), философии ненасилия по отношению к другому человеку или народу [Капто, 2011, с. 18]. Таким образом, убунту учитывает общинный дух африканской культуры, практически выражает понимание социальной справедливости как социальной солидарности, стремления к единодушию и консенсусу, что получает соответствующее отражение в конституциях африканских государств.

3. Для большинства африканских государств характерна политическая нестабильность, системная коррупционность и криминогенность, регулярные перевороты и локальные вооруженные столкновения. После освобождения от колониальной зависимости во многих африканских государствах имели место неоднократные военные перевороты. Конституции отменялись или их действие приостанавливалось, парламенты распускались. В некоторых странах после переворота выборы президента не проводились.

4. Промышленность африканских государств развита довольно слабо. Несмотря на то, что в ряде стран, таких как Кения, Танзания, Эфиопия, имеются современные предприятия, они обычно принадлежат транснациональным корпорациям. Основная часть населения проживает в сельской местности и занята в сельском хозяйстве.

5. Во многих странах Африки, таких как Нигерия, ДР Конго, ЮАР, Ангола, Эфиопия, Эритрея, Сомали, существует угроза межэтнических конфликтов, которые усиливаются по мере роста этнонационального самосознания, усиления позиции этноэлиты и экономического кризиса [Кассае Ныгусие,

Сауляк, 2014, с. 38]. Постоянно возникающие конфликты между регионами, между этническими группами, а также между центральными и местными правительствами привели к росту регионализма и национального сепаратизма. Политические конфликты и конфронтации неизбежно влияют на политическую, экономическую и социальную стабильность соответствующих стран и регионов. Поэтому несправедливое распределение и использование энергетического богатства способно породить серьезные социально-политические проблемы, в первую очередь вызванные этническими противоречиями и нежеланием одних делиться нефтью и газом с другими [Русак, Захаров, Дегтерев, 2019, с. 149].

6. Для большинства государств Африки сохраняется актуальность противодействия рабству, кабале, насилию, массовым убийствам мирного населения во время вооруженных конфликтов, другим пережиткам угнетения человека и ограничения свободы личности.

7. На Африканском континенте констатируется высокий уровень болезней, эпидемий и пандемий, что свидетельствует об особом значении реализации принципа социальной справедливости в отношении качества медицинских услуг и доступа к ним.

8. В прогностическом аспекте эксперты-африканисты обоснованно отмечают, что в настоящее время государства Африки находятся на этапе беспрецедентных возможностей, которые в первую очередь связаны с увеличением трансграничного потока капитала, ростом торговли, урбанизацией, демографическими изменениями и огромным количеством природных богатств, в которых нуждаются все страны мира [Кассае Ныгусие, Сауляк, 2019, с. 137].

Наряду с общими факторами развития стран Африки, влияющими на кон-

ституционную модель справедливости, имеется немало показателей национальной идентичности, существенно их различающих.

1. Государства Африки не одинаковы по размерам территории и численности населения. Территории Алжира, ДР Конго, Судана, Ливии, Чада, Нигерии, Анголы, Мали, ЮАР и Эфиопии во много раз превышают территории крупных европейских государств. Есть и маленькие по площади государства, например, Сейшельские Острова, Сан-Томе и Принсипи, Маврикий, Коморские острова, Кабо-Верде.

Многие районы больших стран – почти необитаемые территории, однако в отдельных государствах (Бурунди, Руанда, Маврикий) плотность населения довольно высокая для Африки. По численности населения лидируют Нигерия (свыше 200 млн чел.), Эфиопия (почти 120 млн чел.), Египет (свыше 105 млн чел.). В свою очередь, на Сейшельских Островах население – меньше 100 тыс. человек, в Сан-Томе и Принсипи – около 200 тыс. человек, это самые малочисленные государства.

2. Африканские государства не однородны в религиозном отношении. В одних доминирует ислам (например, в африканских странах Арабского Магриба: Алжире, Египте, Ливии, Мавритании, Марокко, Тунисе), в других большинство населения исповедует христианство (в Анголе, Бурунди, Габоне, ДР Конго, Замбии, Кабо-Верде, Лесото, Намибии, Руанде, Сан-Томе и Принсипи, Свазиленде, Сейшельских Островах, Танзании, Уганде, Эфиопии, ЮАР и др.), при этом религиозные традиции перемешаны с языческими племенными. Данное разнообразие не во всех странах сочетается с мирной жизнью. Истории Африки известны страшные междоусобные гражданские войны внутри исламского мира, резня между мусульманами, христианами и язычни-

ками, на этом континенте активно действуют террористические организации, в частности нигерийский «Боко Харам», ИГИЛ (запрещенные в России террористические организации).

3. Некоторые государства Африки особо богаты природными ресурсами, при этом немало территорий еще недостаточно разведаны.

4. Наследием Африки является существование групп государств с разным общественно-политическим строем в период противостояния стран Запада и СССР. Наряду с государствами с ориентацией на капиталистический строй и рыночную экономику (Мадагаскар, Сомали, Уганда и др.) военные и государственные перевороты происходили под лозунгами социалистической ориентации (например, с провозглашением независимости Анголы в 1975 г. первым президентом страны становится лидер просоветской группировки МПЛА Агостиньо Нето). В Танзании президент Джулиус Ньерере провозгласил «социализм уджамаа» и без переворота. В этих странах принимались «национальные хартии» или иные документы о выборе социалистического пути развития в его особой разновидности. Руководители некоторых государств пытались создать революционно-демократические партии (Эфиопия, Танзания), проводили реформы (социальная программа Дж.М. Нимейри в Судане в 1969 г.), аналогичные реформам в социалистических государствах, особенно в СССР. В то же время на рубеже 1980–1990-х годов во многих странах Африки произошли новые перевороты, направленные в том числе против построения социализма. Постепенно каждое африканское государство выработало свой, по сути, гибридный общественно-политический и экономический уклад, отличающийся от других степенью стабильности.

5. Государства неоднородны в экономическом и социальном развитии. В настоящее время некоторые страны Африки находятся на низовом уровне развития с сильным влиянием патриархальных, а иногда и феодальных отношений (например, в составе Уганды есть пять автономных традиционных королевств - Буганда и др.). По индексу человеческого развития последние места занимают именно государства Африки: Южный Судан – 191-е место, Чад – 190-е, Нигер – 189-е место, ЦАР – 188-е, Бурунди – 187-е, Мали – 186-е, Мозамбик – 185-е место [Доклад..., 2022]. Напротив, Маврикий с очень высоким индексом развития (63-е место в мире и 1-е – среди стран Африки) достиг значительных успехов при переходе от аграрной экономики, зависимой от производства сахара, к экономике нового типа, ориентированной на сферу услуг [Кривоногов, 2014, с. 83–95]. В Маврикии достаточно высокий уровень здравоохранения. Это африканское государство участвует в решении глобальных проблем развития – является одним из первых 15 государств, ратифицировавших Парижское соглашение по климату, вступившее в силу 4 ноября 2015 г.

Государства Африки отличаются не только по уровню экономического развития, но и по его темпам. Так, высокий темп развития был характерен для Эфиопии – страны, которую многие международные эксперты уже сегодня называют «экономическим чудом Африки». Еще в 2000 г. Эфиопия была третьей беднейшей страной в мире, более 50% населения жило за чертой бедности (самый высокий уровень бедности в мире). Однако за период с 2000 по 2016 г. Эфиопия, по оценкам МВФ, по показателю доли ВВП на душу населения стала третьей в мире по темпам роста среди стран с населением 10 млн человек и более. К 2011 г. уровень бедности в Эфиопии упал до 31% [Искенде-

ров, 2019, с. 58]. По состоянию на 2021 г. ВВП Эфиопии (в текущих ценах) составил 99,3 млрд американских долларов. Рост ВВП – 6,3%. Быстрое развитие страны не обеспечено, однако, гарантиями стабильности. Согласно оценкам экспертов, Эфиопия имеет один из самых высоких экономических рисков в Африке из-за больших структурных дисбалансов: слабая позиция по внешней ликвидности, значительный внешний долг, высокая зависимость от грантовых доходов и других каналов внешнего финансирования для бюджетной поддержки, инфляционный риск со стороны предложения на внутреннем рынке [Боломатова, 2021, с. 5].

Современные перспективы экономического и социального развития африканских государств, новое позиционирование Африки на международной арене позволяют африканским государствам по-новому оценить возможности роста национального богатства и удовлетворения социальных потребностей населения и отдельных граждан. В то же время сами эти возможности различны. По мнению исследователей, развитие стран Африки похоже на «лоскутное одеяло», что подразумевает под собой сильное отличие между государствами, накапливающими необходимый потенциал для взлета, и другими, находящимися в стагнации и уповающими на помощь международного сообщества [Васильев, Корендясов, 2013].

Конституционные модели принципа социальной справедливости в странах Африки: классификация и особенности

Для африканских государств характерен интенсивный уровень конституционного развития, заключающийся в

постоянном обновлении конституций и их совершенствовании с целью установления эффективного конституционного строя, обеспечивающего социальную стабильность и поступательное развитие. Сам конституционный процесс обусловлен как внутренними, так и внешними факторами. Внешние факторы связаны с влиянием правовых систем бывших метрополий, других государств и иных видов воздействия извне (французская и Вестминстерская модели власти в бывших африканских колониях, широкое использование национальных конференций во франкофонской Африке и пр.). Ж. Блант, З. Элкинс и Т. Гинсбург специально останавливаются на особом виде конституции – оккупационной, то есть подготавливаемой и принимаемой под контролем иностранной власти [Blount, Elkins, Ginsburg, 2013, р. 31–65]. Такие конституции обычно принимаются с меньшим, если не с минимальным вовлечением общественности и народа. Многие конституционалисты полагают, что международное участие или вовлечение иностранных государств создает сдерживающие факторы для принятия конституции, соответствующей территориальным особенностям страны [Burnell, 2008, р. 10–24], что подтверждает практика принятия и дальнейшей реализации конституций Афганистана (2004 г.) и Ирака (2005 г.). В отличие от этих примеров, к современному конституционному процессу африканских государств, в котором задействованы международные организации и иностранные государства, как правило, обязательно подключаются внутренние политические и социальные силы, ответственные за обеспечение общей вовлеченности нации в будущий конституционный дизайн. Для адаптации конституции к реальным условиям развития некоторые государства при поддержке извне

прибегают к такому варианту, как принятие транзитного основного закона (например, переходная Конституция Судана 2005 г., временная Конституция Сомали 2012 г.). Можно в целом утверждать, что для африканских государств характерны конституции, подготовленные под влиянием как внешних, так и внутренних факторов. Однако стоит выделить страны, на которые со всей очевидностью оказывает влияние другая правовая культура, предопределяющая как тип конституционного строя, так и особенности регулирования принципа социальной справедливости. В этом контексте, в отличие от рассмотренной выше западной системы социальной справедливости, основанной на трех основных конституционных моделях (либерально-демократической, социалистической, гибридной), на Африканском континенте можно обозначить как минимум четыре модели социальной справедливости: либерально-демократического типа, социалистической ориентации, автократическую и гибридную (смешанную). Две последние модели конституций, особенно гибридная, в большей степени отражают национальную идентичность. При этом число государств с гибридной моделью неуклонно растет.

При либерально-демократическом подходе социальные цели, ценности и социальные права, определяющие содержание принципа справедливости, как правило, не получают системного закрепления в тексте конституции, они привязаны к принципам демократии и свободы и определяются постольку, поскольку защищаются эти главные идеи. В конституциях стран социалистической ориентации социальные цели и ценности более четко выражены, а социальные, экономические и культурные права регламентируются в конституциях так же системно, как и личные и политические права. В конститу-

циях автократических и гибридных государств социальные цели, ценности и права могут как подробно прописываться, так и содержаться точечно – всё зависит от конституционной культуры государства и политических предпочтений.

Наряду с определением социальных целей, ценностей и прав другой важный аспект реализации принципа социальной справедливости состоит в определении форм собственности на национальные блага и правил распределения от них доходов между гражданами государства. Для либерально-демократической модели характерно признание смешанной, то есть государственной (публичной) и частной, собственности на природные и другие стратегические национальные ресурсы, без определения принципов распределения доходов от них. Для государств социалистической ориентации характерно признание государственной (общенациональной) собственности, доходы от которой равномерно распределяются между гражданами страны. Что касается двух других моделей, автократической и гибридной, то в конституциях государств, избравших эти модели, встречаются оба подхода.

Рассмотрим далее более подробно конституционный дизайн принципа социальной справедливости на примере отдельных африканских государств.

Модель либерально-демократического типа, которая возникла под влиянием западных правовых культур и международно-правовых стандартов, присуща, к примеру, Конституции ЮАР 1996 г. Основной закон этой страны разрабатывался под влиянием конституций Германии и Бельгии как федеративных государств, внутри которых разделяются властные полномочия между федерацией и субъектами федерации. В духе либерально-демократических идей в Конституции ЮАР 1996 г.

делаются акценты на создание общества, основанного на демократических основах, социальной справедливости, человеческого достоинства, достижения равенства, а также на продвижение основных прав и свобод человека, улучшение уровня жизни и освобождение потенциала человека.

Конституция ЮАР не запрещает частную собственность на землю и другие природные ресурсы и регулирует эти отношения на основе принципа социальной справедливости лишь в части защиты прав собственников. В ст. 25 Конституции ЮАР отмечается, что никто не может быть произвольно лишен собственности, кроме как в соответствии с законом, экспроприация допускается только для общественных целей или интересов на основе равноправия со справедливым размером компенсации, отражающим баланс между общественными и частными интересами.

Вторая модель – страны с доминирующей социалистической характеристикой социального строя, которые практически прекратили свое существование в Африке на данном этапе. В то же время традиции социалистического строя сохранились в определенной мере у отдельных государств при регулировании социальных прав и отношений распределения национального богатства. К таким государствам в настоящее время относятся Ангола (Конституция 2010 г.), Алжир (Конституция 1996 г.), Эфиопия (Конституция 1995 г.) и ряд других стран. В отдельных главах конституций Анголы и Эфиопии подробно прописывается перечень социальных прав (на труд, образование, объединение в профсоюзы, защиту здоровья, создание достойных условий для малообеспеченных, защиту семьи, молодежи, детей и др.). Конституция Анголы детально определяет отношения государственной собствен-

ности на землю и природные ресурсы: земля – собственность государства; местные общины обладают доступом к земле; твердые, жидкие и газообразные природные ресурсы, существующие в почве и недрах, в территориальных водах, в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе, находящемся под юрисдикцией Анголы, являются собственностью государства, которое определяет условия концессий, изысканий и эксплуатации в соответствии с положениями Конституции, национального права и международного права (статьи 15 и 16).

Конституция Алжира в ст. 17 формулирует статус общественного имущества, или имущества народа, на недра, железнодорожный, морской и воздушный транспорт, лес, земли, почтовые ведомства, морские воды, минеральные богатства. В дополнение к этому допускается деление собственности на общественное и частное и устанавливается справедливая компенсация за экспроприацию собственности.

Аналогично странам социалистической ориентации практически исчезли в Африке и чисто авторитарные государства, они трансформировались в гибридные или находятся в процессе трансформации. Так, с 1977 по 2011 г. в Ливии действовал политический режим Каддафи «Джамахирия», сочетающий элементы авторитарности, либеральной демократии и социализма. Гибридизация строя наблюдается в Марокко (Конституция 2011 г.), Египте (Конституции 2012 и 2014 гг.), Тунисе (Конституция 2014 г.) и в ряде других ранее авторитарных государств.

Четвертая, самая распространенная сегодня гибридная модель принципа социальной справедливости наиболее ярко отражает национальную идентичность. Как показывает опыт конституционного развития, наиболее поздние конституции, то есть при-

нятые в XXI столетии, в большей степени склонны к гибридизации, что позволяет им успешнее отразить специфику правопонимания принципа социальной справедливости в стране, исходя из истории развития и современных приоритетов. Так, Конституция Руанды 2003 г. выстраивает модель социальной справедливости с выделением решения задач наиболее важных для государства гуманитарных и политических проблем, влияющих на социальное благополучие людей. В преамбуле осуждается геноцид, от которого пострадали люди этой страны, выражается надежда на примирение и процветание. Конституция отмечает, что Руанда должна придерживаться ряда основополагающих принципов, включая справедливое разделение власти и демократию.

Конституционная идентичность, предопределенная сильным и авторитетным государственным лидером, ярко выражена в преамбуле Конституции Центральноафриканской Республики (ЦАР) 2016 г. В ней отмечается, что суверенный народ Центральноафриканской Республики гордится своим национальным, языковым единством и этническим, культурным и религиозным разнообразием, которые способствуют обогащению личности, убежден в настоятельной необходимости сохранения национального единства, социальной сплоченности и мира, залогов экономического и социального прогресса, движим заботой о благополучии процветании и обеспечении человеку его достоинства в соответствии с принципом «ЗО КВЕ ЗО» (человек есть человек), провозглашенным отцом-основателем Центральноафриканской Республики Бартеlemi Богандой.

Особая любовь к Родине, национальным традициям и религиозным ценностям выражена в преамбуле Конституции Египта 2014 г.: «Во Имя Бога,

Самого Милостивого, Самого Милосердного. Это Наша Конституция. Египет – это дар Нила и дар египтян человечеству. Обладая уникальным местоположением и историей, арабская нация Египет является сердцем всего мира. Это место встречи цивилизаций и культур, а также перекресток морских перевозок и коммуникаций. Это окончательность Африки на Средиземном море и устье ее величайшей реки – Нила. Это Египет, бессмертная родина египтян и послание мира и любви всем народам... Это место, где они создали самые удивительные чудеса цивилизации и где их сердца смотрели на небеса еще до того, как земля узнала о трех богооткровенных религиях...».

Нигерия в своей Конституции 1999 г. (в ред. 2011 г.) значительное внимание уделяет справедливому равенству и интеграции этнических общин в условиях федеративного устройства (в частности, ст. 14–16). Согласно ст. 14 Конституции Нигерии состав правительства Федерации или любого из ее учреждений, а также ведение дел должны осуществляться таким образом, чтобы отражать федеративный характер Нигерии, содействуя национальному единству и гарантируя, что не будет преобладания лиц из нескольких штатов или из нескольких этнических или других секционных групп в правительстве или в любом из его учреждений. Аналогичным образом состав правительства штата, совета местного самоуправления или любого из учреждений такого правительства или совета, а также ведение дел должны обеспечивать разнообразие людей и развивать чувство лояльности среди всех жителей Федерации. В соответствии со ст. 15 Конституции Нигерии национальная интеграция должна активно поощряться, в то время как дискриминация по признаку места происхождения, пола, религии, статуса, этнической или

языковой ассоциации и связей должна быть запрещена.

Как правило, для государств с гибридной моделью характерно конституционное признание государственной (народной) собственности на природные ресурсы и одновременно в установленных пределах допускается частная собственность. Так, согласно ст. 13 Конституции Туниса 2014 г., природные ресурсы принадлежат народу Туниса. Государство реализует суверенитет над ними в интересах народа. Конституция Чада 1996 г. в ст. 57 определяет, что полный и постоянный суверенитет государства распространяется на все природные богатства и ресурсы, которые используются во благо всех граждан государств. В соответствии со ст. 16 Конституции Нигерии 1999 г. (в ред. 2011 г.) государство должно контролировать национальную экономику таким образом, чтобы обеспечить: максимальное благосостояние, свободу и счастье каждого гражданина на основе социальной справедливости и равенства статуса и возможностей; плановое и сбалансированное экономическое развитие таким образом, чтобы материальные ресурсы нации использовались и распределялись как можно лучше для общего блага и экономической система не допускала концентрации богатства или средств производства и обмена в руках небольшого числа граждан или группы лиц. В ст. 17 Конституции Нигерии подчеркивается, что эксплуатация человеческих или природных ресурсов в любой форме, не способствующей благу общества, должна быть предотвращена.

Эти и другие примеры свидетельствуют об общеафриканской тенденции доминирования модели общенационального распределения доходов от природных богатств, что позволяет отметить сходство не только с социалистической моделью социальной спра-

ведливости, но и с практикой авторитарных государств ближневосточного региона (Саудовской Аравии, ОАЭ, Катар, Омана и др.).

Обобщение в контексте общеафриканской идентичности конституционной практики регулирования принципа социальной справедливости в странах Африки позволяет отметить следующие совпадающие черты, характерные для конституционных моделей практически всех африканских государств:

- закрепление принципа социальной справедливости в преамбулах конституций как особой цели, ценности и идеи, обеспечивающей национальное единство, мир и развитие;
- закрепление принципа равенства всех перед законом;
- запрет рабства и принудительного труда;
- закрепление конституционной цели борьбы с бедностью и искоренения нищеты;
- признание семьи главной ценностью, основой государства и общества;
- закрепление принципа братства как основы отношений между социальными группами и племенами;
- формулирование конституционных целей противодействия племенному строю, клановости, трайбализму, семейственности как препятствиям на пути достижения справедливого социального строя;
- особое внимание к конституционному статусу и защите социальных прав и интересов молодежи и детей;
- гарантирование обязательного начального или среднего образования; доступных медицинских услуг, социальной защиты для нуждающихся категорий граждан;
- обеспечение государством права на труд, безопасных условий труда, справедливого вознаграждения за труд и других трудовых прав.

Отдельными государствами устанавливаются дополнительные конституционные требования к социальной справедливости, расставляются важные акценты с учетом потребностей государства, общества и человека.

В этом отношении интерес представляет ст. 53 Конституции Чада 1996 г., закрепляющая принцип сбалансированного и соразмерного справедливого участия: каждый гражданин участвует в государственных расходах, исходя из количества доходов и богатства. Конституция ЮАР детально формулирует принципы доступности к социальным правам, защиты благополучия. Обращает на себя внимание увязка социальных прав с экологией и благополучием человека (достаточное количество еды и воды, право на базовое питание и социальную безопасность). Конституция Туниса обуславливает реализацию принципа социальной справедливости действием принципов общего блага, беспристрастности, равенства и преемственности государственных услуг, а также прозрачности, целостности, эффективности и подотчетности публичной власти. Конституция Египта определяет взаимообусловленность и неразрывность реализации принципов социальной солидарности, социальной справедливости и достойной жизни: «...государство обязуется добиваться социальной справедливости, предоставляя средства для достижения социальной солидарности в целях обеспечения достойной жизни для всех граждан в порядке, установленном законом» (ст. 8).

В контексте обеспечения социальной справедливости интерес представляет закрепление в Конституции Анголы принципа самоустойчивого развития, целей улучшения показателей развития человеческого потенциала как гарантии достижения социальной справедливости. Наряду с общеизвест-

ными социальными правами человека отдельное внимание Конституция Анголы уделяет правам потребителей: потребители имеют право на качественные товары и услуги, информацию и разъяснения, гарантии на продукцию и защиту в отношении потребительских отношений, на защиту от производства и поставки товаров и услуг, наносящих вред здоровью и жизни, получение компенсации за любой понесенный ущерб. Речь идет в данном случае о социальной, продовольственной и экологической безопасности, рассматриваемых в единстве с принципом социальной справедливости.

Заключение

Проведенный сравнительно-правовой анализ конституций африканских государств на предмет регулирования принципа социальной справедливости позволяет выявить как общие черты, так и различия в конституционных моделях принципа социальной справедливости стран Африки. Условная классификация этих моделей на четыре группы: либерально-демократического типа, социалистической ориентации, автократическая и гибридная (смешанная) – постепенно теряет свою актуальность. В перспективе подавляющему большинству африканских государств будет присуща гибридная модель, сочетающая элементы либеральной демократии, социализма, автократии и тех особенностей общественно-политического и экономического строя страны, которые исходят из ее национальной идентичности и уникальности. Именно эта тенденция гибридизации со всей очевидностью обозначилась в настоящее время в практике конституционного развития африканских государств. В этих условиях интерес представляет вы-

явление общих и отличительных особенностей гибридных моделей социальной справедливости, поиск баланса между универсализацией и учетом национальной идентичности, обеспечивающий реализацию социальной справедливости в единстве с другой главной конституционной целью развития африканских государств – обеспечением национального единства, мира и безопасности, социальной солидарности, свободы и равноправия, достойной жизни и благополучия.

Список литературы

Александров Ю.В. Справедливость в системе ценностей российской правовой культуры / Диссертация ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Великий Новгород, 2003. – 131 с.

Аристотель. Политика. Метафизика. Аналитика. – Москва : Эксмо; Санкт-Петербург : Мидгард, 2008. – 958 с.

Боломатова К. Эфиопия. Обзор ВЭД. – Москва : Агроэкспорт, 2021. – 34 с. – URL: http://aemcx.ru/wp-content/uploads/2022/06/Обзор-ВЭД_Эфиопия.pdf?ysclid=la76gz1pna117734882 (дата обращения: 10.09.2022).

Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – Москва : ЗАО Юстицинформ, 2005. – 592 с.

Васильев А., Корендясов Е. Российско-африканские отношения через десять лет: новый старт. // РСМД. – 2013. – 22 мая. – URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-andcomments/analytics/rossiysko-afrikanskije-otnosheniya-cherezdesyat-let-novyy-st/> (дата обращения: 10.09.2022).

Дворкин Р. О правах всерьез. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 389 с.

Доклад о человеческом развитии 2021/2022. Резюме. Неопределенные времена, неустроенные жизни: формируя наше будущее в меняющемся мире. – Нью-Йорк : UNDP, 2022. – IX, 31 с. – URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22overviewrupdf.pdf> (дата обращения: 10.09.2022).

Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. – Москва : Норма, ИНФРА-М, 2011. – 720 с.

Иванова М.Г. Сходства и различия архетипов культур африканских стран и России (на примере философии Убунту) // Африка в контексте формирования новой системы международных отношений : сборник научных статей / под ред. А.М. Васильева, Д.А. Дегтерева, В.М. Кассае Ныгусие. – Москва : РУДН, 2019. – С. 104–119.

Искендеров П.А. Экономические отношения России и африканских стран: проблемы и перспективы // Африка в контексте формирования новой системы международных отношений : сборник научных статей / под ред. А.М. Васильева, Д.А. Дегтерева, В.М. Кассае Ныгусие. – Москва : РУДН, 2019. – С. 53–67.

Капто А.С. Мораль в моделях мироустройства. – Москва : Восток-Запад, 2011. – 260 с.

Кассае Ныгусие В.М., Забелла А.А. Военно-техническое сотрудничество КНР со странами Африки // Африка в контексте формирования новой системы международных отношений : сборник научных статей / под ред. А.М. Васильева, Д.А. Дегтерева, В.М. Кассае Ныгусие. – Москва : РУДН, 2019. – С. 136–146.

Кассае Ныгусие В.М., Сауляк В.Е. Этническая сегментация африканского общества в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2014. – № 1. – С. 36–40.

Козлов М.И. Социальная справедливость в контексте русской традиции. – Архангельск : Изд-во КИРА, 2010. – 201 с.

Кривоногов В.П. Об этническом, религиозном и языковом составе населения О. Маврикий // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2014. – № 4. – С. 83–95.

Нозик Р. Анархия, государство и утопия (перевод) // Реферативный журнал. Серия 3. Философия. – 1994. – № 4. – С. 149–230.

Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 731 с.

Роулз Д. Теория справедливости / пер. с англ., науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. – Москва : URSS, 2010. – 534 с.

Русак Н.А., Захаров А.Н., Дегтерев Д.А. Китайские инвестиции в энергетический сектор Африки// Африка в

контексте формирования новой системы международных отношений : сборник научных статей / под ред. А.М. Васильева, Д.А. Дегтерева, В.М. Кассае Ныгусие. – Москва : РУДН, 2019. – С. 147–157.

Тимчук Д.А. Диалогический аспект Африканского коммунитаризма в философии убунту // Социодинамика. – 2017. – № 9. – С. 113–122.

Blount J., Elkins Z., Ginsburg T. Does the Process of Constitution-Making Matter? // Comparative Constitutional Design / Ed. By T. Ginsburg. – Cambridge etc. : Cambridge University Press, 2013. – P. 31–65.

Burnell P. The Relationship of Accountable Governance and Constitutional Implementation, with Reference to Africa // Journal of Politics and Law. – 2008. – Vol. 1, N 3. – P. 10–24.

Ramose M. African Philosophy through Ubuntu. – Harare : Mond Books. 1999. – 208 p.

Law and Politics

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.05

Constitutional Models of the Principle of Social Justice in African Countries: Comparative Legal Analysis

Irina A. UMNOVA-KONIUKHOVA

DSc in Law, Professor, Senior Researcher

Department of Law in Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: ikonyukhova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6400-851X

CITATION: Umnova-Koniukhova I.A. (2022). Constitutional Models of the Principle of Social Justice in African Countries: Comparative Legal Analysis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 4, pp. 79–97 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.05

Received: 10.09.2022.

Revised: 08.11.2022.

ABSTRACT. Based on the comparative legal analysis of the constitutions of African states, the article analyzes the constitutional models of the principle of social justice. The genesis of the Western legal understanding of the principle of social justice, the peculiarities of its reflection in the African legal culture are considered.

Highlighting the Western tradition of the legal understanding of social justice, proceeding from the views of Plato and Aristotle, the author notes that its essence consists in the fair distribution of social benefits based on the achievement of equality. Modern Western legal understanding complements the ancient Greek tradition by considering the conditionality of the principle of social justice by economic and political systems, property relations, social rights and freedoms.

Comparative legal analysis of the constitutions of African states allows the author,

on the one hand, to discover similarities in the regulation of the principle of social justice, including under the influence of Western tradition, on the other hand, to see that the constitutions of these countries objectively differ in the degree and nature of taking into account national approaches. In this context, the general and special factors of the national identity of African states that influence the choice of a constitutional model of social justice are highlighted.

The article highlights at least four constitutional models of the principle of social justice on the African continent: liberal-democratic, of socialist orientation, autocratic and hybrid. The autocratic model and especially the hybrid one reflect national identity to a greater extent. At the same time, the number of states with a hybrid model is growing steadily. The article provides a detailed analysis of the constitutional models of the principle of social jus-

tice on the example of individual African states, examines the features of the constitutional consolidation of social goals and values, the regulation of social rights and relations on the distribution of income from national wealth.

It is concluded that the classification of constitutional models of the principle of social justice into four groups is gradually losing its relevance. In the future, a hybrid model will be inherent for all African States. The trend of hybridization has clearly emerged at the present time in the practice of constitutional development of African States.

KEYWORDS: principle of social justice, Western legal understanding, constitutional models, liberal democratic model, model of socialist orientation, autocratic model, hybrid model, African countries, national identity, social goals and values, social rights.

References

- Alexandrov Yu.V. (2003). *Justice in the system of values of the Russian legal culture*. Dissertation ... Candidate of Philos. Sciences: 24.00.01. Veliky Novgorod, 131 pp. (in Russian).
- Aristotle (2008). *Politics. Metaphysics. Analytics*. Moscow : Eksmo; St. Petersburg : Midgard, 958 pp. (in Russian).
- Blount J., Elkins Z., Ginsburg T. (2013). Does the Process of Constitution-Making Matter? In: Ginsburg T. (ed.). *Comparative Constitutional Design*. Cambridge etc. : Cambridge University Press, pp. 31–65.
- Bolomatova K. (2022). *Ethiopia. Overview of foreign economic activity*. Moscow : Agroexport, 34 pp. (in Russian). Available at: <http://aemcx.ru/wp-content/uploads/2022/06/>, accessed 10.09.2022.
- Bondar N.S. (2005). *Power and freedom on the scales of constitutional justice: protection of human rights by the Constitutional Court of the Russian Federation*. Moscow : CJSC Justicinform, 592 pp. (in Russian).
- Burnell P. (2008). The Relationship of Accountable Governance and Constitutional Implementation, with Reference to Africa. *Journal of Politics and Law*, vol. 1, no. 3, pp. 10–24.
- Doklad... (2022). *Human Development Report 2021/2022. Resume. Uncertain times, unsettled lives: shaping our future in a changing world*. New York, UNDP, ix, 31 pp. (in Russian). Available at: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22overviewrupdf.pdf>, accessed 10.09.2022.
- Dworkin R. (2004). *About the rights seriously*. Moscow : ROSSPAN, 389 pp. (in Russian).
- Iskenderov P.A. (2019). Economic relations of Russia and African countries: problems and prospects In: Vasiliev A.M., Degterev D.A., Kassae Nygusie V.M. (eds.). *Africa in the context of the formation of a new system of international relations: a collection of scientific articles*. Moscow : RUDN, pp. 53–67 (in Russian).
- Ivanova M.G. (2019). Similarities and differences between the archetypes of cultures of African countries and Russia (on the example of Ubuntu philosophy). In: Vasiliev A.M., Degterev D.A., Kassae Nygusie V.M. (eds.). *Africa in the context of the formation of a new system of international relations: a collection of scientific articles*. Moscow : RUDN, pp. 104–119 (in Russian).
- Kapto A.S. (2011). *Morality in models of the world order*. Moscow : East-West, 260 pp. (in Russian).
- Kassae Nygusie V.M., Saulyak V.E. (2014). Ethnic segmentation of African society at the beginning of the XXI century. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, no. 1, pp. 36–40 (in Russian).
- Kassae Nygusie V.M., Zabella A.A. (2019). Military-technical cooperation

of the PRC with African countries. In: Vasiliev A.M., Degterev D.A., Kassae Nygusie V.M. (eds.). *Africa in the context of the formation of a new system of international relations: a collection of scientific articles*. Moscow : RUDN, pp. 136–146 (in Russian).

Kozlov M.I. (2010). *Social justice in the context of the Russian tradition*. Arkhangel'sk : KIRA Publishing House, 201 pp. (in Russian).

Krивonogov V.P. (2014). About the ethnic, religious and linguistic composition of the population of the island of Mauritius. *Vostok. Afro-Asian Societies: History and Modernity*, no. 4, pp. 83–95 (in Russian).

Nozik R. (1944). Anarchy, the state and utopia (translation). *Abstract Journal. Series 3. Philosophy*, no. 4, pp. 149–230 (in Russian).

Plato (2007). *Essays in four volumes*. Vol. 3, part 1. Under the general editorship of A.F. Losev and V.F. Asmus. St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg University, 731 pp. (in Russian).

Ramose M. (1999). *African Philosophy through Ubuntu*. Harare : Mond Books, 208 pp.

Rawls D. (2010). *Theory of Justice*. Translated from English, ed. by V.V. Tselishchev. Moscow : URSS, 534 pp. (in Russian).

Rusak N.A., Zakharov A.N., Degterev D.A. (2019). Chinese investments in the energy sector of Africa. In: Vasiliev A.M., Degterev D.A., Kassae Nygusie V.M. (eds.). *Africa in the context of the formation of a new system of international relations: a collection of scientific articles*. Moscow : RUDN, pp. 147–157 (in Russian).

Timkuk D.A. (2017). Dialogical aspect of African communitarianism in the philosophy of Ubuntu. *Sociodynamics*, no. 9, pp. 113–122.

Vasiliev A., Korendyasov E. (2013). Russian-African relations in ten years: a new start. *RIAC*, May 22 (in Russian). Available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-andcomments/analytics/rossiysko-afrikanskieto-nosheniya-cherezdesyat-let-novyy-st/>, accessed 10.09.2022.

Zorkin V.D. (2011). *Constitutional and legal development of Russia*. Moscow : Norm, INFRA-M, 720 pp. (in Russian).

Сфера науки и высшего образования

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.06

Западная Африка: развитие научно-технического образования и проблемы внедрения новых технологий (на примерах Нигерии и Ганы)

Татьяна Сергеевна ДЕНИСОВА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Центром изучения стран Тропической Африки

Институт Африки РАН

ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001

E-mail: tsden@hotmail.com

ORCID 0000-0001-6321-3503

Сергей Валерьянович КОСТЕЛЯНЕЦ

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром социологических и политологических исследований

Институт Африки РАН

ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001

E-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com

ORCID 0000-0002-9983-9994

ЦИТИРОВАНИЕ: Денисова Т.С., Костелянец С.В. Западная Африка: развитие научно-технического образования и проблемы внедрения новых технологий (на примерах Нигерии и Ганы) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 4. С. 98–115.

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.06

Статья поступила в редакцию 27.04.2022.

Исправленный текст представлен 04.10.2022.

БЛАГОДАРНОСТИ/ФИНАНСИРОВАНИЕ: статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

АННОТАЦИЯ. *Нигерия и Гана – крупнейшие по численности населения и объему экономик страны Западной*

Африки – обладают мощным научно-техническим потенциалом, в силу множества причин объективно-

го и субъективного свойства не в полной мере реализованным. Между тем эти западноафриканские государства располагают огромными человеческими и природными ресурсами и занимают важное место в системе международных торгово-экономических связей не только в качестве крупных мировых экспортеров нефти, но и благодаря достаточно высокому (по африканским меркам) уровню промышленного развития. После состоявшегося в Сочи в октябре 2019 г. саммита Россия – Африка начался процесс расширения экономических контактов со странами Черного континента, и Нигерия и Гана становятся значимыми африканскими партнерами России. В этой связи особую актуальность приобретает формирование адекватного представления об уровне научно-технической подготовки западноафриканской рабочей силы и специалистов, способных использовать зарубежные ноу-хау и осуществлять собственные технические разработки, приближенные к африканским реалиям.

Целью данной работы является выявление степени адаптированности систем образования Нигерии и Ганы к потребностям этих стран в обеспечении промышленности, сферы ИКТ и научных учреждений квалифицированными кадрами, а также уровня и характера использования современных технологий. При написании статьи авторами использовались историко-системный и сравнительный методы анализа. В результате исследования были сделаны выводы о том, что недостаток финансирования и нехватка квалифицированных кадров, то есть проблемы, с решением которых нигерийская и ганская системы образования пока не справляются, остаются серьезными препятствиями на пути масштабного внедрения современных технологий. При этом наиболее «прак-

тический», приближенный к производству уклон имеют автономные специализированные институты, не связанные с образовательными учреждениями и ведущие научные разработки в отдельных отраслях хозяйства (рыболовство, энергетика, строительство, банковское дело, медицина и др.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Нигерия, Гана, образование, наука, инновации, ИКТ, технологические центры.

Одним из препятствий на пути превращения «африканского гиганта» – Нигерии (с численностью населения, превышающей 210 млн человек) – и второй по этому показателю страны Западной Африки – Ганы (32 млн человек) – в современные индустриальные государства является недостаточная адаптированность национальных систем образования, прежде всего их профессионально-технических сегментов, к современным условиям развития экономики. Следует отметить, что термины «техническое» и «профессиональное» применительно к образованию часто используются как синонимы, хотя, по крайней мере в нашем контексте, они имеют разное значение. Профессиональное образование предполагает овладение определенными знаниями и навыками для работы по конкретной специальности. Техническое образование представляет собой совокупность теоретических и практических знаний и навыков, которые предоставляют возможность освоившим их решать производственные, технические задачи. На самом деле техническое образование на практике объединяет оба вида подготовки путем включения базовых технических и научных знаний в программу обучения конкретным навыкам (подробнее см.: [Научно-технологический потенциал..., 2022, с. 97–98]).

В настоящее время ни Нигерия, ни Гана, в силу ряда причин объективного и субъективного свойства, не в состоянии в полной мере использовать свой мощный научно-технический потенциал. Хотя эти западноафриканские государства располагают огромными человеческими и природными ресурсами и за годы независимого развития (Нигерия – с 1960 г., Гана – с 1957 г.) достигли достаточно высокого (по африканским меркам) уровня индустриализации, чрезвычайно важной проблемой для них остается формирование необходимого контингента профессиональных рабочих, инженерных и научных кадров, способных использовать зарубежные и создавать собственные технологии, адаптированные к местным реалиям.

Более того, наблюдается заметное несоответствие между целями и задачами, сформулированными в многочисленных постколониальных планах и программах развития системы образования в целом и профессионально-технической подготовки в частности, и результатами их реализации, хотя все правительства независимых западноафриканских государств, по крайней мере на словах, придавали большое значение подготовке квалифицированных кадров для науки и производства. При этом доля бюджетных средств, выделяемых на образование, в Нигерии (в 2020 г. – 6,7%¹, или 2,32 млрд долларов) и Гане (в 2018 г. – 4%², или 556 млн долларов) намного ниже, чем во мно-

гих других африканских странах (для сравнения: в Кении – 23%, в ЮАР – 15%, в Египте – 11%³), хотя в абсолютном выражении – благодаря большим объемам национального бюджета (в Нигерии – 10,59 трлн найр, или 34,6 млрд долларов⁴, в Гане – 62 млрд седи, или 13,9 млрд долларов⁵) – суммы представляются весьма значительными. Проблемой же остается то, что около 90% средств идет на заработную плату, надбавки и социальные пособия преподавателей и лишь 10% – на приобретение оборудования и материалов [Taddese, 2020].

Между тем от характера и уровня реализации научно-технологического потенциала в значительной степени зависит развитие экономики, в том числе объем притока иностранных инвестиций, в которых Нигерия и Гана, как и другие развивающиеся страны, очень нуждаются.

Эволюции систем образования, с одной стороны, и научно-техническому потенциалу Нигерии и Ганы – с другой, был посвящен ряд исследований российских африканистов [Денисова, Гаврилова, 2019; Калинин, Новикова, 2019; Новикова, 2017; Страны Тропической Африки..., 2021; Рунов, 2012 и др.], однако комплексный анализ факторов взаимозависимости между характером образования и уровнем инновационного развития до сих пор не проводился, и данная статья нацелена на восполнение этого пробела.

1 Highlights/Breakdown of the 2020 Approved Budget // Presentation by Mrs. Zainab Shamsuna Ahmed, Honorable Minister of Finance, Federal Government of Nigeria. – 2019. – December 19. – URL: https://www.cabri-sbo.org/uploads/bia/Nigeria_2020_Approval_External_EnactedBudget_BudgetOffice_CEN-SADECOWAS_English.pdf (дата обращения: 29.09.2022).

2 Government Expenditure on education, total (% of GDP) // World Bank Group. – 2021. – September. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SE.XPD.TOTL.GD.ZS> (дата обращения: 29.09.2022).

3 Nigeria's disappointing investment in education // The Nation. – 2018. – March 1. – URL: <https://thenationonlineng.net/nigeria-disappointing-investment-education> (дата обращения: 29.09.2022).

4 Nigeria's Buhari approves record 2020 budget, on time for his first time // Reuters. – 2019. – December 17. – URL: <https://mobile.reuters.com/article/amp/idUSL8N28R4N4> (дата обращения: 29.09.2022).

5 Ghana proposes \$13.9 billion budget in 2018 // Premium Times. – 2017. – November 16. – URL: <https://www.premiumtimesng.com/foreign/west-africa-foreign/249554-ghana-proposes-13-9-billion-budget-2018.html> (дата обращения: 29.09.2022).

Реформы систем образования

Формирование политики в области современного, то есть не колониального и не традиционного, образования в обеих странах началось в 1970–1980-е годы. В Нигерии ее принципы были сформулированы во Втором национальном плане развития (1970–1974), в котором наряду с общими установками подчеркивалось значение всеобщего начального обучения. В свою очередь, первой программой, в которой особое внимание уделялось профессионально-технической подготовке, стала «Национальная политика в области образования» (НПОО), сформированная в 1981 г. В ней указывалось, что совершенствование системы образования как инструмента «эффективного национального развития» являлось прерогативой государства. Соответственно, были приняты меры по ее реорганизации, в рамках которой старая, всё еще сохранявшаяся британская модель (5 лет обучения, за которыми следовали 2 года специальной подготовки к поступлению в университет) была заменена системой американского типа, предполагавшей разделение периода обучения на 6 лет начальной школы, 3 года младших классов средней школы, 3 года старших классов и 4 года обучения в вузах.

Новая схема 6–3–3–4 делала, по мысли ее создателей, школу более практико-ориентированной, в частности с точки зрения решения проблемы безработицы. Если в младших классах средней школы академические предметы сочетались с обучением некоторым профессионально-техническим навыкам, то в старших классах на выбор предлагались как академические предметы, так и профессионально-технические. Кроме того, осуществлялась подготовка к преподавательской деятельности, в основном для работы

в начальной школе [Problems and Prospects..., 2022].

Однако главным в нашем контексте является то, что введение в начале 1980-х годов НПОО привело к созданию ряда технических колледжей, вузов и к внедрению программ соответствующего обучения в другие – не специализированные – образовательные учреждения среднего и высшего уровня.

В Гане новые программы, предусматривавшие преподавание предметов профессионально-технического профиля, были утверждены в 1974 г. В 1981 г. правивший Временный совет национальной обороны во главе с Джерри Ролингсом пересмотрел реформу образования 1974 г., чтобы сделать ее более приближенной к экономическим потребностям страны. Система образования, сохраняющаяся до сих пор и примерно аналогичная нигерийской, предполагает 6 лет обучения в начальной школе, 3 года неполной средней школы, 4 года старшей средней или профессионально-технической и 3–4 года высшей школы [Boateng, 2020]. Высшее образование в Гане представлено университетами (их 25), педагогическими колледжами и политехническими институтами.

В Нигерии, наряду с университетами, существуют три типа технических учебных заведений. Прежде всего, это институты, в которые молодые люди поступают сразу после окончания средней школы. Их выпускники получают сертификат о приобретении той или иной рабочей профессии (по сути, это среднее специальное образование). Второй тип представляет собой обучение в высших технических или педагогических колледжах, по окончании которых студентам выдается так называемый Национальный диплом (после двух лет учебы) или Высший национальный

диплом (после четырехлетнего курса). Вузы третьего типа – университеты, число которых в Нигерии достигает 170, – готовят бакалавров, магистров и докторов наук по различным, в том числе техническим, специальностям. Среди направлений подготовки представлены, как правило, агротехника, управление сельскохозяйственными ресурсами, бухгалтерия, маркетинг, строительство, электроника, механика, подготовка преподавателей по техническим предметам, промышленный менеджмент и др. [Okoye, Arimoni, 2016]. Преподавание на всех уровнях обучения ведется на английском языке, то есть нет «лингвистических» препятствий на пути освоения студентами технической литературы и соответствующих интернет-ресурсов.

Первый Национальный технический колледж учителей (позже – Федеральный образовательный технический колледж) был создан еще в 1967 г. в пригороде Лагоса. В настоящее время этот вуз предлагает следующие направления: сельскохозяйственные наука и образование, автомобильные технологии, биология / интегрированные науки, бизнес-образование, химия, компьютерное образование, физика и математика [Opара, 2017, р. 4].

В 1976 г. был создан Национальный совет по техническому образованию для контроля, координации и стандартизации учебных программ технологических колледжей. В 1980–1990-е годы ряд средних профессионально-технических учебных заведений (аналог российских ПТУ) был повышен в статусе до политехнических или технологических колледжей. Прежде всего это Ибаданский и Кадунский политехнический институты, Институт менеджмента и технологий в Энугу, Технологический колледж Ябы и др.

В 2010 г. правительство ввело Национальную политику в области вне-

дения в сферу образования информационных и коммуникационных технологий, пересмотренную в 2019 г. и нацеленную на приобщение – посредством обучения – граждан всех возрастов к использованию тех или иных форм ИКТ: мобильной связи, Интернета, онлайн-услуг и др.

Подготовка преподавателей для технических вузов состоит из двух частей: обучения для получения педагогических навыков и так называемого непрерывного профессионального обучения. И то и другое можно обрести как в Нигерии, так и за границей. На месте дешевле, но требует больших усилий из-за отвлекающих факторов, например необходимости зарабатывать, чтобы прокормить семью. Для получения образования за границей требуются крупные денежные средства, хотя в этом случае страна обретает специалистов в достаточно короткие сроки. Впрочем, далеко не всегда студентов удается вернуть домой. Но это не единственная проблема нигерийской системы образования, сталкивающейся с нехваткой финансов, кадров и пр.

Так, программы преподавания технических предметов обычно состоят из 70% теоретических и 30% лабораторных занятий. Именно поэтому относительно низкие темпы индустриализации и развития технологий в Нигерии в значительной степени объясняются неспособностью выпускников технических вузов использовать научные идеи на практике. Можно выделить ряд проблем, связанных с внедрением учебных планов в текущий учебный процесс, прежде всего то, что они основаны на зарубежных моделях, совершенствовавшихся при наличии необходимого персонала, оборудования и инфраструктуры, чем не располагают нигерийские вузы, испытывающие нехватку учебников по техническим предметам и программы которых пе-

регружены естественно-научными теориями и математикой в ущерб основам инженерии. Из-за неадекватной подготовки студентов некоторым работодателям приходится обеспечивать переквалификацию выпускников, чтобы они могли продуктивно работать на промышленных предприятиях.

Аналогичные проблемы, к которым добавляется еще больший, нежели в Нигерии, крен в сторону непропорционально завышенного числа студентов, приходящихся на одного преподавателя, имеют и ганские технические институты [Boateng, 2020].

В обеих странах наблюдается острая нехватка квалифицированных инструкторов на всех уровнях обучения в технологических колледжах. В результате на соответствующие должности назначаются не учителя-профессионалы, а инженеры и техники, не имеющие навыков обучения. Причем главной причиной сложившейся ситуации является даже не отсутствие в Нигерии и Гане квалифицированных кадров, а нежелание выпускников педагогических вузов с техническим уклоном работать в сфере образования из-за низкой оплаты труда. Подавляющее большинство их предпочитает работу в промышленных компаниях или открытие собственного дела. Проблемой остается и «утечка мозгов»: ежегодно около 500 научных работников и преподавателей нигерийских университетов эмигрируют в Европу, США и другие африканские страны: ЮАР, Намибию, Ботсвану и т. д., – где существуют оснащенные лаборатории и лучшие материальные условия [Oluwatusin, Daisi, 2020, p. 17].

В политехнических вузах нет педагогических факультетов, и формирование преподавательского состава зависит от университетов; но парадокс зачастую состоит в том, что выпускники университетов с техническими

специальностями не имеют педагогической подготовки, а педагогические вузы в недостаточном количестве готовят инструкторов-технологов. Условия приема в политехнический вуз для преподавательского состава предполагают обладание претендентом двумя дипломами о высшем образовании – техническом и педагогическом. Однако на практике – по финансовым, семейным и другим причинам – подобное сочетание встречается не столь часто и это звено образования заметно страдает. К тому же выпускники университетов не рассматривают преподавание в политехникуме как удачную карьеру и из-за низкой заработной платы, и из-за невысокого статуса по сравнению с положением университетского преподавателя, имеющего больше возможностей и для получения докторской степени, и для деловых поездок за границу. А уже остепененные преподаватели и вовсе рассматривают работу в техническом вузе как профессиональную «катастрофу».

Финансирование учебных заведений в Нигерии осуществляется федеральным правительством, властями штатов и частными лицами; в Гане распределением средств занимаются Министерство образования и Министерство развития рабочей силы. Между тем государственное финансирование в обеих странах никогда не было достаточным: оно сохранялось лишь на таком уровне, чтобы можно было указать на «заботу» руководства страны о развитии системы образования.

Одним из источников финансирования образования в Нигерии является так называемый Третичный целевой фонд (*Tertiary Trust Fund, TETFUND*), созданный в 2011 г. и выделяющий государственным вузам средства по формуле 2:1:1, в соответствии с которой университеты получают в 2 раза большее финансовое обеспечение, чем

политехнические и педагогические колледжи. В 2021 г. Фонд распределил 703,8 млн долларов⁶. Политехнические вузы постоянно выступают за увеличение их доли в капиталовложениях, так как больше, нежели другие учебные заведения, нуждаются в средствах на приобретение оборудования. Однако правительство, явно с большим пиететом относящееся к университетскому компоненту системы образования, пока не идет им навстречу [Oluwatusin, Daisi, 2020, p. 15].

Большая часть технических факультетов нигерийских и ганских университетов, а нередко и политехнические вузы не имеют лабораторий или мастерских – помещений, пригодных для использования специального, например физического или химического, оборудования с соблюдением техники безопасности. Материалы для экспериментов, если они вообще имеются, зачастую являются устаревшими и не соответствующими технологиям XXI в. Встречаются и другие парадоксы: например, в вузе есть компьютеры, но нет преподавателя, способного обучать обращению с ними, или наоборот. Поломка же техники, как правило, становится и вовсе неразрешимой проблемой.

В 2010-е годы лишь 40% нигерийских технических институтов имели лаборатории или мастерские для практического применения теоретических знаний. Но и вузы, располагавшие специальными помещениями для проведения экспериментов, не имели средств на ремонт, обновление оборудования и приобретение материалов, что затрудняло и исследования, и преподавание. Именно поэтому реализацией многих важных проектов, например в строительной отрасли, руководят

специалисты из промышленно развитых государств. Относительно низкие темпы индустриализации и технологического роста в Нигерии можно объяснить и неспособностью многих выпускников технических вузов эффективно использовать полученные знания для технологического обеспечения местного производства. В результате страна импортирует 90% того, что потребляет. Прежде всего это касается именно технологий, технических компонентов, машин и оборудования [Ukachi, Ejiko, 2018, p. 532].

В обеих странах сохраняется немало негативное отношение к техническому образованию по сравнению с гуманитарным. Лишь 30% выпускников школ поступают в технические колледжи или центры профессионально-технического обучения; в нигерийских университетах доля зачисленных на технические факультеты едва достигает 10% всех поступивших. Примерно такая же картина наблюдается и в Гане, несмотря на утвержденную правительством норму 60:40 в пользу инженерных профессий [Oviawe, 2017, p. 127].

Таким образом, с одной стороны, образуется дефицит квалифицированных кадров технического профиля, с другой – растет безработица среди выпускников гуманитарных факультетов. Среди причин низкого охвата техническим образованием – низкая самооценка «инженеров» по сравнению с их сверстниками – журналистами, юристами, врачами, политиками и т. д., а также отсутствие информации о возможностях карьерного роста в технической сфере.

Проблемами являются также нецелевое расходование и неадекватное распределение средств, хищения тех-

6 TETFund to Disburse N292.66 Billion to Beneficiary Institutions // Tertiary Education Trust Fund (TETFund). – 2021. – September 14. – URL: <https://tetfundserver.com/index.php/2021/09/14/tetfund-to-disburse-n292-66-billion-to-beneficiary-institutions> (дата обращения: 29.09.2022).

нических материалов, частые перебои в поставках электроэнергии, затрудняющие проведение необходимых опытов и тренинга, зависимость от иностранной финансовой и технической помощи. Использование современного оборудования и компьютерной техники в западноафриканских вузах возможно в основном благодаря поддержке «партнеров по развитию»: ЮНЕСКО, Всемирного банка, британского Департамента международного развития, ЮНИСЕФ и др., – а также частных ИТ-гигантов: *Oracle Academy*, *IBM*, *Microsoft* и *CISCO*, – более или менее активно сотрудничающих и спонсирующих африканские вузы [*Dele-Ajayi, Taddese*, 2020].

Образование и ИКТ

В 2001 г. при поддержке нескольких министерств в Нигерии была основана некоммерческая организация *SchoolNet*, нацеленная на внедрение ИКТ в учебный процесс на начальном и среднем уровнях образования. В свою очередь, частная компания *Zinox Technologies Ltd* при поддержке *Microsoft* занимается ИКТ-обеспечением образовательных учреждений от начального до университетского уровня, предоставляя им компьютеры по сниженным ценам⁷.

Некоторые университеты добились больших успехов в обучении студентов компьютерной грамотности. Так, Университет Обафеми Аволово в г. Иле-Ифе (штат Осун) располагает развитой системой ИКТ с собственным доступом к *VSAT (Very Small Aperture Terminal)*, терминал спутниковой связи

с антенной) и Интернету. В свою очередь, благодаря сотрудничеству с Африканским виртуальным университетом, созданным ВБ в 1997 г. и в 2003 г. превратившимся в автономное учреждение, и с благотворительным фондом *Carnegie Corporation* (США) уже в начале 2000-х годов Университет Джоса (штат Плато) разработал программу электронного обучения для нескольких факультетов, в том числе медицинского. Программа позволяет студентам проводить виртуальные вскрытия [*Ogunji*, 2013, р. 6].

В рамках созданного в 2002 г. Национального открытого университета Нигерии (НОУН), штаб-квартира которого находится в Лагосе, действуют 27 учебных центров, в задачи которых наряду с обучением компьютерной грамотности входит преподавание в электронном формате различных естественно-научных предметов (физики, математики, химии, биологии) и таких дисциплин, как «сельскохозяйственные науки», «организация здравоохранения», «библиотечное дело» и др.⁸ На платформе НОУН действует электронная библиотека, содержащая более 20 тыс. книг и учебников, а также более 100 тыс. статей, собранных в отдельные блоки по направлениям и выложенных в Интернете⁹.

Виртуальный институт педагогики для высшей школы (*The Virtual Institute for Higher Education Pedagogy*) является веб-сайтом, подписчики которого могут в формате онлайн обновлять свои знания и навыки в области преподавания технических предметов и компьютерной грамотности. Сайт пользуется большим успехом, так как элементарные знания в области ИКТ становятся

7 Zinox Technologies Limited. – URL: <https://www.facebook.com/zinoxtechnologies> (дата обращения: 29.09.2022).

8 National Open University of Nigeria. – URL: <https://nou.edu.ng/index.php/programmes> (дата обращения: 29.09.2022).

9 Library // National Open University of Nigeria. – URL: <https://nou.edu.ng/index.php/directorates/library> (дата обращения: 29.09.2022).

во многих нигерийских университетах обязательным условием для перехода студентов на следующий курс и для получения диплома об образовании выпускниками педагогических вузов [Saliu, 2020].

Национальная исследовательская и образовательная сеть (НИОС) – специализированный поставщик интернет-услуг, созданный для удовлетворения потребностей научного и образовательного сообществ Нигерии. НИОС нацелена на создание виртуальной сети, которая призвана объединить частные исследовательские и учебные центры для формирования единой образовательной платформы, к которой вузы смогут присоединяться по желанию и по мере готовности. Среди услуг НИОС – подключение к широкополосному кабелю, высокоскоростной доступ в Интернет через морской кабель, наращивание мощностей, проведение обучающих семинаров, электронная библиотека, предоставление приложений ИКТ, антивирусная защита и т. д. Главная проблема, с которой столкнулась НИОС в своей деятельности, – несогласованность учебных программ технологических вузов [Saliu, 2020].

В Гане внедрением ИКТ в учебный процесс занимаются созданный в 1992 г. Университет исследований развития и специальные департаменты Университета Ганы, Университета Кейп-Коста, Университета науки и технологий Кваме Нкрумы и др. Стратегический план развития образования на 2018–2030 гг. предусматривает внедрение ИКТ на всех уровнях обучения, в том числе дистанционного.

Научные исследования и инновации

Несмотря на многочисленные проблемы в области подготовки научно-технических кадров, новые технологии и ноу-хау постепенно внедряются в различных отраслях нигерийской и ганской экономик. Эти две страны – среди самых масштабных африканских рынков технологий. Крупные фирмы предоставляют ИТ-услуги в здравоохранении, сельском хозяйстве и банковской сфере, более мелкие создают платформы для электронной коммерции и др. Например, в Нигерии доля сектора ИКТ в ВВП выросла с менее чем 1% в 2001 г. до 10% в 2018 г.¹⁰ Главные проблемы, с которыми сталкиваются ИКТ-компании, – ограниченный доступ к кредитам и перебои с электро-снабжением, что вынуждает их приобретать генераторы.

Еще в 1970 г. в целях содействия научным исследованиям был создан Нигерийский совет науки и технологии, в 1971 г. для координации научных работ – Сельскохозяйственный научно-исследовательский совет, который в 1977 г. был заменен Национальным агентством развития науки и технологии. В их ведении находились 18 институтов сельскохозяйственного профиля. С медицинскими исследованиями, начало которым было положено еще в 1920-е годы, связано появление в 1973 г. Медицинского научно-исследовательского совета Нигерии, созданного в целях содействия развитию и координации научных работ в области медицины, а в 1977 г. – Научного института медицинских исследований.

¹⁰ Investors are backing a startup tackling Nigeria's blood delivery challenge // Quartz Africa. – 2018. – January 31. – URL: <https://qz.com/africa/1192712/nigerian-blood-delivery-startup-lifebank-funded-by-echo-vc-co-creation-hubs-growth-capital> (дата обращения: 29.09.2022).

В январе 1977 г. была создана Нигерийская академия наук¹¹, членами которой являются известные ученые, привлекаемые правительством в качестве экспертов. В свою очередь, на базе Национального агентства развития науки и техники в 1979 г. сформировалось Министерство науки и техники, в обязанности которого входят координация работы научно-исследовательских центров и университетов, обеспечение научных исследований в различных отраслях, содействие внедрению результатов научных исследований в производство. В 1987 г. был обнародован правительственный документ, касавшийся политики в области науки и техники, и создан Национальный фонд развития науки и техники для финансирования работ по линии НИОКР.

Научные исследования в Нигерии проводятся в различных государственных и частных учреждениях. Существуют государственные научно-исследовательские институты федерального значения и на уровне штатов, научные центры университетов, политехнических институтов, колледжей науки и технологии, административно-управленческие научные отделы министерств и ведомств, частные научно-исследовательские компании, добровольные организации, иностранные компании, осуществляющие в Нигерии научные исследования на базе международных организаций, фондов и т. д. Каждое из этих учреждений решает свои исследовательские задачи и зачастую преследует собственные интересы. Этим объясняется наличие в стране значительного количества крупных и мелких научных подразделений (от лабораторий

до институтов), не координирующих друг с другом свою работу.

В 2001 г. было создано Национальное агентство по развитию информационных технологий (НАРИТ), нацеленное на превращение Нигерии в ключевого игрока в информационном сообществе и на использование ИТ в качестве движущей силы устойчивого развития. Целями политики в области ИТ среди прочего стали участие нигерийцев в разработках программного обеспечения и новых технологий, местное производство соответствующих компонентов, развитие инфраструктуры ИТ, создание пула специалистов в этой области и т. д. [Ogunji, 2013, p. 3]. НАРИТ является информационным центром для всех ИТ-проектов и развития ИТ-инфраструктуры в стране.

Ведущими научными центрами Нигерии остаются университеты, в которых сосредоточена значительная часть научных работников и крупных ученых. Кроме университетских, действует множество специальных технологических центров (ТЦ), в задачи которых входят поощрение инновационной деятельности, создание условий для реализации исследовательских проектов, обеспечение связи между наукой и производством, а также внедрение зарубежных технологий в промышленную и коммерческую практику. По количеству ТЦ (85) Нигерия занимает второе место в Африке после ЮАР. Наибольшее их число сосредоточено в Лагосе (35), опередившем Кейптаун (26) и Найроби (25)¹². В столице страны Абудже расположены 13 ТЦ. Технологический центр – это одно здание или целый комплекс зданий, обычно расположенных в пригороде

11 В Африке существуют 28 академий наук: 27 национальных, в том числе Академия искусств и наук Ганы и Нигерийская академия наук, и одна всеафриканская. Сеть охватывает более 3 000 ученых.

12 Hundreds of jobs created as technology hubs hit 77 // The Guardian. – 2019. – June 5. – URL: <https://guardian.ng/business-services/hundreds-of-jobs-created-as-technology-hubs-hit-77> (дата обращения: 29.09.2022).

и нередко располагающих собственной инфраструктурой, прежде всего дорожной и энергетической. Вместе с ЮАР, Египтом, Кенией и Марокко Нигерия входит в пятерку африканских стран с наибольшим числом ТЦ.

Благодаря распространению ТЦ были созданы сотни новых рабочих мест. В одном лишь I квартале 2019 г. технологические стартапы привлекли 17,6 млн долларов инвестиций, что на 8,5% выше уровня, достигнутого в I квартале 2018 г.; почти 70% вложенных средств было предоставлено зарубежными фондами¹³. В следующие два года объем инвестиций сократился в связи с пандемией COVID-19 и перенаправлением средств прежде всего в сферу здравоохранения.

80% хабов действуют в частном секторе, поскольку правительство, хотя и обещало поощрять распространение ТЦ, пока уклоняется от финансовых вливаний в эту сферу. Впрочем, стартапы и не ждут от властей какой-либо помощи, кроме электроснабжения и обеспечения доступа к Интернету. Именно проблема доступа к электроэнергии остается главной «головной болью» для учредителей ТЦ.

Среди наиболее крупных нигерийских ТЦ следует указать *Co-Creation Hub (CcHub)*, *NG_HUB*, *The Nest*, *Impact Hub Lagos*, *VerveTree*, *DevsDistrict Hub*, *DSHub*, *AkureTechUp*, *Wennovation Hub*, *Innovation Growth Hub (IGHub)*, *ROAR Nigeria Hub*, *Focus Hub*, *GIG Innovation Hub*, *Start Innovation Hub*, *Civic Innovation Lab*, *nHub*, *Enspire Hub*, *Eko Innovation Hub* и *Vibranium Valley*. Большая их часть так или иначе связана с отраслью ИКТ: нигерийские бизнес-структуры в настоящее время широко используют *WhatsApp*, *Zoom*, *Skype* и другие мессенджеры для про-

ведения совещаний и видеоконференций. От таких программных продуктов, как *Google Docs*, *Microsoft Office* и других бизнес-приложений, в значительной степени зависит эффективность повседневной деятельности многих нигерийских предприятий. Что касается собственно нигерийских инноваций, то одной из отраслей экономики, в развитие которых местные технологи внесли весомый вклад, является сельское хозяйство. Так, нигерийским агротехникам удалось вывести новые породы скота, более приспособленные к сухому и жаркому климату, и наладить эффективную работу лабораторий по выявлению особенностей воздействия химических удобрений на различные виды почв [Гаврилова, 2019].

Современные технологии проникли и в банковский сектор. ИТ и электронный банкинг (ЭБ) стали главными движущими силами роста конкурентоспособности нигерийской экономики и повышения эффективности государственных и частных финансовых учреждений. ЭБ превратился в распространенный и наиболее предпочтительный для клиентов способ осуществления денежных транзакций, платежей, клиринговых услуг и т. д. ИТ изменили практику ведения бизнеса, для которого стало обычным делом иметь собственный веб-сайт и мобильные приложения как средства для рекламы и улучшения качества оказания услуг. Многие компании располагают страницами в социальных сетях (*Facebook*, *Twitter*, *Instagram*), благодаря которым они взаимодействуют с широкой общественностью. Из реализованных нигерийскими ТЦ инноваций можно назвать бухгалтерские программы и местный Интернет вещей (*Internet of Things, IoT*) [Ekeshili, 2021].

13 Hundreds of jobs created as technology hubs hit 77 // The Guardian. – 2019. – June 5. – URL: <https://guardian.ng/business-services/hundreds-of-jobs-created-as-technology-hubs-hit-77> (дата обращения: 29.09.2022).

В Нигерии уже есть компании, специализирующиеся на 3D-печати. Например, *Cadworks Nig. Ltd* (Лагос) занимается различными техническими разработками, продажей и ремонтом 3D-принтеров и обучением инженерному проектированию. Компания выполняет проекты для таких нефтяных гигантов, действующих на территории страны, как *Chevron Nigeria Limited* и *Mobil Nigeria Limited*, проводит тематические презентации и выставки. *Cadworks Nig. Ltd* уделяет много внимания обучению молодежи: силами фирмы организуются летние лагеря для подростков, которых обучают ИТ-технологиям, в том числе 3D-печати. Компания стала популярной в инженерных кругах прежде всего благодаря своим связям с аддитивным производством¹⁴.

В свою очередь, более «практический», приближенный к производству уклон имеют автономные специализированные институты, не связанные с университетами и проводящие исследования в разных областях хозяйства (рыболовство, промышленность, энергетика, строительство, социально-экономическая и медицинская сферы). Подавляющее их число сосредоточено на проблемах сельского хозяйства. С колониальных времен сохранились (правда, в преобразованном виде) Национальный научно-исследовательский институт злаковых культур в г. Бида, Институт сельскохозяйственных исследований в г. Зариа, Национальный ветеринарный научно-исследовательский институт в г. Вом, Национальный научно-исследовательский институт животноводства в г. Зариа, Нигерийский научно-исследователь-

ский институт какао в г. Ибадан, Нигерийский институт масличной пальмы в г. Бенин-Сити и др.

Пригород Лагоса Яба стал центром научных исследований Нигерии благодаря концентрации в нем большого числа технологических компаний. Это объясняется прежде всего тем, что главный оптоволоконный кабель для Лагоса проходит под главной улицей пригорода. Кроме того, в Ябе расположены три крупнейших нигерийских вуза: Лагосский университет, технологический колледж Ябы и педагогический колледж Акого, – а также первый в стране частный технологический центр *Co-Creation Hub* (*CcHub*), партнерами которого являются *Facebook* и *Google*. Число стартапов в Ябе выросло с 10 в 2013 г. примерно до 100 к концу 2010-х годов. Здесь же размещаются цифровые лаборатории для банков *First Bank of Nigeria Ltd.* и *Stanbic IBTC*¹⁵. Компании в основном предоставляют услуги по разработке программного обеспечения и создания веб-сайтов и приложений.

В 2010-е годы технологические фирмы были созданы в секторах энергетики, сельского хозяйства, банковского дела, транспорта, логистики, здравоохранения и др. В свою очередь, система образования предоставила в этой сфере место для стартапов (*edutech*), благодаря которым обучение становится более доступным и эффективным. Стартапы в области финансовых технологий (*fintech*) создают возможности для обслуживания той части населения, которая не имеет доступа к традиционным финансовым услугам. Сельскохозяйственные стартапы (*agritech*) решают проблемы утилизации пищевых от-

14 Kwaze's Posts // Nairaland Forum. – URL: <https://www.nairaland.com/kwaze/posts> (дата обращения: 29.09.2022).

15 Africa's Technology Hub Rises in a Congested Lagos Neighborhood // Bloomberg. – 2019. – June 11. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-06-11/africa-s-technology-hub-rises-in-a-congested-lagos-neighborhood> (дата обращения: 29.09.2022).

ходов и доставки продукции от фермеров конечным потребителям наиболее эффективными способами (подробнее см.: [Калиниченко, Новикова, 2019]).

В Гане научные разработки осуществляются в основном на базе технологических университетов и факультетов: Университета Ганы (УГ), Университета исследований развития, Университета профессиональных исследований (УПИ), Горно-технологического университета, Университета здравоохранения и смежных наук, Университета коммуникационных технологий, Университета науки и технологии Кваме Нкрумы (УНТКН) и др. В 2010 г. в рамках УГ (Легон) было создано Управление по исследованиям, инновациям и разработкам, а в УПИ (Аккра) учрежден специальный Исследовательский фонд с начальным капиталом примерно в 1 млн долларов, однако деятельность этих организаций остается неэффективной из-за отсутствия связи между наукой и производством. Более того, даже в УНТКН большая часть студентов изучает гуманитарные предметы, а не технические.

Между тем средства, выделявшиеся в середине 2010-х годов на исследования в ключевых вузах, достигали 20% их бюджетов, при этом большая часть разработок спонсировалась донорами. Например, отдел дистанционного зондирования поверхности Земли в УГ был создан при поддержке Программы развития ООН (ПРООН) и Датского агентства международного развития; Институт медицинских исследований в том же университете – при содействии Японского агентства международного сотрудничества.

Многие исследования, проводимые в государственных университетах,

осуществляются по заказу организаций-спонсоров и являются частью программ международного сотрудничества. Это относится, например, к комплексным исследованиям развития сельских районов, молочного и мясного скотоводства (УНТКН), разработок в области тропической медицины (Научный центр Кумаси) и др. В свою очередь, государство финансирует проведение исследований в Западноафриканском центре улучшения урожаев (селекция растений), Западноафриканском центре клеточной биологии инфекционных патогенов (оба при УГ) и в Региональном центре передового опыта в области водоснабжения и санитарии при УНТКН. В 2018 г. в Гане был создан Научный центр искусственного интеллекта¹⁶. Однако количество научных разработок – возможно, из-за сравнительно небольшого числа университетов и технических вузов – в Гане по сравнению с Нигерией ничтожно мало, практически равно нулю.

Заключение

В Африке насчитывается около 700 тыс. технических специалистов-разработчиков в сфере ИТ, из них почти 50% сконцентрированы в Египте, Кении, Марокко, ЮАР и Нигерии. Университеты готовят 33% ИТ-специалистов, более 30% являются самозанятыми, более 20% – «выпускники» онлайн-курсов, около 16% проходят обучение на рабочем месте¹⁷.

Наш анализ показывает, что расширение и совершенствование среднего и высшего специального технического образования может способствовать более быстрому внедрению совре-

16 Ghana Science Association. – URL: <https://www.ghanascience.org.gh> (дата обращения: 27.09.2022).

17 e-Conomy Africa 2020 // Google and IFC. – P. 38. – URL: <https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/e358c23f-afe3-49c5-a509-034257688580/e-Conomy-Africa-2020.pdf?MOD=AJPERES&CVID=nmuGYF2> (дата обращения: 29.09.2022).

менных технологий, а также повысить уровень экономического развития, однако постоянное совершенствование мировых технологий ведет к отставанию в приобретении техническими вузами необходимого оборудования для осуществления учебного процесса.

Нигерийский и ганский технологические секторы всё еще сталкиваются со множеством рисков: инвесторы не стремятся вкладывать средства в экономики стран, отличающихся высоким уровнем коррупции. Техническая подготовка и, соответственно, научная сфера в этих государствах страдают от нехватки соответствующих вузов, отсутствия средств, необходимых материалов, оборудования, преподавателей и ученых, трудностей карьерного роста и низкого качества обучения.

В то же время сфера ИТ – в отличие от промышленности, нуждающейся в масштабной модернизации, – переживает в обеих странах настоящий бум, хотя, несмотря на существование нескольких крупных технологических фирм, большинство компаний в этой отрасли всё еще довольно малы: число занятых в них едва достигает 10. Представляется, что наиболее серьезным препятствием на пути развития и внедрения современных технологий в Нигерии и Гане остаются недостаточно высокий уровень подготовки технологов и, соответственно, нехватка квалифицированных кадров, – то есть проблемы, с решением которых национальные системы образования пока не справляются.

Список литературы

Гаврилова Н.Г. Нигерия: современное состояние сельского хозяйства и аграрная политика // Сельское хозяйство в странах Африки южнее Сахары:

достижения, проблемы, перспективы : сб. ст. / отв. ред. А.И. Элез. – Москва : ИАФР РАН, 2019. – С. 9–31.

Денисова Т.С., Гаврилова Н.Г. Цифровая экономика Нигерии // Экономика Африки в эпоху глобальной технологической революции : сб. ст. / отв. ред. Е.В. Морозенская. – Москва : ИАФР РАН, 2019. – С. 147–178.

Калиниченко Л.Н., Новикова З.С. Нигерия: курс на инновации // Азия и Африка сегодня. – 2019. – № 11. – С. 29–35. – DOI: 10.31857/S032150750007019-2.

Научно-технологический потенциал современной Африки / отв. ред. Е.В. Морозенская. – Москва : ИАФР РАН, 2022. – 278 с.

Новикова З.С. Гана: развитие инновационных технологий в области информатики и телекоммуникаций // Гана: 60 лет независимости : сб. ст. / отв. ред. Т.С. Денисова. – Москва : ИАФР РАН, 2017. – С. 172–181.

Рунов Б.Б. Промышленно-финансовый, трудовой и научно-технический потенциал стран Африки южнее Сахары // Ученые записки Института Африки РАН. – 2012. – № 30. – С. 7–33.

Страны Тропической Африки: 60 лет политического и экономического развития / отв. ред. Т.С. Денисова. – Москва : ИАФР РАН, 2021. – 388 с.

Boateng A. Ready to Learn: Ghana, a Frontrunner for Universal Pre-Primary Education / Global Partnership for Education. – 2020. – URL: <https://www.global-partnership.org/blog/ready-learn-ghana-frontrunner-universal-pre-primary-education> (дата обращения: 29.09.2022).

Dele-Ajayi O., Taddese A. EdTech in Nigeria: A Rapid Scan // EdTech Hub Country Scan. – 2020. – DOI: 10.5281/zenodo.3911651.

Ekeshili A.B. Technological Innovation and its Impact on Business Activity in Nigeria // Управление организационно-экономическими системами : сборник трудов научного семинара студентов

и аспирантов Института экономики и управления / под общ. ред. Д.Ю. Иванова. – Самара : Издательство Самарского университета, 2021. – С. 14–17. – URL: <http://repo.ssau.ru/handle/Upravlenie-organizacionnoekonomicheskimi-sistemami/TECHNOLOGICAL-INNOVATION-AND-ITS-IMPACT-ON-BUSINESS-ACTIVITY-IN-NIGERIA-86917> (дата обращения: 29.09.2022).

Ogunji J.O. Education and Information Communication Technology (ICT) in Nigerian Educational System: the Journey so far // Journal of Qualitative Education. – 2013. – Vol. 9, N 3. – P. 1–14. – URL: <https://globalacademicgroup.com/journals/qualitative%20education/Johnny3.pdf> (дата обращения: 29.09.2022).

Okoye R., Arimonu M.O. Technical and Vocational Education in Nigeria: Issues, Challenges and a Way Forward // Journal of Education and Practice. – 2016. – Vol. 7, N 3. – P. 113–118. – URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1089786.pdf> (дата обращения: 29.09.2022).

Oluwatusin A.O., Daisi S.A. Polytechnic Education and Poverty Reduction in Nigeria: Challenges & Prospects // Journal of Research in Humanities and Social Science. – 2020. – Vol. 8, N 1. – P. 12–17. – URL: <https://questjournals.org/jrhss/papers/vol8-issue1/C08011217.pdf> (дата обращения: 29.09.2022).

Opara M.C. Innovative Trends in Nigerian Vocational and Technical Education in a Comatose Economy // Journal of Teacher Perspective. – 2017. – Vol. 12,

N 2. – P. 1–12. – URL: <http://assottin.org/wp-content/uploads/2019/03/INNOVATIVE-TRENDS-IN-NIGERIAN-VOCATIONAL-AND-TECHNICAL-EDUCATION-IN-A-COMATOES-ECONOMY.pdf> (дата обращения: 29.09.2022).

Oviawe J.I. Fostering Students' Enrolment in Technical Education Programmes Through Career Guidance and Occupational Awareness // Education Journal. – 2017. – Vol. 6, N 4. – P. 125–132. – DOI: 10.11648/j.edu.20170604.11.

Problems and Prospects of Primary Education in Nigeria / InfoGuide Nigeria. – 2022. – URL: <https://infoguide-nigeria.com/problems-prospects-primary-education-nigeria> (дата обращения: 29.09.2022).

Saliu A.D. Issues and Concerns in the Use of System Wide Accreditation as the Major Quality Control Mechanism in Nigerian Universities // International Journal of Humanities Social Sciences and Education. – 2020. – Vol. 7, N 1. – P. 42–48. – DOI: 10.20431/2349-0381.0701005.

Taddese A. EdTech in Ghana: A Rapid Scan // EdTech Hub Country Scan. – 2020. – DOI: 10.5281/zenodo.3830951.

Ukachi P.A., Ejiko S.O. Importance of Vocational Technical Education in Present Day Nigeria Economy // Global Scientific Journals. – 2018. – Vol. 6, N 8. – P. 530–534. – URL: <https://www.globalscientificjournal.com/researchpaper/IMPORTANCE-OF-VOCATIONAL-TECHNICAL-EDUCATION-IN-PRESENT-DAY-NIGERIA-ECONOMY.pdf> (дата обращения: 29.09.2022).

Science and Higher Education

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.06

West Africa: Development of Scientific and Technical Education and Challenges of Introducing New Technologies (on the Examples of Nigeria and Ghana)

Tatyana S. DENISOVA

PhD in History, Leading Researcher, Head of the Centre for Tropical Africa Studies
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001
E-mail: tsden@hotmail.com
ORCID 0000-0001-6321-3503

Sergey V. KOSTELYANETS

PhD in Political Science, Leading Researcher, Head of the Centre for Sociological and Political Science Studies
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001
E-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com
ORCID 0000-0002-9983-9994

CITATION: Denisova T.S., Kostelyanets S.V. (2022). West Africa: Development of Scientific and Technical Education and Challenges of Introducing New Technologies (on the Examples of Nigeria and Ghana). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 4, pp. 98–115 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.04.06

Received: 27.04.2022.

Revised: 04.10.2022.

ACKNOWLEDGEMENTS: The article was prepared within the project “Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation” (No. 075-15-2020-783), supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development.

ABSTRACT. *Nigeria and Ghana, some of the largest countries in Africa in terms of population and GDP, possess considerable scientific and technological potential, which, due to many objective and subjective rea-*

sons, has not been fully realized. Yet these West African states have enormous human and natural resources and occupy an important place in the system of international trade and economic relations, not only as

major oil exporters, but also due to a fairly high (by African standards) level of industrial development. After the Russia-Africa summit, which was held in Sochi in October 2019, the process of expanding economic contacts with African countries has intensified, and Nigeria and Ghana are becoming important partners of the Russian Federation. In this connection, an adequate assessment of the scientific and technical level of West African labor force and specialists able to utilize foreign know-how and develop own technical solutions adapted to African realities is of particular relevance.

The purpose of the present paper is to identify the degree of adaptation of the educational systems of Nigeria and Ghana to the needs of these countries in providing industry, the ICT sector, and scientific institutions with qualified personnel, as well as the level and nature of the application of modern technologies. To achieve this the authors employed the historical-systemic and comparative methods of analysis. In the paper it has been argued that the lack of funding and the lack of qualified personnel, i.e. the problems that the Nigerian and Ghanaian education systems have not yet dealt with, remain serious obstacles to the large-scale introduction of modern technologies. At the same time, autonomous specialized institutes that are not associated with educational institutions and which conduct research in specific sectors of the economy (e.g. fishing, energy, construction, banking, medicine) are better integrated with producers and thus generate most practical results.

KEYWORDS: Nigeria, Ghana, education, science, innovation, ICT, technology centers.

References

- Boateng A. (2020). *Ready to Learn: Ghana, a Frontrunner for Universal Pre-Primary Education*, Global Partnership for Education. Available at: <https://www.globalpartnership.org/blog/ready-learn-ghana-frontrunner-universal-pre-primary-education>, accessed 29.09.2022.
- Dele-Ajayi O., Taddese A. (2020). *EdTech in Nigeria: A Rapid Scan*. EdTech Hub Country Scan. Available at: <https://doi.org/10.5281/zenodo.3911651>, accessed 29.09.2022.
- Denisova T.S., Gavrilova N.G. (2019). Digital economy of Nigeria. In: Morozenskaya E.V. (ed.) *Economy of Africa in the Era of Global Technological Revolution*, Moscow : Institute for African Studies of the RAS, pp. 147–178 (in Russian).
- Ekeshili A.B. (2021). Technological Innovation and its Impact on Business Activity in Nigeria. In: Ivanov D.Yu. (ed.) *Management of Organizational and Economic Systems: a Collection of Proceedings of a Scientific Seminar of Undergraduate and Graduate Students of the Institute of Economics and Management*, Samara : Izdatel'stvo Samarskogo Universiteta, pp. 14–17 (in Russian). Available at: <http://repo.ssau.ru/handle/Upravlennie-organizacionnoekonomicheskimi-sistemami/TECHNOLOGICAL-INNOVATION-AND-ITS-IMPACT-ON-BUSINESS-ACTIVITY-IN-NIGERIA-86917>, accessed 29.09.2022.
- Gavrilova N.G. (2019). Nigeria: the Current State of Agriculture and Agricultural Policy. In: Elez A.Y. (ed.) *Agriculture in Sub-Saharan Africa: Achievements, Problems, Prospects*, Moscow : Institute for African Studies of the RAS, pp. 9–31 (in Russian).
- Kalinichenko L.N., Novikova Z.S. (2019). Nigeria: Heading for Innovation. *Asia and Africa Today*, no. 11, pp. 29–35 (in Russian). Available at: <https://doi.org/10.31857/S032150750007019-2>, accessed 29.09.2022.
- Nauchno-tehnologicheskij potencial... (2022). Morozenskaya E.V. (ed.). *Scientific*

and technological potential of modern Africa, Moscow: Institute for African Studies of the RAS, 278 pp. (in Russian).

Novikova Z.S. (2017). Ghana: Development of Innovative Technologies in the Field of Information and Telecommunications. In: Denisova T.S. (ed.) *Ghana: 60 Years of Independence*, Moscow : Institute for African Studies of the RAS, pp. 172–181 (in Russian).

Ogunji J.O. (2013). Education and Information Communication Technology (ICT) in Nigerian Educational System: the Journey so far. *Journal of Qualitative Education*, vol. 9, no. 3, pp. 1–14. Available at: <https://globalacademicgroup.com/journals/qualitative%20education/Johnny3.pdf>, accessed 29.09.2022.

Okoye R., Arimonu M.O. (2016). Technical and Vocational Education in Nigeria: Issues, Challenges and a Way Forward. *Journal of Education and Practice*, vol. 7, no. 3, pp. 113–118. Available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1089786.pdf>, accessed 29.09.2022.

Oluwatusin A.O., Daisi S.A. (2020). Polytechnic Education and Poverty Reduction in Nigeria: Challenges & Prospects. *Journal of Research in Humanities and Social Science*, vol. 8, no. 1, pp. 12–17. Available at: <https://questjournals.org/jrhss/papers/vol8-issue1/C08011217.pdf>, accessed 29.09.2022.

Opara M.C. (2017). Innovative Trends in Nigerian Vocational and Technical Education in a Comatose Economy. *Journal of Teacher Perspective*, vol. 12, no. 2, pp. 1–12. Available at: <http://assottin.org/wp-content/uploads/2019/03/INNOVATIVE-TRENDS-IN-NIGERIAN-VOCATIONAL-AND-TECHNICAL-EDUCATION-IN-A-COMATOES-ECONOMY.pdf>, accessed 29.09.2022.

Oviawe J.I. (2017). Fostering Students' Enrolment in Technical Education Programmes Through Career Guidance and Occupational Awareness. *Education Journal*, vol. 6, no. 4, pp. 125–132. Available at: <https://doi.org/10.11648/j.edu.20170604.11>, accessed 29.09.2022.

Problems and Prospects of Primary Education in Nigeria (2022). InfoGuide Nigeria. Available at: <https://infoguidenigeria.com/problems-prospects-primary-education-nigeria>, accessed 29.09.2022.

Runov B.B. (2012). Industrial, Financial, Labor, Scientific and Technical Potential of Sub-Saharan Africa. *Journal of the Institute for African Studies*, no. 30, pp. 7–33 (in Russian).

Saliu A.D. (2020). Issues and Concerns in the Use of System Wide Accreditation as the Major Quality Control Mechanism in Nigerian Universities. *International Journal of Humanities Social Sciences and Education*, vol. 7, no. 1, pp. 42–48. DOI: 10.20431/2349-0381.0701005.

Strany Tropicheskoy Afriki... (2021). Denisova T.S. (ed.). *Countries of Tropical Africa: 60 years of Political and Economic Development*, Moscow : Institute for African Studies of the RAS, 388 pp. (in Russian).

Taddese A. (2020). *EdTech in Ghana: A Rapid Scan*, EdTech Hub Country Scan. DOI: 10.5281/zenodo.3830951.

Ukachi P.A., Ejiko S.O. (2018). Importance of Vocational Technical Education in Present Day Nigeria Economy. *Global Scientific Journals*, vol. 6, no. 8, pp. 530–534. Available at: <https://www.globalscientificjournal.com/researchpaper/IMPORTANCE-OF-VOCATIONAL-TECHNICAL-EDUCATION-IN-PRESENT-DAY-NIGERIA-ECONOMY.pdf>, accessed 29.09.2022.

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.07

Поворот на Юг: аналитические центры Африки как потенциальные партнеры исследовательских центров стран ЕАЭС

Максим Владимирович ВИЛИСОВ

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник

Центра междисциплинарных исследований

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418;

старший научный сотрудник Центра евроатлантической безопасности

Институт международных исследований МГИМО (Университет) МИД России,
проспект Вернадского, д. 76, Москва, Российская Федерация, 119454

Email: vilisov@centero.ru

ORCID: 0000-0002-6634-3829

ЦИТИРОВАНИЕ: Вилисов М.В. Поворот на Юг: аналитические центры Африки как потенциальные партнеры исследовательских центров стран ЕАЭС //

Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15.

№ 4. С. 116–136.

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.07

Статья поступила в редакцию 16.11.2022.

Исправленный текст представлен 28.11.2022.

АННОТАЦИЯ. *Статья содержит обзор ведущих аналитических центров стран Африки на основе международных баз данных: Индекса аналитических центров 2020 года (Пенсильванский университет) и Открытой директории аналитических центров (Open Think Tank Directory) – с элементами сравнительного анализа аналитических центров стран ЕАЭС. Определяются особенности международного оценивания африканских аналитических центров, специфика их формирования и развития, а также влияния на общественно-политические процессы в своих странах, дается краткая характеристика их деятельности и определяются возможные направления и способы сотрудничества с ними для аналитических центров из Рос-*

сии и других стран ЕАЭС в условиях необходимости активизации многостороннего сотрудничества со странами Африки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *аналитический центр, мозговой центр, Африка, ЮАР, Египет, ЕАЭС.*

Введение

Ухудшение отношений России с США и странами ЕС на фоне украинского кризиса в очередной раз остро поставило вопрос о «повороте на Восток», или Глобальный Юг, к странам, которые в сложившихся условиях готовы сохранять нейтралитет и поддерживать отношения с Россией. Парадок-

сально, но в сфере политики и экономики такой поворот сделать даже проще, чем, например, в сфере культуры и науки, которые всегда в России были европоцентричными. В качестве первой навигации для такого разворота предлагается определить общий ландшафт интеллектуального и научно-экспертного сообщества «незападных» стран, актуальную повестку и точки соприкосновения. К «незападным» странам в данном случае можно отнести большое количество государств, не входящих в структуры НАТО и британское содружество наций, в том числе страны БРИКС, ШОС и ЕАЭС. Последние, наряду со странами бывшего СССР, испытывают очевидный недостаток внимания со стороны российских исследователей, который уже не может восполнить инерция совместного советского прошлого.

Хорошим объектом для такого изучения являются аналитические центры (мозговые центры, *think tanks*, далее – АЦ), которые находятся на «стыке» взаимодействия государства, гражданского общества, бизнеса и академических структур. Они наиболее быстро и публично реагируют на важнейшие события внутренней общественно-политической жизни и внешней политики, хорошо отражают актуальную повестку и даже позволяют заглянуть за горизонт, давая прогнозы и разрабатывая сценарии развития. В 2021 г. впервые в России был разработан Атлас аналитических центров стран ЕАЭС [Атлас..., 2021] – как специальный проект для изучения аналитических центров стран – ближайших партнеров России. Годовой мониторинг деятельности указанных структур уже дал очень интересные результаты и подтвердил важность выбранного направления. Продолжением работы стала подготовка Атласа аналитических центров «Большой Евразии» [Ат-

лас..., 2022] и Справочника зарубежных аналитических центров [Справочник..., 2022] (в которых описаны в общей сложности около 200 организаций из 19 стран мира), а также изучение влияния АЦ стран ЕАЭС на доверие общественным и государственным институтам и общественное согласие в соответствующих странах.

Страны Африки также относятся к категории стран, внимание к которым необходимо активизировать. Хотя современный российский «поворот к Африке» случился еще после первой фазы украинского кризиса в 2015 г. [Абрамова, Фитуни, 2020], нынешний этап эскалации заставляет полностью пересмотреть российские внешнеполитические ориентиры, которые, с учетом нейтральной позиции африканских стран и важности континента в стратегической перспективе, должны однозначно сместиться в сторону создания системных условий для расширения сотрудничества, что невозможно без понимания специфики социально-экономических и политических процессов и внимательного мониторинга общественно-политической повестки в этих странах. Инструментом решения этих задач может стать развитие научной дипломатии и партнерства с академическими структурами и АЦ африканских стран.

Настоящая статья является заделом для организации такого рода взаимодействия с африканскими АЦ не только специалистами-регионоведами, но и более широкому научно-экспертному сообществу России и стран ЕАЭС. В статье приводится обзор АЦ в Африке, в том числе в сравнительной перспективе с АЦ стран ЕАЭС, а также сформулированы предложения по возможным направлениям и инструментам партнерства России и стран ЕАЭС со своими коллегами в африканских странах.

В качестве источников информации об АЦ использованы международные справочники: Глобальный индекс аналитических центров 2020 [McGann, 2021] (индекс МакГанна¹), Открытая директория проекта *On Think Tanks*², а также официальные сайты соответствующих АЦ.

Обзор аналитических центров Африки

Согласно данным индекса МакГанна, в 2020 г. в Африке к югу от Сахары насчитывалось 679 аналитических центров, а в объединенном регионе Северной Африки и Ближнего Востока – 599 [McGann, 2021, p. 45–47].

В список 23 стран с наибольшим количеством аналитических центров в мире из африканских стран попала только ЮАР со 102 организациями. Для сравнения: в России их было насчитано 143, в США – 2 203, в Китае – 1 413, в Индии – 612 [McGann, 2021, p. 44].

Другой международный источник информации об аналитических центрах стран мира – Открытая директория проекта *On Think Tanks* (Открытая директория ОТТ) – дает значительно более скромные результаты для африканских стран, однако лидеры при этом не меняются (см. таблицу 1).

Причин такого резкого (в несколько раз) отличия данных между двумя справочниками может быть много. Как показала проверка обеих этих баз при составлении российских справочников [Атлас..., 2022; Справочник..., 2022], индекс МакГанна содержит достаточно большое количество устаревшей или ошибочной информации: ошибки касаются названий организаций (одна и та же организация в разных разделах справочника может иметь разные варианты названия; не учитываются проведенные реорганизации тех или иных аналитических центров; не указывается их принадлежность к академическим структурам и пр.), места и характера их деятельно-

Таблица 1. Африканские страны с наибольшим количеством АЦ, по данным индекса МакГанна и Открытой директории ОТТ

Table 1. Top African countries by think tanks according to McGann's index and On Think Tanks database

Страна	Количество АЦ: МакГанн/ОТТ
ЮАР	102/50
Кения	64/35
Нигерия	52/16
Египет	47/10
Гана	44/14
Уганда	36/9
Зимбабве	30/11

Источники: [McGann, 2021, p. 45–46]; Open Think Tank Directory. – URL: <https://onthinktanks.org/open-think-tank-directory/> (дата обращения: 15.10.2022).

1 В честь профессора Пенсильванского университета Джеймса МакГанна, который был основателем этого международного индекса.

2 Open Think Tank Directory. – URL: <https://onthinktanks.org/open-think-tank-directory/> (дата обращения: 15.10.2022).

сти (например, организации, отнесенные к определенной стране, действуют за ее пределами, являясь не исследовательскими, а политико-пропагандистскими структурами, финансируемыми оппозициями или другими странами). Некоторые из описанных в справочнике центров уже просто перестали функционировать или не демонстрируют активности на протяжении последних нескольких лет. Однако самым главным недостатком индексов МакГанна является отсутствие полных списков АЦ: давая общее количество АЦ в той или иной стране, этот индекс не содержит исчерпывающих списков АЦ по каждой стране, наименования организаций и их страновая принадлежность указываются только в отдельных номинациях внутри индекса, при этом не приводятся контактная информация или другие идентификаторы АЦ (ссылка на сайт, страницы в соцсетях и пр.).

В отличие от индекса МакГанна, Открытая директория ОТТ предоставляет все необходимые идентификаторы АЦ, при этом содержит намного меньше неточной информации (хотя и она не застрахована от ошибок) и ориентируется только на аналитические

структуры, присутствующие в цифровом пространстве. Впрочем, для современного АЦ это является практически обязательным элементом: тенденция на цифровизацию АЦ и связанный с этим рост такого рода структур и снижение «порога входа» в публичное пространство для новых АЦ была отмечена экспертами уже достаточно давно [McGann, 2021, p. 22].

Согласно индексу МакГанна, африканские АЦ отличаются не только внушительным количеством, но и качеством. В списке 154 лучших аналитических центров мира (без учета США) на 2020 г. представлено 17 африканских АЦ (см. таблицу 2).

ЮАР и Гана представлены в этом списке весьма достойно – лучше, чем Россия и крупные региональные страны Евразии и страны ЕАЭС, фактически на уровне стран БРИКС (см. таблицу 3).

При этом статистически у ЮАР наибольшая эффективность представленности среди лучших АЦ мира, по версии МакГанна, из всех стран БРИКС: 3,8% – против 2% у России, 1,3% у Индии, 0,52% у Бразилии, 0,49% у Китая.

Конечно, эти показатели весьма условны.

Таблица 2. Представленность африканских АЦ в списке 154 лучших аналитических центров мира (без учета США) на 2020 г.

Table 2. African think tanks in the list of the best 154 global think tanks (without the United States) in 2020

Страна	Количество АЦ	Позиции в рейтинге
ЮАР	4	21, 54, 55, 88
Гана	4	72, 75, 105, 131
Кения	3	63, 86, 121
Эфиопия	2	83, 142
Сенегал	2	115, 149
Египет	1	74
Ботсвана	1	46

Источник: [McGann, 2021, p. 55–63].

Таблица 3. Представленность АЦ отдельных стран мира в списке 154 лучших аналитических центров мира (без учета США) на 2020 г.

Table 3. Think tanks from various countries in the list of the best 154 global think tanks (without the United States) in 2020

Страна	Количество АЦ в рейтинге / общее количество АЦ в стране	Позиции в рейтинге
Страны БРИКС		
Индия	8/612	8, 71, 94, 106, 122, 144, 145, 154
Китай	7/1413	9, 24, 50, 85, 117, 118, 140
ЮАР	4/102	21, 54, 55, 88
Россия	3 ³ /143	19, 38, 152
Бразилия	1/190	2
Крупные региональные страны Евразии		
Иран	1/87	143
Пакистан	1/33	90
Турция	1/53	40
Страны ЕАЭС		
Армения	0/32	-
Белоруссия	0/32	-
Казахстан	0/43	-
Киргизия	0/29	-

Источник: [McGann, 2021, p. 55–63].

Во-первых, нужно иметь в виду основную цель индекса МакГанна – отражение активности АЦ как субъектов гражданского общества. Это оказывало значительное влияние на фокус при составлении индекса и при номинировании тех или иных структур в различные рейтинги внутри этого индекса.

Во-вторых, методология, заложенная в составление индекса, предполагает исследование четырех групп индикаторов: ресурсной обеспеченности, используемости результатов деятельности (включая медийное присутствие, репутация в политических кругах и публичном пространстве), количества

и качества результатов деятельности, влияния деятельности на политическое и публичное пространство [McGann, 2021, p. 38–42]. При этом очевидное преимущество получают аналитические центры, публикующие свои результаты на английском языке и прозрачные для исследования в рамках международного и/или англоязычного международного пространства. Этим во многом объясняются сравнительно низкие позиции в американском индексе у АЦ из Евразии и ЕАЭС: турецкие и иранские организации значительную часть материалов публикуют на государственных языках (иногда только

3 Одна из этих организаций – Московский центр Карнеги – на момент написания статьи прекратила свою деятельность в России – URL: <https://carnegie.ru>; <https://www.rbc.ru/politics/05/09/2022/631621d99a79475f337d4997?ysclid=lf8zubdap2189351550> (дата обращения: 01.11.2022).

на государственных языках). Для АЦ стран ЕАЭС характерна такая же ситуация, с доминированием русского языка в качестве основного языка публикаций, ведения официального сайта и социальных сетей.

В-третьих, нельзя исключать и субъективизм при определении позиций в рейтингах, так как в основе их составления лежит метод экспертного опроса, который, по мнению некоторых российских участников, не содержит необходимых гарантий от манипуляций по национальному, корпоративному или иным основаниям.

Тем не менее при отсутствии других инструментов сравнения индекс МакГанна является единственным доступным международным инструментом. Хотя экспертами и отмечается наличие китайского международного рейтинга АЦ [Комиссина, 2017; Маслов, 2021], в открытом доступе на английском языке найти этой информации не удалось.

Интересно отметить, что индекс МакГанна неоднозначно воспринимается в африканском экспертном сообществе. Ряд экспертов следуют в фарватере идеологии МакГанна [The Future of Think Tanks..., 2021], но некоторые отмечают неприемлемость предлагаемых американским индексом универсальных моделей АЦ для африканского континента и отмечают необходимость выстраивания их «снизу вверх» [Midau, 2022].

Относительно высокие (сопоставимые с российскими) позиции АЦ стран Африки в международных рейтингах (позиции России сопоставимы с позициями Кении, Эфиопии и Сенегала и хуже позиций ЮАР и Ганы) при всех перечисленных выше недостатках системы оценивания подчеркивают важность изучения африканских аналитических структур. Наряду с этим возникает задача выработки собственного инструментария оценки

отечественных и зарубежных АЦ для определения перспективных направлений сотрудничества с африканскими АЦ в условиях ограниченности ресурсов, роста международной напряженности и геополитической конкуренции в регионе.

Обзор деятельности отдельных африканских аналитических центров

Индекс МакГанна позволяет исследовать региональные АЦ в разных измерениях. Так, например, в нем содержится отдельная категория «Лучшие АЦ Африки к югу от Сахары», в которой перечислены 94 организации [McGann, 2021, р. 75–80]. Лучшие АЦ Северной Африки объединены в одну категорию с АЦ стран Ближнего Востока – там еще 104 организации [McGann, 2021, р. 129–135]. Существуют и номинации по отдельным предметным сферам деятельности, где также представлены африканские АЦ. Однако нигде не дается хоть какая-то характеристика этих АЦ, а также ссылка на источники для изучения их деятельности. Поэтому задачи поиска и оценки деятельности этих структур решались самостоятельно.

В первую очередь интересно изучить АЦ, представленные среди лучших мировых центров. Краткая информация о них представлена в таблице 4.

Краткий обзор деятельности указанных организаций позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, актуальность представленных данных достаточно высокая: из 17 организаций только 2 не имеют работающих веб-сайтов. При проверке данных об аналитических центрах в Евразии из того же источника процент недействующих организаций был намного выше.

Таблица 4. Краткая характеристика ведущих АЦ стран Африки, включенных в список лучших 154 АЦ мира согласно индексу МакГанна 2020 г.

Table 4. Brief description of the leading African think tanks from the list of the best 154 global think tanks according to the McGann's Index 2020

Наименование / страна / место в рейтинге	Сайт, комментарий
<i>African Centre for the Constructive Resolution of Disputes (ACCORD) / South Africa / 21</i>	Сайт: http://www.accord.org.za/ Язык: английский Независимый аналитический центр – НГО, ориентированный на собственную практическую деятельность, – вовлечение в разрешение конфликтов на Африканском континенте
<i>Botswana Institute for Development Policy Analysis (BIDPA) / Botswana / 46</i>	Сайт: https://bidpa.bw Язык: английский Независимый аналитический центр, насчитывает более 30 исследователей по направлениям: окружающая среда, сельское хозяйство и природные ресурсы, государственное управление, социальная политика, торговля, промышленность и частный сектор
<i>South African Institute of International Affairs (SAIIA) / South Africa / 54</i>	Сайт: http://www.saiia.org.za/ Язык: английский Независимый аналитический центр, насчитывающий около 30 собственных экспертов, с активной сеткой международных мероприятий (несколько онлайн-мероприятий в месяц) и широким спектром исследовательских интересов по вопросам внешней политики, экономической дипломатии, управления и природных ресурсов
<i>Institute for Security Studies (ISS) / South Africa / 55</i>	Сайт: https://issafrica.org/ Языки: английский, французский Институт занимается широким спектром вопросов безопасности: от военных конфликтов и миротворческих операций до трансграничной организованной преступности на всем Африканском континенте
<i>African Economic Research Consortium (AERC) / Kenya / 63</i>	Сайт: https://aercafrica.org Язык: английский Основанный в 1988 г. западными и африканскими экспертами консорциум имеет целью сократить разрыв между властью и экспертным сообществом при формировании политического курса в Африке к югу от Сахары. Исследования охватывают практически все аспекты государственной экономической политики (торговля, сельское хозяйство, банковский сектор, борьба с бедностью)
<i>Centre for Democracy and Development (CDD) / Ghana / 72</i>	Сайт: https://cddgh.org Язык: английский НГО, провозглашающее основными целями продвижение демократии, принципов «хорошего управления» и инклюзивного экономического роста на основе «доказательственных исследований», представительства и защиты интересов различных социальных групп и влияния на публичную политику. Центр уделяет много внимания работе на локальном и региональном уровнях управления.
<i>Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies (ACPSS) / Egypt / 74</i>	Сайт: http://acpss.ahram.org.eg Язык: арабский Сайт данного АЦ содержит большое количество актуальных материалов по вопросам международной безопасности и региональной политики. С недавних пор внутренняя политика и политические реформы приобрели центральное значение в исследовательской программе. Центр ориентирован на тесное партнерство с европейскими исследовательскими структурами и экспертным сообществом. Материалы публикуются только на арабском языке

Продолжение таблицы 4

Наименование / страна / место в рейтинге	Сайт, комментарий
<i>IMANI Center for Policy and Education / Ghana / 75</i>	<i>Caïm: https://imaniafrica.org (в настоящее время не работает, но есть информация в отдельной статье в Википедии)</i> Негосударственный АЦ, созданный по инициативе общественного деятеля Франклина Куджое (<i>Franklin Cudjoe</i>)
<i>Ethiopian Development Research Institute / Ethiopia / 83</i>	<i>Caïm: http://www.edri.org.et (не работает)</i>
<i>Kenya Institute for Public Policy Research and Analysis (KIPPRA) / Kenya / 86</i>	<i>Caïm: https://kippra.or.ke</i> Язык: английский Функционирует с 1997 г., с 2007 г. работает как государственная корпорация на основании специального правового акта. Основная задача – экспертное обеспечение формирования политики правительством Кении. Имеет несколько структурных подразделений, охватывающих практически все сферы формирования политики в социально-экономической сфере
<i>Centre for Conflict Resolution (CCR) / South Africa / 88</i>	<i>Caïm: http://www.ccr.org.za (не работает)</i>
<i>Afrobarometer / Ghana / 105</i>	<i>Caïm: https://www.afrobarometer.org</i> Язык: английский Дочерняя инициатива <i>Centre for Democracy and Development</i> , представляющая собой panaфриканскую экспертную сеть для проведения исследований общественного мнения. Исследования охватывают широкий круг стран африканского континента и разнообразные темы (демократия и гражданское общество, экономика и бедность, энергетика и инфраструктура, изменение климата и экология, безопасность и региональные отношения). На сайте представлена онлайн-база данных результатов опросов
<i>Council for the Development of Social Science Research in Africa (CODESRIA) / Senegal / 115</i>	<i>Caïm: https://codesria.org</i> Языки: английский, французский Панафриканская негосударственная организация со штаб-квартирой в Дакаре и особым дипломатическим статусом, созданная в 1973 г. Объединяет африканских исследователей из многих стран. Имеет сложную организационную структуру. Издает несколько научных журналов
<i>African Centre for Technology Studies (ACTS) / Kenya / 121</i>	<i>Caïm: https://www.acts-net.org</i> Язык: английский Межправительственная организация, создана в 1988 г. Основная цель – объединить научные исследования и технологические достижения для использования в целях обеспечения устойчивого развития Африки. Основной исследовательский фокус – на программах в области сельского хозяйства и изменения климата. Издает книги и журналы
<i>African Center for Economic Transformation (ACET) / Ghana / 131</i>	<i>Caïm: https://acetforafrica.org</i> Язык: английский Негосударственная организация, основанная в 2008 г. общественным деятелем, ранее активно работавшим в международных структурах, в том числе во Всемирном банке. Имеет международный исследовательский коллектив, который насчитывает более 30 экспертов. В фокусе исследования – вопросы изменения климата, гендерного равенства, молодежной занятости, инноваций и цифрового развития, управления в сфере экономики, развития частного сектора. Издает аналитические доклады и записки

Продолжение таблицы 4

Наименование / страна / место в рейтинге	Сайт, комментарий
<i>Organization for Social Science Research in Eastern and Southern Africa (OSSREA) / Ethiopia / 142</i>	Caïm: https://www.ossrea.net Язык: английский Основанная на членстве региональная ассоциация исследователей и исследовательских организаций, созданная в целях продвижения экспертной поддержки формирования и реализации государственной политики в странах региона. Издает доклады и книги по различным направлениям государственной политики и управления
<i>African Growth and Development Policy Modeling Consortium (AGRODEP) / Senegal / 149</i>	Caïm: https://www.agrodep.org Язык: английский Основанная в 2010 г. при поддержке региональных ассоциаций сельхозпроизводителей экспертная сеть, объединяющая африканских экспертов и имеющая целью повышение их роли в стратегическом планировании развития региона, взаимное развитие членов консорциума и повышение их возможностей, в том числе с точки зрения влияния на формирование политики

Источник: составлено автором.

Во-вторых, в представленной выборке доминируют негосударственные организации (среди них представлена только одна государственная корпорация); в ней вообще нет академических структур – как образовательных, так и исследовательских. Для аналитических центров Евразии характерно присутствие достаточно большого количества академических аналитических центров, в первую очередь университетских (для России характерна большая доля структур РАН [Атлас..., 2021]).

В-третьих, достаточно большую роль в создании и функционировании этих НГО играют общественные деятели с опытом образования и работы в странах Запада (США, Великобритания) и/или международных организациях (Всемирный банк). Большинство из структур созданы за последние 15–20 лет, хотя есть и исключения.

В-четвертых, исследовательская повестка указанных организаций весьма однородна: практически все они фокусируются на тех или иных аспектах устойчивого развития, что в целом кор-

релирует с повесткой ООН и ее структур, объяснимо с учетом характеристик профессионального опыта и карьеры основателей и ведущих действующих лиц этих организаций.

В-пятых, коммуникационный потенциал рассмотренных структур достаточно высок. Все они имеют англоязычные сайты, что открывает широкие возможности для международных контактов. Конечно, это отражает специфику государственных и официальных языков стран Африки, а также специфику формирования интеллектуальной элиты соответствующих стран. Однако если предположить необходимость решения задачи развития коммуникации аналитических центров стран ЕАЭС с указанными странами, проблема языкового барьера возникнет на стороне стран ЕАЭС: полноценными англоязычными сайтами, дающими представление обо всем функционале деятельности соответствующих структур, обладают далеко не все АЦ стран ЕАЭС [Атлас..., 2022; Справочник..., 2022].

Кроме того, почти все из рассмотренных африканских АЦ имеют официальные представительства в социальных сетях, что не является распространенной практикой для аналитических центров стран ЕАЭС, особенно для академических и государственных структур. Конечно, в данном случае сравнение проводится с лучшими АЦ Африканского континента (в списке 154 лучших АЦ мира на 2020 г. есть только два российских АЦ), и на это нужно делать скидку. Но получается, что аналитическим центрам стран ЕАЭС есть чему учиться у своих африканских коллег.

В то же время нельзя абсолютизировать представленную выборку и считать ее списком лучших африканских АЦ. Как уже отмечалось выше, процедура экспертного отбора лучших АЦ для целей индекса МакГанна не является абсолютно прозрачной и лишена субъективизма. Как отмечают африканские эксперты, сами подходы к изучению и классификации африканских АЦ, основанные на западном опыте, являются неправильными [Midau, 2022]. Например, «независимые АЦ» в Африке – это АЦ, зависящие от западного или международного финансирования, а также от финансирования состоятельных людей африканского континента [Midau, 2022]. Эти обстоятельства определяют идеологическую повестку соответствующих структур (преимущественно ультралиберальную), далекую от интересов местных спонсоров, что затрудняет поддержку ими соответствующих структур.

Описанная специфика имеет определенные фундаментальные основания, связанные в том числе с особенностями формирования африканских элит. Первая волна африканских национальных элит формировалась в тесном взаимодействии и под влиянием

колониальных администраций, выросла из низов административной, судебной и военно-полицейской частей колониальной администрации, сформированной из местных кадров, а также деловых кругов, завязанных на обслуживании интересов метрополий [Фитунни, 2020, с. 8].

Еще одна отмечаемая тенденция, незначительное количество государственных АЦ по сравнению с АЦ – НГО, также имеет несколько объяснений. С одной стороны, объясняется общей слабостью африканских государств, балансирующих на грани «несостоятельных» и «хрупких» (*failed states, fragile states*) [Фитунни, 2020, с. 9], недостатком финансирования и в целом низкой культурой управления [Midau, 2022], крайней степенью развития неформальных практик, основанных на неопатримониализме [Bach, 2011], противоречиями между политическими лидерами и элитами (использование «лидерства» как политической технологии) [Фитунни, 2020, с. 10–12].

Есть признаки формирования определенного порочного круга: негосударственные АЦ «окукливаются» в одной идеологической среде, склоняясь к функциям идеолого-пропагандистских центров, оказывающих влияние на политические режимы и отдельных политиков в электоральных циклах в формате политических технологий (концентрируясь только на практической политике – *politics*), в то время как государственные АЦ, которые обладали бы большей ответственностью за разработку, принятие политических решений и формирование политического курса (сфера *policy*), не создаются или действуют непродолжительное время и не могут повлиять на повышение качества государственного управления. Как видно, реальность может оказаться не такой радужной, как международные индексы.

Обзор деятельности ведущих аналитических центров ЮАР и Египта

Несмотря на геополитический контекст, от России и стран ЕАЭС вряд ли стоит ожидать быстрого разворота на Юг в отношении сразу всех стран африканского континента, хотя эта задача должна быть долгосрочным императивом – сейчас 84% российско-африканской торговли приходится на семь стран: Египет, Алжир, Марокко, ЮАР, Тунис, Нигерию и Судан [Абрамова, Фитуни, 2020, с. 1073]. В краткосрочной перспективе имеет смысл сосредоточиться на развитии отношений с ЮАР и Египтом. В первом случае – за счет актуализации БРИКС как объединения «незападных» стран, во втором – за счет развития традиционно тесных отношений между Россией и Египтом. Обе страны отказались поддерживать антироссийские санкции и пытаются придерживаться нейтральной позиции на официальном дипломатическом уровне. Однако это не означает отсутствие других позиций, в том числе на уровне политической и интеллектуальной элиты. Изучение АЦ соответствующих стран и развитие взаимоотношений с ними в формате научной дипломатии (*Track II*) могло бы стать не только серьезным элементом поддержки уже сформулированной политической позиции, но и основанием для развития и углубления двусторонних связей по многим направлениям. Для стран ЕАЭС эти направления также могли бы стать перспективными направлениями развития международного сотрудничества, в том числе путем создания консорциумов с российскими аналитическими центрами.

Рассмотрим специфику АЦ указанных двух стран. Сводная информация о них представлена в таблицах 5 и 6.

Египет

Египет оказался в политической повестке в рамках украинского кризиса прежде всего в контексте вопросов продовольственной безопасности – как крупный покупатель зерна из России и Украины. Однако это не единственная сфера, которая может в перспективе представлять интерес с политической и экономической точек зрения. Египет становится важным игроком в ближневосточном регионе, в том числе с точки зрения европейской энергетической безопасности. Всё это делает страну важным направлением развития научно-экспертного сотрудничества.

Согласно индексу МакГанна, в Египте в 2020 г. функционировало 47 АЦ. Оценки открытой директории АЦ *On Think Tanks* намного скромнее: 10 АЦ, функционирующих в различных сферах, ориентированных преимущественно на внутреннюю политику и развитие гражданского общества. Аналитические центры Египта играют важную роль в поддержании его статуса в качестве одного из региональных лидеров [Чикризова, Демина, 2019, с. 71].

Обзор указанных АЦ позволил определить четыре аналитические структуры, которые могут представлять первоочередной интерес для сотрудничества со стороны АЦ России и стран ЕАЭС.

Египетский совет по международным делам – одна из наиболее авторитетных неправительственных организаций в сфере внешней политики в Египте, созданная в 1999 г. и объединяющая отставных дипломатов, деятелей науки и культуры. В фокусе исследований – конфликты на Ближнем Востоке, в частности ливийский, сирийский и йеменский кризисы, феномен терроризма, перспективы ближне-

Таблица 5. Ведущие аналитические центры Египта
Table 5. Leading think tanks of Egypt

Наименование			Общая информация		
Рус..	Сокр.	Араб.	Англ.	Сайт	Журнал
Египетский совет по международным делам	ECFA	مجلس الدول العربية للشؤون الدولية	Egyptian Council for Foreign Affairs	Сайт: https://ecfa-egypt.org Языки: английский, арабский	нет
Египетский центр экономических исследований	ECES	مركز الدراسات الاقتصادية	Egyptian Center for Economic Studies	Сайт: http://www.eces.org.eg Языки: английский, арабский	Издаёт еженедельник <i>Our Economy and the World</i> на английском языке https://www.eces.org.eg/Publications?Lang=EN&C=1&T=2&Our-Economy-and-the-World
Центр политических и стратегических исследований «Аль-Ахрам»	ACPSS	مركز الدراسات السياسية والاستراتيجية	Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies	Сайт: http://acpss.ahram.org.eg Язык: арабский	Нет информации
Форум экономических исследований	ERF	منتدى الدراسات الاقتصادية	Economic Research Forum	Сайт: http://erf.org.eg/ Язык: английский	Издаёт <i>Middle East Development Journal</i> (при поддержке издательства Taylor and Francis) https://erf.org.eg/publications/medi-erf-middle-east--development-journal-december-2020/

Таблица 6. Ведущие аналитические центры ЮАР
Table 6. Leading think tanks of South Africa

Наименование			Общая информация	
Рус.	Сокр.	Англ.	Сайт	Примечание
Африканский центр конструктивного разрешения споров	ACCORD	African Centre for the Constructive Resolution of Disputes	Сайт: http://www.accord.org.za/ Язык: английский	Издает журнал <i>African Journal on Conflict Resolution</i>
Африкано-ближневосточный центр	AMES	Afro-Middle East Centre	Сайт: http://www.ames.org.za/ Язык: английский	Нет
Центр изучения насилия и примирения	CSVR	Centre for the Study of Violence and Reconciliation	Сайт: https://csvr.org.za/index.php Язык: английский	Нет
Институт изучения будущего	IFR	Institute for Futures Research	Сайт: https://www.ifr.sun.ac.za/ Язык: английский	Нет
Институт глобального диалога	IGD	Institute for Global Dialogue	Сайт: http://www.igd.org.za Язык: английский	Нет
Институт исследований безопасности	ISS	Institute for Security Studies	Сайт: https://issafrica.org/ Язык: английский, французский	Издает журнал <i>South Africa Crime Quarterly</i>
Институт стратегических и политических отношений Университета Претории	ISSUP	Institute for Strategic and Political Affairs, University of Pretoria	Сайт: https://www.up.ac.za/institute-for-strategic-and-political-affairs Язык: английский	издает журнал <i>Strategic Review for Southern Africa</i> https://upjournals.up.ac.za/index.php/strategic_review
Институт стратегического осмысления Мапунгубве	MISTRA	Mapungubwe Institute for Strategic Reflection	Сайт: http://mistra.org.za/ Язык: английский	Нет
Южноафриканский институт международных отношений	SAIIA	South African Institute of International Affairs	Сайт: http://www.saiia.org.za/ Язык: английский	Издает журнал <i>South African Journal of International Relations</i> https://saiia.org.za/publications/south-african-journal-of-international-affairs/

восточного мирного процесса, проблема разоружения и ядерного нераспространения, отношения Египта с такими государствами, как США, Россия, Китай, а также со странами ЕС, Африки и Латинской Америки [Чикризова, Демина, 2019, с. 72]. В АЦ действуют 13 постоянных комитетов, построенных по предметному и региональному принципам, а также рабочие группы по терроризму, международному праву и суданскому урегулированию.

В 2015 г. организация подписала соглашение о сотрудничестве с Российским советом по международным делам [Чикризова, Демина, 2019, с. 72]. С 2020 г. активность АЦ заметно убавилась: больше не проводились ежегодные конференции, не выходили аналитические материалы.

Египетский центр экономических исследований – независимый АЦ, который проводит специализированные экономические исследования, опираясь на международный опыт и широкие консультации с различными заинтересованными сторонами с целью выработки конкретных предложений для практической политики. Специализируется исключительно на экономической повестке, но в очень широком ключе, в том числе с международными аспектами.

Издает еженедельник *Our Economy and the World* на английском языке, «Бизнес-барометр» (издание на арабском языке, выходит четыре раза в год). На сайте опубликовано много статистической информации и данных о положении египетской экономики в международных рейтингах.

Центр политических и стратегических исследований «Аль-Ахрам» – один из старейших АЦ Египта, созданный в 1968 г. с целью осмысления политических итогов Шестидневной войны 1967 г. и выработки более взвешенной внешней политики [Чикризова, Демина,

на, 2019, с. 71]. Сайт данного АЦ содержит большое количество актуальных материалов по вопросам международной безопасности и региональной политики. С недавних пор внутренняя политика и политические реформы приобрели центральное значение в исследовательской программе, что стало общей тенденцией для ближневосточных АЦ после событий «арабской весны» [Чикризова, Демина, 2019]. Центр ориентирован на тесное партнерство с европейскими исследовательскими структурами и экспертным сообществом. Материалы публикуются только на арабском языке.

Форум экономических исследований представляет собой региональную исследовательскую сеть по вопросам социально-экономического развития в арабских странах, Иране и Турции. Регулярно публикует рабочие материалы, актуальные комментарии на сайте. Охватывает широкую повестку: от мирного урегулирования конфликтов и восстановления после них до развития гражданского общества, стимулирования частных инвестиций и проблем занятости в странах Глобального Юга.

Проводит ежегодные конференции (анонсы и регистрация не публикуются на сайте). На сайте есть отдельный портал с базой данных социально-экономических показателей и результатов социологических исследований по странам региона.

ЮАР

Согласно данным рейтинга МакГанна, в 2020 г. в ЮАР функционировало 102 аналитических центра. Открытый справочник аналитических центров ресурса *On Think Tanks* насчитывает в стране 50 аналитических центров. Организации, входящие в эту выборку,

работают в различных сферах: права человека, социальное неравенство, межрасовые отношения, здравоохранение, охрана детства, сельское хозяйство и продовольственная безопасность, изменение климата. Ряд аналитических центров занимаются вопросами национальной безопасности, региональных исследований и формирования стратегической повестки – они представлены в подборке.

Российские аналитические центры и эксперты слабо представлены в международной кооперации с аналитическими центрами ЮАР. Это имеет свои объективные причины (географическая удаленность), однако вызывает и негативные последствия. Так, например, в международных обсуждениях украинского кризиса участвуют эксперты из Украины и отсутствуют российские эксперты⁴. В будущем это может привести к насыщению экспертного сообщества и политических кругов односторонними оценками и политически ангажированной информацией, что может повлиять на общественное мнение и на политическую позицию страны, поэтому взаимодействие с АЦ ЮАР в направлении обсуждения украинского кризиса требует активизации.

Для развития сотрудничества интересно рассмотреть девять аналитических центров.

Африканский центр конструктивного разрешения споров. В попечительский совет организации входят отставные политики и сотрудники международных организаций. На сайте активно публикуются материалы с актуальными комментариями, организован мониторинг конфликтов по всему африканскому континенту. Отдель-

ные направления работы посвящены прикладным аспектам урегулирования конфликтов: здесь возможно развитие экспертного диалога на уровне различных АЦ стран ЕАЭС, в фокусе внимания которых находятся аналогичные темы.

Африкано-ближневосточный центр. В фокусе внимания аналитического центра – Ближний Восток (включая социально-политические и культурно-религиозные исследования, языковую подготовку и переводы), Северная Африка, Левант (включая Турцию), страны Персидского залива, Пакистан, страны Африки к югу от Сахары. Центр занимается изданием книг и проведением конференций. Информация об экспертах на сайте отсутствует. Площадка данного АЦ удачно подойдет для АЦ стран ЕАЭС, специализирующихся на ближневосточных исследованиях.

Институт глобального диалога. Аналитический центр, специализирующийся на внешней политике. Создан в 1990-е годы по инициативе Нельсона Манделы, действует в сотрудничестве с университетом Южной Африки (UNISA). Площадка этого АЦ подошла бы для организации серии обсуждений по поводу необходимости восстановления диалога на фоне текущего кризиса в международных отношениях.

Институт изучения будущего. Организация позиционирует себя как институт исследования будущего, однако на сайте нет информации об исследованиях; скорее, это напоминает тренинго-консалтинговый центр для корпоративных клиентов и физических лиц или дискуссионный клуб по актуальным и перспективным проблемам развития страны. В то же время она

4 См., например, серию обсуждений на базе Южноафриканского института международных отношений в июле 2022 г. – URL: <https://saiaa.org.za/event/series-of-webinars-100-days-of-the-russian-war-in-ukraine-impacts-on-the-african-continent-and-its-potential-role-to-stop-the-war/> (дата обращения: 01.11.2022).

может выступить партнером для АЦ, занимающихся научно-технической политикой, форсайтом, прогнозированием социальных и технологических изменений, в том числе в партнерстве с представителями российского бизнеса, для формирования стратегий присутствия в стране и на Африканском континенте.

Институт исследований безопасности. Институт занимается широким спектром вопросов безопасности: от военных конфликтов и миротворческих операций до трансграничной организованной преступности на всем Африканском континенте. Действуют филиалы института в Кении, Эфиопии и Сенегале. Издаёт журнал *South Africa Crime Quarterly*, а также большое количество монографий и учебно-методических материалов. Может стать партнером в организации сравнительных исследований и проведении крупных международных конференций по соответствующей тематике.

Институт стратегических и политических отношений Университета Претории. Институт исследует широкий спектр вопросов глобальной и региональной безопасности, проблему Глобального Юга, проблематику БРИКС; совместно с Департаментом политических наук Университета Претории издаёт журнал *Strategic Review for Southern Africa*.

Институт стратегического осмысления Мапунгубве. Независимый аналитический центр с ориентацией на стратегическую повестку глобального, регионального и национального уровня. В фокусе – вопросы экономического развития, миграции, инноваций, неравенства, политической нестабильности и протестов в африканских странах, а также вопросы нациестроительства и идентичности, перспективные экономические вызовы (стратегии низкоуглеродного развития). Резуль-

таты исследований публикуются в докладах, рабочих записках и монографиях. Конференции и семинары на сайте не анонсированы.

Центр изучения насилия и примирения. НГО адвокатского типа, тесно связанная с гражданским активизмом. Ведёт активную коммуникационную и публицистическую деятельность. Может выступить партнером для НГО соответствующего профиля, а также для академических структур, выполняющих исследования на Африканском континенте.

Южноафриканский институт международных отношений. Независимый аналитический центр, насчитывающий около 30 собственных экспертов, с активной сеткой международных мероприятий (несколько онлайн-мероприятий в месяц) и широким спектром исследовательских интересов по вопросам внешней политики, экономической дипломатии, управления и природных ресурсов. Эксперты центра активно следят за глобальной повесткой, в том числе за развитием украинского кризиса. По этой тематике проводятся обсуждения с международным участием, при этом ситуация освещается только с украинской стороны. Возможно, АЦ просто не имеет контактов с российскими АЦ.

Заключение. Как расширить интеллектуальное партнерство по линии ЕАЭС – Африка?

Многочисленные АЦ стран Африки представляют собой достаточно пеструю картину. За последние три десятилетия они пережили период бурного развития и стагнации, так что в настоящее время можно говорить об их институционализации в общественно-политической жизни африканских стран. Они достаточно специализиро-

ванны и профессиональны, в том числе в части организации публичных коммуникаций (по крайней мере, в части использования сети Интернет). В совокупности с минимальным языковым барьером (практически все они имеют англоязычные сайты) являются хорошими источниками для получения оперативной информации об актуальной общественно-политической повестке и ключевых направлениях исследований в соответствующих странах (с поправкой на возможную идеологическую или политическую аффилиацию), а также возможными партнерами для АЦ ЕАЭС в части организации совместных исследований и выработки согласованной публичной экспертной позиции по вопросам глобальной политики. На основе проведенного в статье обзора можно было бы сделать следующие общие предположения о возможных партнерах для африканских АЦ со стороны аналогичных российских структур (см. таблицу 7).

Эти предложения – не более чем волюнтаристский взгляд автора, использованный как пример постановки задачи для дальнейшего изучения. Конечно, российским аналитическим центрам имеет смысл самим изучить своих африканских коллег для поиска возможных партнеров. Для повышения эффективности этого процесса представляются возможными следующие организованные действия со стороны ведущих российских АЦ:

1. Создание информационно-аналитического консорциума Россия – Африка (или ЕАЭС – Африка). Профильные институты РАН (Институт Африки, Институт востоковедения) совместно с ИНИОН РАН (как ведущим информационным центром в области общественных наук) и исследовательскими университетами, имеющими кафедры и исследовательские центры по африканскому направлению (МГИМО,

РУДН и др.) могли бы организовать консорциум по подготовке реферативных журналов на русском языке, содержащих обзор научных и прикладных публикаций ведущих африканских аналитических структур, для свободного распространения в российском и русскоязычном (страны ЕАЭС) научно-экспертном сообществе. Параллельно возможно решение обратной задачи – издание на английском языке реферативного журнала о деятельности ведущих аналитических структур стран ЕАЭС – для распространения среди африканских коллег.

2. Создание научно-экспертного форума Африка – Евразия (возможно, в онлайн- или гибридном формате) для обсуждения широкой повестки социально-экономического и общественно-политического развития в соответствующих регионах, более глобально – для налаживания прямых контактов между научно-экспертными сообществами наших стран.

С учетом сформированной во всем мире в период пандемии практики проведения онлайн-мероприятий научно-экспертного характера интенсификация такого рода контактов между АЦ африканских стран и стран ЕАЭС не потребует особых затрат, хотя полноценное развитие партнерства требует хотя бы редких, но личных встреч. Здесь может возникнуть системная проблема, характерная как для российской научно-экспертной среды, так и для коллег из стран ЕАЭС, – недостаток средств на организацию деловых поездок. Представляется, что все эти проблемы требуют комплексного решения, в том числе путем создания информационно-аналитических консорциумов, способных аккумулировать ресурсы для организации взаимодействия нескольких АЦ из разных стран ЕАЭС с партнерскими организациями в странах Африки, а также путем

Таблица 7. Ведущие африканские АЦ и их российские аналоги
Table 7. Leading African think tanks and their russian analogues

Африканские АЦ	АЦ стран ЕАЭС
<i>African Centre for the Constructive Resolution of Disputes (ACCORD) / South Africa</i>	Институт Африки РАН, Институт стран Азии и Африки МГУ, Институт международных исследований МГИМО, Фонд «Либеральная миссия», Фонд развития гражданского общества
<i>Botswana Institute for Development Policy Analysis (BIDPA) / Botswana</i>	Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Институт экономики РАН, Центр стратегических разработок
<i>South African Institute of International Affairs (SAIIA) / South Africa</i>	Институт актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, Институт международных исследований МГИМО, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Российский совет по международным делам
<i>Institute for Security Studies (ISS) / South Africa</i>	Институт международных исследований МГИМО, Совет по внешней и оборонной политике, Российский совет по международным делам, Центр исследований проблем безопасности РАН
<i>African Economic Research Consortium (AERC) / Kenya</i>	Независимый институт социальной политики, Новая экономическая ассоциация, Центр стратегических разработок
<i>Centre for Democracy and Development (CDD) / Ghana</i>	Фонд «Либеральная миссия», Фонд развития гражданского общества, Центр стратегических разработок
<i>Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies (ACPSS) / Egypt</i>	Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Институт международных исследований МГИМО, Российский совет по международным делам, Совет по внешней и оборонной политике
<i>Kenya Institute for Public Policy Research and Analysis (KIPPRA) / Kenya</i>	Центр стратегических разработок, Экспертный институт ВШЭ
<i>Afrobarometer / Ghana</i>	Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
<i>Council for the Development of Social Science Research in Africa (CODESRIA) / Senegal</i>	Российская ассоциация политической науки, Российское общество политологов, Российский совет по международным делам
<i>African Centre for Technology Studies (ACTS) / Kenya</i>	Агентство стратегических инициатив, Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Институт экономики РАН
<i>African Center for Economic Transformation (ACET) / Ghana</i>	Институт экономики РАН, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Институт Гайдара, Экспертный институт ВШЭ
<i>Organization for Social Science Research in Eastern and Southern Africa (OSSREA) / Ethiopia</i>	Российская ассоциация политической науки, Российское общество политологов, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
<i>African Growth and Development Policy Modeling Consortium (AGRODEP) / Senegal</i>	Институт экономики РАН, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Институт Гайдара, Экспертный институт ВШЭ

модификации системы научных грантов, в том числе выдаваемых российским бизнесом.

Список литературы

Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Новая стратегия России на африканском направлении // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90, № 11. – С. 1067–1076. – DOI: 10.31857/S086958732011002X.

Атлас аналитических центров ЕАЭС : справочник / под ред. А.В. Кузнецова; ИНИОН РАН, Центр междисциплинарных исследований. – Москва : ИНИОН РАН, 2021. – 206 с.

Атлас аналитических центров «Большой Евразии». Том 1 : справочник / под ред. А.В. Кузнецова; ИНИОН РАН, Центр междисциплинарных исследований. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – 340 с. (препринт). – URL: https://www.researchgate.net/publication/365409294_Greater_Eurasia_Think_Tanks_Directory (дата обращения: 15.11.2022).

Комиссина И.Н. Новые «мозговые центры» с китайской спецификой: проблемы и перспективы развития // Проблемы национальной стратегии. – 2017. – № 6 (45). – С. 68–83.

Маслов А.А. Трансформация аналитических центров как элемента «мягкой силы» Китая в 2010–2020 гг. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 6–22. – DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-1.

Справочник зарубежных аналитических центров для научных сотрудников ИМИ МГИМО / под ред. А.Н. Никитина. – Москва : ИМИ МГИМО, 2022. – 120 с.

Фитуни Л.Л. Элиты и трансформационное лидерство в Африке (60 лет декларации ООН о деколонизации) // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 12. – С. 7–14. – DOI: 10.31857/S032150750012792-3.

Чикризова О.С., Демина А.А. Особенности становления и развития аналитических центров стран Ближнего Востока и Северной Африки // Казачество. – 2019. – № 4. – С. 68–83.

Bach D.C. Patrimonialism and neopatrimonialism: comparative trajectories and readings // Commonwealth & Comparative Politics. – 2011. – Vol. 49, N 3. – P. 275–294.

McGann J.G. Global Go To Think Tank Index 2020 Report. – University of Pennsylvania, 2021. – 376 p. – URL: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1019&context=think_tanks (дата обращения: 15.11.2022).

Midau P. African think tanks and the challenge of reinvention for sustainability // Africa Portal. – 2022. – URL: <https://www.africaportal.org/features/african-think-tanks-and-challenge-reinvention-sustainability/> (дата обращения: 15.10.2022).

The Future of Think Tanks 2021 and Policy Advice Around the World / Ed. by J. McGann. Palgrave Macmillan, 2021. – 330 p.

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.07

Turning to the South: African Think Tanks as Potential Partners for the EAEU Think Tanks

Maxim V. VILISOV

Candidate of Political Sciences, Leading Researcher of the Center for Interdisciplinary Research

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418;

Senior Researcher of the Center for Euro-Atlantic Security Institute of International Studies

MGIMO-University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vernadskogo Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: vilisov@centero.ru

ORCID: 0000-0002-6634-3829

CITATION: Vilisov M.V. (2022). Turning to the South: African Think Tanks as Potential Partners for the EAEU Think Tanks. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 4, pp. 116–136 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.07

Received: 16.11.2022.

Revised: 28.11.2022.

ABSTRACT. *The article contains an overview of the leading think tanks of African countries, based on international databases: The 2020 Go To Think Tanks Report (University of Pennsylvania) and an Open Think Tank Directory, with elements of comparative analysis with think tanks of the EAEU countries. The features of the international assessment of African analytical centers, the specifics of their formation and development, as well as the impact on socio-political processes in their countries are determined, a brief description of their activities is given. The article contains possible directions and ways of cooperation with the think tanks from Russia and other EAEU countries in the ongoing for intensification of the multilateral cooperation with African countries.*

KEYWORDS: *think tank, Africa, South Africa, Egypt, EAEU.*

References

Abramova I.O., Fituni L.L. (2020). Russia's New Strategy on Africa. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 90, pp. 688–696. DOI: 10.1134/S1019331620060027.

Atlas... (2021). Kuznetsov A.V. (ed.). *Atlas of Think Tanks in the EAEU*. Moscow : INION RAN, 206 pp. (in Russian).

Atlas... (2022). Kuznetsov A.V. (ed.). *Atlas of Think Tanks in Greater Eurasia. Volume 1*. Moscow : INION RAN, 340 pp. (preprint, in Russian). Available at: <https://www.researchgate.net/publica->

tion/365409294_Greater_Eurasia_Think_Tanks_Directory, accessed 15.11.2022.

Bach D.C. (2011). Patrimonialism and neopatrimonialism: comparative trajectories and readings. *Commonwealth & Comparative Politics*, vol. 49, no. 3, pp. 275–294.

Chikrizova O.S., Demina A.A. (2019). Features of the formation and development of think tanks in the Middle East and North Africa. *Kazachestvo*, no. 4, pp. 68–83 (in Russian).

Fituni L.L. (2020). Elites and Transformational Leadership in Africa (60th Anniversary of the UN Declaration on Decolonization). *Asia and Africa Today*, no. 12, pp. 7–14 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750012792-3.

Komissina I.N. (2017). New think tanks with Chinese specifics: problems and prospects of development. *National Strategy Issues*, no. 6 (45), pp. 68–83 (in Russian).

Maslov A.A. (2021). The Transformation of Analytical Centers as an Element of Chinese “Soft Power” in the 2010–2020.

Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, vol. 14, no. 4, pp. 6–22 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-1.

McGann J.G. (2021). *Global Go To Think Tank Index 2020 Report*. University of Pennsylvania, 376 pp. Available at: https://repository.upenn.edu/cgi/view-content.cgi?article=1019&context=think_tanks, accessed 15.11.2022.

Midau P. (2022). African think tanks and the challenge of reinvention for sustainability. *Africa Portal*. Available at: <https://www.africaportal.org/features/african-think-tanks-and-challenge-reinvention-sustainability/>, accessed 15.10.2022.

Spravochnik ... (2022). Nikitin A.N. (ed.). *Directory of Foreign Analytical Centers for Research Fellows of IMI MGIMO*. Moscow : MGIMO, 120 pp. (in Russian).

The Future of Think Tanks 2021 and Policy Advice Around the World (2021). McGann J.G. (ed.). Palgrave Macmillan, 330 pp.

С точки зрения экономики

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.08

VIP-туризм в Африке: история, развитие, проблемы и перспективы после пандемии COVID-19

Любовь Ярославовна ПРОКОПЕНКО

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки

Институт Африки РАН

ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001

E-mail: skole60@mail.ru

ORCID 0000-0002-1121-8828

ЦИТИРОВАНИЕ: Прокопенко Л.Я. VIP-туризм в Африке: история, развитие, проблемы и перспективы после пандемии COVID-19 // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 4. С. 137–158.

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.08

Статья поступила в редакцию 15.06.2022.

Исправленный текст представлен 26.09.2022.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется развитие VIP-туризма в Африке, которая с начала XXI в. является одним из самых быстроразвивающихся туристических регионов. VIP-туризм дает львиную долю валютных поступлений в государственный бюджет, поэтому правительства ряда стран уделяют его развитию особое внимание. Представляя собой экономически выгодную сферу для инвестиций местного и иностранного капитала, он развивается как в традиционных местах притяжения иностранных туристов (например, Египет, Маврикий, Сейшельские Острова, Тунис, ЮАР), так и в странах, недавно начавших развивать этот сегмент туристической индустрии.

Автор отмечает главные характеристики элитного туризма в Африке,

сходные с его характеристиками в других частях света: максимально высокое качество оказываемых услуг, в основе которых заложены комфорт и безопасность клиентов, эксклюзивность предлагаемых туров, индивидуальный подход к клиенту, давние и крепкие связи с туроператорами большого количества стран. Богатство и самобытность культур многочисленных народов континента, разнообразие природных ландшафтов, во многом эндемичные флора и фауна являются дополнительными преимуществами для выбора туристом Африки для отдыха.

Многие страны континента по-прежнему остаются в числе самых бедных в мире, поэтому развитие туристической индустрии в Африке, включая его элитный сегмент, прямо и косвенно влияет на занятость и открытие

новых рабочих мест, что помогает решить одну из важных современных социальных проблем безработицы.

Сделан вывод о том, что прогресс отрасли тормозят недостаточное развитие инфраструктуры, малочисленность специализированных кадров и учебных заведений для их подготовки. Дальнейшее устойчивое развитие туризма в Африке, в том числе элитного, зависит от стабильности внутриполитической обстановки на континенте, борьбы с криминальностью и инфекционными болезнями, способов решения визовой проблемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: VIP-туризм, Африка, потребители услуги класса люкс, отели, комфорт, эксклюзивность, конкурентоспособность, проблема кадров, политика государства, устойчивое развитие, COVID-19, перспективы.

В плане туризма Африка представляет большой интерес по причине многообразия природных ландшафтов, уникальных флоры и фауны, а также самобытной культуры многочисленных местных народов. В последнее десятилетие она была одним из самых быстроразвивающихся туристических регионов. Ряд стран континента по-прежнему остаются в числе самых бедных в мире, поэтому правительства особое значение уделяют развитию туристической отрасли экономики, которая становится существенным источником доходов. Большая их часть поступает от VIP-туризма, так как высокие доходы от вложенных средств именно в этот сегмент туризма экономически выгодны как инвесторам и местным бизнесменам, так и самому государству. Некоторые аспекты данной темы нашли свое отражение в ряде работ зарубежных, в том числе африканских, исследователей [Marshall, 2010; Saayman M., Saayman A., 2012; Onikoyi, 2018; Cleveland, 2021; Gheorghe, Rosu, 2021].

Представляется важным определить особенности развития VIP-туризма в Африке, его влияние на развитие туристической индустрии и экономики стран в целом, трудности и препятствия становления этого сегмента туризма, а также его негативные последствия для окружающей среды и общества. При написании статьи автор использовал документы Всемирной туристской организации ООН ЮНВТО (World Tourism Organization, UNWTO), а также отчеты и рекламные материалы международных и национальных туристических компаний, предоставляющих услуги класса люкс.

Из истории вопроса

Туризм имеет древние исторические корни и был тесно связан с предметами роскоши. В Древнем Риме среди патрициев была распространена практика *rusticatio*, что на латыни означает «периодическое пребывание в загородном доме». Роскошь окружала царицу Египта Клеопатру во время ее помпезного путешествия по Нилу к римскому полководцу Марку Антонию. В какой-то мере можно назвать началом международного туризма походы в Африку римского императора Септимия Севера (146–211 гг. н. э.), родившегося в африканском городе Лептис-Магна (Ливия). В этом путешествии его окружали жена Юлия Домна, сыновья и многочисленные родственники, и их жизнь была наполнена предметами роскоши.

С середины XIX в. аристократия и буржуазия Европы начали практиковать малоподвижный отдых в курортных городах или на берегу моря; во Франции даже появился специальный термин *villégiature*. Тогда же американские элиты, подражая поведению

британских аристократов и буржуазии, начали проводить время на спа-курортах, которых в стране тогда насчитывалось около двадцати, некоторые выезжали отдыхать в Европу. В орбиту путешествий состоятельных клиентов входит и далекая Африка. С 1882 г., когда Египет попал под протекторат Великобритании, он стал важным направлением деятельности для туристического агентства Томаса Кука, основоположника современного туризма. В начале XX в. популярным местом отдыха состоятельных европейцев, прежде всего французов, стал Тунис.

Таким образом, элитный туризм (индивидуальный и групповой), или VIP-туризм (*elite tourism, luxury tourism, luxury travel*), – начало туризма как такового. До 60-х гг. XX в., когда в странах Запада в условиях становления общества потребления началось развитие массового туризма, путешествия в дальние экзотические места могли позволить себе только очень состоятельные люди. И Африка, прежде всего Египет, традиционно была пунктом назначения богатых европейцев. В отеле *Mena House* (г. Эль-Гиза, Египет, открыт в 1886 г.), расположенном недалеко от знаменитых пирамид египетских фараонов, отдыхали многие британские королевские особы, Чарли Чаплин, Фрэнк Синатра и др. Отель *La Mamounia* (г. Марракеш, Марокко) премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль после первого посещения в 1935 г. выбрал в качестве своеобразной резиденции в зимний период года. Английская писательница Агата Кристи написала роман «Смерть на Ниле» о трагическом путешествии молодой миллионерши в Египте, отдыхая в отеле *Winter Palace* в г. Луксор. А королева Великобритании Елизавета II узнала о том, что стала монархом, в Кении, где в феврале 1952 г. вместе с супругом принцем Филиппом от-

дыхала в отеле *Treetops*, расположенном в национальном парке Абердэр (в 165 км от г. Найроби, гостиничные номера там обустроены в виде маленьких домиков из жердей на деревьях). Гостями *Treetops* позже были Чарли Чаплин и американская кинозвезда Джоан Кроуфорд. А в отеле *Old Cataract* (г. Асуан, Египет) отдыхала в свое время принцесса Диана.

В Южной Африке времен апартеида в 1979 г. недалеко от г. Йоханнесбург были построены роскошный курорт и казино *Sun City*. В разное время здесь отдыхали и выступали мировые звезды Фрэнк Синатра, Род Стюарт, Элтон Джон, Тина Тёрнер, группа *Queen*.

В ряде государств Африканского континента, получивших независимость в 1960–1970-е годы, развитие туризма началось именно с приема VIP-путешественников, которые были источником быстрого получения валюты, так необходимой для решения острых социально-экономических проблем: безработицы, низкого уровня жизни, необходимости модернизации экономики. В категории VIP-туристов, ранее состоявшей из людей старшего возраста, появилось много молодых и состоятельных из так называемого поколения бэби-бумеров (люди в странах Запада и США, родившиеся в период с 1943 по 1962 г.). С 1971 г. начал активно развиваться, переходя постепенно в частные руки, туристический бизнес на Сейшельских островах (наиболее интенсивно на островах Маэ, Ла-Диг и Праслен), где благоприятный климат позволяет отдыхать в течение всего года.

За вторую половину XX в. туристическая индустрия в мире стала одним из самых быстрорастущих секторов экономики. Традиционными рынками, генерирующими международные туристские потоки, были страны Европы и США. В последней четверти XX в.

значительные достижения в области развития авиасообщения сделали доступными для более широкого посещения Африканский континент, прежде всего Марокко и Тунис. Волонтаристская политика ряда африканских стран по развитию туризма привела к быстрому увеличению там количества отелей.

В нормативных актах отечественной индустрии туризма и стран мира термин *VIP*-туризм конкретно не определяется. Как правило, он означает максимально высокое качество туристического продукта с упором на индивидуальный подход к клиенту. Это влияет на цену услуги, которая во многом превышает стоимость услуги для обычного среднестатистического туриста. Таким образом, элитный туризм – это не отдельный вид туризма, а его сегмент, который определяется на уровне качества и стоимости туристического продукта.

Сегодня слова «элитный» и *VIP* часто присутствуют уже в самих названиях компаний мира, в том числе туристических: в ЮАР в г. Кейптаун работают *Africa Elite Travel*, *Luxury Africa Destination Management*, *Luxury Africa*, а в г. Дурбан – *Elite Promotions*, *Elite Voyage Mauritius* (Маврикий), *VIP Express Tourism* (Нигерия), *Luxury Africa Safaris* (г. Кампала, Уганда), *Africa VIP Travel* (г. Аруша, Танзания), *Elite Tourism* (Индия), *Elite Travel & Tourism* (Оман), *Elite Tourism* (ОАЭ, г. Дубай), международная компания *VIP Express Tourism Limited* и др.

Потребители туристических услуг класса люкс (*luxury*)

Английская аббревиатура *VIP* (*Very Important Person* – «очень именитая, важная персона»), которая появилась

в Великобритании в 1940-е годы для обозначения требующих особого внимания клиентов авиарейсов, давно стала международным понятием и в других сферах жизни¹. В индустрии туризма приставка *VIP* означает одно – клиент с неограниченным бюджетом или большими возможностями влияния, с которым нужно обращаться «в мягких лайковых перчатках», то есть очень уважительно и осторожно. *VIP*-персоны делятся на две категории: важные люди, обладающие весом в политике и бизнесе (например, политики, бизнесмены, финансисты, главы международных организаций), и звезды кино, телевидения, шоу-бизнеса, супермодели, которые по причине внушительного состояния и высокого самомнения считают себя важными членами общества. И те и другие очень требовательны и хотят получить в путешествии, которое у многих составляет большую часть жизни, максимальный комфорт.

Как и в индустрии моды или производстве автомобилей, в индустрии туризма широко распространено сегментирование рынка по ценовой категории, что напрямую создает эксклюзивность туристической услуги. В Африке подобную стратегию ведет ряд крупных гостиничных компаний, например *Radisson Hotel Group*, пришедшая на африканский рынок в 1999 г. и открывшая первый отель в г. Кейптаун.

Подобно элите начала XX в., растущее число новых магнатов и очень состоятельных клиентов предпочитает отдых высокого класса, который предполагает не только обязательный комфорт, но и достойную палитру разнообразных и эксклюзивных впечатлений от самого места путешествия. Для элитного туризма в Африке (где не все страны отличаются стабильной политиче-

1 Хотя в некоторых областях, например в медицине, это сокращение далеко от общепринятого и является названием гормона – вазоактивный интестинальный пептид (*Vasoactive Intestinal Peptide*).

ской обстановкой, остаются реальными угроза терроризма, заражения опасными инфекционными болезнями), помимо перечисленных стандартных требований, крайне важным является фактор безопасности клиента во всех ее проявлениях (перелет, трансфер, качество еды, медицинское обслуживание, по необходимости – пребывание инкогнито и даже вооруженная охрана)².

Большинство аналитиков выделяют три типа потребителей предметов роскоши, к которым относятся также туристические услуги класса люкс: сверхбогатые, высший класс и обеспеченный средний класс. Появилась новая категория – сверхбогатые, или состоятельные, так называемые миллениалы³.

С 1990-х годов происходит своеобразная «массовизация» процесса потребления товаров роскоши. Например, во Франции дорогое шампанское, обычно считающееся роскошным и праздничным вином, теперь производится также для массового рынка. В этом плане наметились контуры трансформаций и в сфере африканского *luxury* туризма. Глобальное распространение западной традиции проведения медового месяца молодоженов за рубежом приводит к тому, что всё чаще пары не только из Европы и США, но также из Азии выбирают для этого важного события жизни дорогие африканские курорты и отели, постояльцами которых раньше были исключительно клиенты с гораздо большим финансовым статусом⁴. На это копят деньги или используются кредитные средства, которые охотно предоставляют различные банки. Некоторые туристы берут их для того, чтобы свое сва-

дебное путешествие провести в огромном роскошном люксе с ванной комнатой в *Rovos Rail* (ЮАР), который стал африканским аналогом поезда «Восточный экспресс», или провести его в расположенном на краю потухшего вулкана Нгоронгоро в отеле *Beyond Ngorongoro Crater Lodge* (Танзания), в архитектуре которого причудливым образом сочетаются черты французского замка и дворца в африканском стиле.

Африка как рынок для роскошного туризма

Африканский континент для любого приезжающего туриста – это гармоничное сочетание уникальных природных ландшафтов, во многом эндемичных флоры и фауны, а также самобытной культуры многочисленных местных народов. Наряду с традиционными направлениями (пляжный отдых на островах, сафари, национальные парки ЮАР, Кении и Танзании) появляются новые маршруты в менее известные для туристов места (например, в Руанду, где есть места естественного обитания горилл). При этом для VIP-клиентов создаются условия, при которых максимально сохраняется привычный уровень комфорта.

Во многих африканских странах приняты национальные стратегии развития туризма (например, в ЮАР, Кении, Танзании, Кабо-Верде) как важной отрасли экономики. Развитию туризма на континенте способствовало принятие ряда важных документов континентального уровня. Африканский союз (АС) в 2004 г. утвердил План дей-

2 К тому же необходимо учитывать, что понятия «отдых» или «отпуск» для каждого клиента могут означать разное: пляж, плавание, катание на горных лыжах, шопинг, рыбалка, походы, катание на лошадях, осмотр достопримечательностей и пр.

3 Родившиеся между 1980 и 1995 гг.

4 Например, на Сейшелах, которые часто называют «райскими островами» или «земным раем», в 2002 г. провел свой медовый месяц музыкант и член знаменитой группы *The Beatles* Пол Маккартни.

ствий по развитию туризма»⁵, в 2015 г. принял «Повестку дня – 2063»⁶, в которой туризм был закреплён в качестве приоритетного направления экономики, в 2019 г. утвердил «Стратегическую рамочную программу по развитию туризма (2019–2028)»⁷.

В 2012 г. континент посетили 33,8 млн туристов (для сравнения: 6,7 млн в 1990 г.)⁸. В тот период наибольшее число туристов принимали Египет, ЮАР, Марокко, Тунис, Танзания и Маврикий [Africa Tourism Monitor, 2013, p. 7].

Доходы от туризма, в том числе его элитного сегмента, стали основой экономики в целом ряде стран. В середине 2010-х годов туризм обеспечивал около 50% ВВП Сейшельских Островов, 30% – в Кабо-Верде, 25% – на Маврикии, 16% – в Гамбии. В 2012 г. генеральный секретарь Всемирной туристской организации ООН (ЮНВТО) Талеб Рифаи говорил, что «в Африке при правильных инвестициях количество туристов будет расти, инвесторы увидят отличную прибыль, будут созданы рабочие места, от чего экономика выиграет» [Ighobor, Haidara, 2012].

Примером успешного развития элитного туризма в Африке является Маврикий. Это островное государство называют «зеленой жемчужиной Индийского океана», а американский писатель Марк Твен, побывав на Маврикии в 1896 г., процитировал слова одного из местных жителей: «Сначала был сотворен Маврикий, а потом рай; и со-

творен был рай по подобию Маврикия»⁹. На протяжении многих лет эту безвизовую страну посещали в основном европейские туристы, ее экономический рост стал результатом расширения именно сектора туризма класса люкс. После экономического кризиса 2008 г. правительство пошло на диверсификацию национального рынка. Были открыты прямые авиарейсы в страны Азии и Африки, что увеличило приток туристов из этих регионов. В 2018 г. на острове отдыхали более 960 тыс. туристов из стран Европы, Азии (например, 60 тыс. туристов из Китая), Африки (317,4 тыс. туристов из ЮАР, Кении, Мадагаскара, Реюньона и Сейшельских Островов), а также из США и Австралии. В числе туристов были также 2,13 тыс. россиян¹⁰.

Согласно данным ЮНВТО, в 2017 г. доля туристических прибытий в Африку составляла 5% от мирового объема [UNWTO Tourism... 2018, p. 2]. По данным Африканского банка развития (*African development bank group*), в 2016 г. континент получил доходы от туризма в объеме 36,2 млрд долларов США¹¹. Главными направлениями туристической отрасли в Африке являются сафари (Кения, Танзания, Ботсвана), природные ландшафты (ЮАР, Намибия, Ботсвана, Замбия, Зимбабве) и пляжный отдых (Марокко, Маврикий, Сейшельские Острова, Реюньон, Египет, Тунис).

В 2018 г. выделялись пять главных направлений туризма, в том числе клас-

5 Tourism Action Plan.

6 Agenda 2063.

7 African Tourism Strategic Framework (2019–2028).

8 Harnessing Tourism for Jobs, Growth and Opportunity in Africa // World Bank Fact Sheet. – 2013. – URL: <https://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/Africa/Report/africa-tourism-report-2013-factsheet.pdf> (дата обращения: 09.06.2022).

9 Time. 15.06.1970. – URL: <http://content.time.com/time/magazine/article/0,9171,909384,00.html> (дата обращения: 11.06.2022).

10 International Travel and Tourism. January to September 2018 // Statistics Mauritius. – URL: http://statsmauritius.govmu.org/English/Publications/Documents/2018/EI1420/Tourism_Jan-sep18.pdf (дата обращения: 04.06.2022).

11 World Tourism Day 2018: Africa sees rise in tourism, new countries emerge as players. – URL: <https://www.afdb.org/en/news-and-events/world-tourism-day-2018-africa-sees-rise-in-tourism-new-countries-emerge-as-players-18527> (дата обращения: 12.06.2022).

са VIP. Во главе списка были Марокко (с 2014 г. – более 10 млн посетителей), ЮАР (с 2016 г. – 10 млн туристов), Тунис (5,72 млн), Египет (5,26 млн), Зимбабве (2,17 млн)¹². Большинство приезжающих туристов были из стран Европы и США, среди европейцев лидировали французы и англичане. По данным аналитических обзоров, французы любят отдыхать в Марокко, Тунисе, Сенегале, на Маврикии и Мадагаскаре, англичане предпочитают Египет, ЮАР, Маврикий и Гамбию, а американцы – ЮАР, Танзанию, Гану, Руанду и Эфиопию.

В 2018 г. доходы от индустрии туризма по регионам составляли: Восточная Африка – 8,9% от ВПП, Северная Африка – 7,2%, Западная Африка – 5,6%, Южная Африка – 3,9%, Центральная Африка – 1%¹³.

Одной из причин быстрого развития элитного сегмента туризма в Африке глава африканского подразделения холдинга *Africa Hotels and Hospitality at JLL* Ксэндер Ниджненс называет то, что «африканский туризм значительно развился за последнее десятилетие благодаря новой волне молодых, состоятельных путешественников, а также так называемого поколения бэби-бумеров, которые подпитывают спрос на элитные путешествия»¹⁴.

До начала пандемии COVID-19 в качестве генерирующих международные туристские потоки рынков для элитного туризма в Африку рассматривались Россия и Китай. Первые советские туристы посетили Маврикий в 1963 г. С начала 1990-х наши соотечественники (политики, высокопоставленные чиновники, звезды шоу-бизнеса и так на-

зываемые новые русские) стали частыми гостями на дорогих курортах ЮАР, Маврикия и Сейшельских островов. Например, в 2000 г. на Маврикии отдыхали 2,5 тыс. российских туристов. В 2015 г. специалисты Министерства туризма ЮАР включили Россию в список приоритетных туристических рынков, в которые стоит инвестировать. В 2018 г. около 6 тыс. россиян посетили Кению. На российском рынке элитные путешествия в Африку предлагали/предлагают не только туристические компании Москвы и Санкт-Петербурга (например, *Coral Travel*, *Alba Club*, *JetSet Travel*, «Даймонд Турс», «Килиманджаро»), но и в регионах. Например, в Красноярске с 1991 г. работает компания «Дюла-тур», которая продает VIP-туры в ЮАР, Кению и на Сейшельские острова. «ВИП Трэвел» (Нижний Новгород, создана в 2004 г.) предлагает туры в Египет. Вопросы развития российско-африканских отношений в сфере туризма обсуждались на первом саммите и экономическом форуме «Россия – Африка», который состоялся 23–24 октября 2019 г. в г. Сочи при активном участии Института Африки РАН во главе с членом-корреспондентом РАН И.О. Абрамовой.

Постепенно одним из крупных мировых рынков, генерирующих международные туристские потоки, становится Китай, интенсивное развитие экономики которого способствует росту благосостояния части населения и открывает ей возможность для международного туризма. Многие китайские путешественники¹⁵, уже побывавшие в странах Европы, США или Австра-

12 International Travel and Tourism. January to September 2018 // Statistics Mauritius. – URL: http://statsmauritius.govmu.org/English/Publications/Documents/2018/EI1420/Tourism_Jan-sep18.pdf (дата обращения: 04.06.2022).

13 International Travel and Tourism. January to September 2018 // Statistics Mauritius. – URL: http://statsmauritius.govmu.org/English/Publications/Documents/2018/EI1420/Tourism_Jan-sep18.pdf (дата обращения: 04.06.2022).

14 How African luxury tourism is heading off the beaten track. – URL: <https://www.jll.com/hk/en/trends-and-insights/investor/how-african-luxury-tourism-is-heading-off-the-beaten-track> (дата обращения: 06.06.2022).

15 К ним также относятся проживающие и работающие в африканских странах.

лии, хотят получить впечатления, отличные от исторических достопримечательностей и урбанистических пейзажей. Именно Африка может им предложить новые, экзотические впечатления от разнообразных ландшафтов и богатой природы. В 2004 г. Ангола, Кения, ЮАР и Зимбабве получили статус утвержденного пункта назначения для выездных китайских туристических групп, в 2007 г. в этот список вошли также Замбия, Маврикий, Сейшельские Острова, Танзания, Тунис и Эфиопия.

В середине 2010-х годов большинство туристов из Китая приезжали в ЮАР, их число увеличилось в четыре раза [Ayenagbo, 2015, p. 176]. Как отмечает российский исследователь Т.Л. Дейч, на тот момент «КНР заняла четвертое место по количеству туристов в ЮАР» [Дейч, 2014, с. 232–233]. В 2012 г. китайцы отдыхали в Египте (172 тыс. человек), ЮАР (146 тыс.), Эфиопии (129 тыс.), Алжире (83 тыс.) и Кении (44 тыс.) [Africa Tourism Monitor, 2013, p. 20]. Эпидемия Эболы, теракты в Нигерии и Кении, события в Тунисе, отпугнувшие (с вескими на то основаниями) европейских туристов, не стали препятствием для гостей из Китая: к 2017 г. их число увеличилось почти до 800 тыс. Для африканской индустрии туризма привлечение китайских покупателей – это не столько вопрос маркетинга, сколько вопрос адаптации предлагаемого продукта. Например, в отличие от европейских и американских туристов, китайцы отдают предпочтение групповым турам. Это объясняется не только национальным менталитетом, но и соображениями безопасности. Многие африканские компании уже учитывают потребности китайских туристов, ряд отелей класса люкс адаптируют свою инфраструктуру, например, рестораны открывают новые площади для их комфортного питания. Разработана даже специ-

альная учебная гостиничная программа «Встреча китайских туристов».

Одним из препятствий для дальнейшего расширения потока туристов из КНР, который, по оценкам аналитиков, в обозримом будущем вполне может конкурировать с туристическим потоком из США, является визовая проблема.

Одним из лидеров в индустрии путешествий класса люкс является ведущая глобальная сеть туристических агентств *Virtuoso*, которая специализируется на роскошных и экспериментальных путешествиях, в том числе в Африку. Согласно ее отчету за 2018 г., Африка (прежде всего ЮАР, Ботсвана, Кения и Марокко) вошла в топ пяти главных туристических направлений. Одним из давних традиционных направлений остается Египет, прежде всего 11-дневный круиз по Нилу.

Гостиницы класса люкс: связь времен и культур

В 2021 г. в странах Африки были представлены следующие международные гостиничные бренды и сети: *Hard Rock Hotel* (Египет, Нигерия, Тунис, ЮАР), *Le Méridien* (Алжир, Египет), *Mövenpick Hotels & Resorts* (80 гостиниц), *One & Only* (Маврикий, ЮАР, Руанда), *Six Senses Resorts* (Сейшельские Острова), *Sofitel Hotels & Resorts* (Буркина-Фасо, Египет, Маврикий, Мадагаскар, Марокко, Кот-д'Ивуар, Экваториальная Гвинея), *Taj* (ЮАР, Замбия).

Международная сеть отелей класса люкс *Sofitel Hotels & Resorts* знаменита своей непревзойденной французской атмосферой. Над созданием вычурных отелей этой сети работали известные дизайнеры. Например, над интерьерами отеля *Sofitel So Mauritius* работал известный японский модельер и дизайнер Кензо Такада, основатель бренда и дома моды «Кензо» (скон-

чался от последствий ковида в Париже в октябре 2020 г.). Он создал эксклюзивный дизайнерский проект, выполненный в белой гамме с использованием зеленого и оранжевого цветов, напоминающих яркие краски природы острова. Основным декоративным элементом Кензо выбрал цветок гибискуса, который присутствует на всех декоративных элементах отелей (подушках, вазах, блюдах, пляжных сумках, униформе сотрудников).

В марте 2022 г. *Marriott International* (управляет более чем 120 объектами недвижимости в Африке) объявил об открытии в Кении в 2023 г. роскошного отеля *Marriott Masai Mara Lodge*¹⁶. Он будет расположен в национальном заповеднике Мара, но заявлено, что сохранение экологии и среды обитания местных жителей будут в центре внимания проекта. При этом планируется нанять около 50 человек из общины масаев, которые будут помогать создавать эксклюзивную, экзотическую атмосферу отеля.

Состоятельные туристы могут насладиться отдыхом не только в новых фешенебельных отелях, но и в изысканных отелях, имеющих давнюю историю. К ним относятся египетские отели *Mena House* (г. Эль-Гиза, открыт в 1886 г.), *Windsor Hotel* (г. Каир, построен в 1893 г.), *Villa Belle Epoque* (г. Каир, открыт в 1920 г.), *Cecil Hotel* (г. Александрия, открыт в 1929 г.), *Auberge Fayoum* (построен в оазисе в 1937 г.). В Марокко в числе таких отелей следует назвать элитный отель *La Mamounia*, который находится в бывшем дворце XII в., и *Royal Mansour* (оба находятся в г. Марракеш). Последний из отелей расположен на пяти гектарах садов, номера-люкс украшены

мрамором, шелковыми коврами, зеркалами с гравировкой, шторами с местной вышивкой и хрустальными люстрами знаменитой французской фирмы *Vaccarat*. Стоимость номеров начинается от 1 тыс. фунтов стерлингов.

В новых и «зрелых» отелях активно используются современные информационные технологии. Например, некоторые предоставляют своим клиентам айпады с закачанными в них программами гида и сервиса отеля.

Сегодня для многих элитных путешественников понятие «роскошь» означает не только икру во французской хрустальной розетке, дорогие апартаменты и прочие атрибуты яркой демонстрации богатства. Часто роскошь в путешествиях они понимают как незабываемые впечатления, конфиденциальность и уникальные воспоминания. Ряд отелей Африки сегодня предлагают VIP-туристам и то и другое.

Гостиничные операторы внедряют инновации: наряду с роскошными отелями (в комплексе с бутиками мировых брендов, полями для гольфа, салоны красоты, теннисными кортами, бассейнами и пр.), уже завоевавшими признание у искушенных VIP-потребителей, открываются эксклюзивные отели. Например, в Руанде отель *Bisate Lodge*, открытый в 2017 г. в Национальном парке вулканов (шесть двухспальных круглых вилл и ресторанно-рекреативный комплекс), встроен в кратер одного из них. Стоимость проживания на такой вилле – от 2,3 тыс. в межсезонье и от 2,9 тыс. долларов США в разгар сезона¹⁷. Одной из достопримечательностей там стала могила известного американского ученого Дайан Фосси, которая изучала го-

16 Maude Mainguy. Marriott annonce son premier pavillon safari de luxe en Afrique. – URL: <https://voyagesdaujourd'hui.com/2022/03/22/marriott-annonce-son-premier-pavillon-safari-de-luxe-en-afrique> (дата обращения: 05.06.2022).

17 Bisate Lodge. Ruhengeri, Rwanda // The Telegraph. – 2021. – URL: <https://www.telegraph.co.uk/travel/destinations/africa/rwanda/hotels/bisate-lodge-hotel> (дата обращения: 12.06.2022).

рилл в Руанде, была активным популяризатором дикой природы и борцом с браконьерством. А в Ботсване владельцы отеля *Jack's Camp*, построенного в полупустыне 25 лет назад, поставили кемпинговые палатки с роскошными ванными комнатами. Отмечается также тенденция открытия небольших отелей-бутиков, например *Silo Hotel* в Кейптауне (ЮАР), *Saxon Hotel* в Йоханнесбурге (ЮАР) и *Hemingways* в Найроби (Кения).

Элитный туризм неразрывно связан с элитной гастрономией. Их «священный союз» сложился исторически и присущ некоторым европейским странам с признанным гастрономическим наследием – прежде всего Франции, Италии и Испании. На некоторых курортах, в отелях или туристических объектах работают шеф-повара, обладающие звездами Мишлен. Например, в ЮАР на курорте *One & Only* (г. Кейптаун) им является шеф-повар ресторана *Reuben's* Ройбен Рифель. А в большом частном охотничьем заказнике *Tswalu Kalahari* (ЮАР), куда можно добраться только на частном самолете, работает Ян Хендрик ван дер Вестхейзен. В 2020 г. по мнению аналитиков туристического сайта *TripAdvisor* ресторан *La Colombe* (г. Кейптаун) вошел в рейтинг 15 лучших ресторанов мира.

Еще один «вечный спутник» элитного отдыха – игорный бизнес. В ряде африканских стран работают казино, а в ЮАР открыты отели-казино (*Sun City*, *The Palace of the Lost City*, *The Palazzo Montecasino*, *SunSquare Montecasino*, *Club Mykonos Langebaan*). В Анголе Министерство туризма активно продвигает идею организации в стране игорного бизнеса.

Объемы участия африканского капитала в элитном сегменте индустрии разнятся по странам, в некоторых в нем участвует государство. При этом в корпоративном пейзаже часто происходит

смена владельцев (или долей во владении) и управления отелями.

Благодаря развитию элитного туризма появляются новые рабочие места, в том числе для молодежи, составляющей большую часть населения Африки. Например, в 2017 г. на Сейшельских островах новые рабочие места (26,5% от общего числа) были созданы за счет прямой занятости в индустрии туризма. На Маврикии в 2012 г. эта цифра составила 7,2%, в Марокко – 7,1%. Однако, за исключением нескольких стран, таких как Маврикий и Сейшельские Острова, где доля сектора туризма в экономике особенно велика, туризм в Африке всё еще находится на ранней стадии развития.

Несмотря на обилие достопримечательностей природного («лунные» пейзажи в Тунисе и Намибии, эндемики Мадагаскара (например, лемуры) и других островов) и культурного характера (на континенте – целый ряд объектов, которые входят в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, только на Мадагаскаре их четыре), Африка по объему посещающих ее гостей пока не заняла достойную нишу в международном туризме. В 2015–2017 гг. африканские страны в качестве места своего отдыха (в том числе клиенты VIP-услуг) избрали только 4,2% туристов [Collins, 2018]. В пространственной структуре мирового туризма исследователи причисляют Африку (наряду со странами Южной Азии) к группе так называемой Глубокой периферии [Александрова, 2009, с. 24]. В этом регионе туризм, прежде всего элитный, носит анклавный характер. К тому же роскошь фешенебельных курортов, построенных с привлечением иностранного капитала, часто резко контрастирует с окружающей их социально-экономической средой, которую характеризуют патриархальный уклад жизни местного населения и отсталая экономика.

Выездной африканский туризм

В Африке превалирует въездной элитный туризм, так как высокие доходы от вложенных средств именно в этот сегмент экономически выгодны как инвесторам, так и местным бизнесменам и государству. В меньшей степени развит выездной туризм. Несколько десятилетий назад роскошный вид отдыха за рубежом был прерогативой лидеров стран и их близкого окружения, крупных бизнесменов (в странах с частным капиталом). С либерализацией экономики в начале 1990-х годов, получением крупных траншей от Всемирного банка (ВБ) и Международного валютного фонда (МВФ) категория туристов значительно расширилась. Это не всегда было связано с успешным бизнесом, так как во многих африканских странах представителей крупного бизнеса, как и политические элиты, затронула коррупция. За коррупцию и расхищение государственных средств преследовались с разными результатами главы государств и первые леди Бен Али и Лейла Трабелси (Тунис), Хосни и Сюзанна Мубарак (Египет), Хиссен Хабре (Чад), Фредерик и Регина Чилуба (Замбия), Пейшенс Джонатан, Стелла Обасанджо (Нигерия), обвинения в коррупции часто звучали также в адрес Грейс Мугабе, супруги бывшего президента Зимбабве Роберта Мугабе [Прокопенко, 2022, с. 80–92]. Поэтому их дорогостоящие зарубежные вояжи вызывали справедливую критику у сограждан, уровень жизни большинства которых невысок.

Сегодня состоятельные африканцы стали крупными и постоянными потребителями на мировом рынке предметов роскоши, в том числе элитных путешествий. Нигерия, экономика которой фактически базируется на добыче

и экспорте нефти, «...обладает огромным туристическим потенциалом» [Денисова, 2020, с. 230], там существует богатая клиентура. С 2008 г. в стране работает компания *VIP Express Tourism*, которая предоставляет состоятельным нигерийцам возможность эксклюзивного отдыха на более чем 5 000 курортах в более чем 100 странах¹⁸.

Появились африканские пропагандисты развития элитного сегмента. Например, с 2016 г. Корали Омгба – молодой девелопер (получила образование в области финансов), консультант и разработчик бизнеса в секторе предметов роскоши в Африке, в том числе в сфере элитного туризма, – провела несколько мероприятий под названием *Africa in a New Era* (в Париже, Женеве), посвященных теме нишевой роскоши в странах Африки южнее Сахары.

Однако в условиях низкого уровня жизни населения во многих странах континента развитие выездного туризма, тем более элитного, весьма проблематично.

Конкурентоспособность элитного туризма, тема устойчивого развития

На конкурентоспособность страны на туристическом рынке значительно и непосредственно влияет ее имидж. По мнению экономистов, он выступает «...материальным фактором, стимулирующим социально-экономическое развитие территории путем привлечения капитала, инноваций и экономически активного населения» [Ползунова, Васильева, 2020, с. 154]. В этом плане большое значение имеют внешняя политика властей, направленная на открытость, политическая обстановка

18 Onikoyi A. VIP Express Tourism Nigeria announces 10th year anniversary // Vanguard. – 2018. – March 25. – URL: <https://www.vanguardngr.com/2018/03/vip-express-tourism-nigeria-announces-10th-year-anniversary> (дата обращения: 10.06.2022).

в стране, отсутствие или минимизация криминогенности, свободные СМИ, дающие достоверную информацию, в том числе о местной культуре и достопримечательностях. Некоторые исследователи [Rajesh, 2013; Marshalls, 2010] предлагают странам континента модели туристического маркетинга и ребрендинга. Расширению знаний о континенте способствуют выставки разного уровня, поэтому Африка стала местом проведения престижных международных выставок в сфере туризма. С 2014 г. под эгидой недели путешествий по Африке (*Africa Travel Week, ATW*), которая проводится в ЮАР, на континенте начала свою деятельность международная выставочная компания *World Travel Market (WTM)*. В выставке *WTM Africa 2019*, проходившей в г. Кейптаун (ЮАР), участвовали 6 263 профессионала индустрии туризма со всего мира, в числе которых были 914 активных, хорошо зарекомендовавших себя покупателей. Главными направлениями были названы приключенческие путешествия, сафари-отпуск, деловой туризм и отдых в городах.

В расширение знаний об Африке свою лепту вносит Россия; их связывает многолетняя история помощи молодым независимым странам и развития партнерских отношений. В этом значимая роль принадлежит российским африканистам, прежде всего ученым из Института Африки РАН – «главного мозгового центра российской африканистики» [Абрамова, 2019, с. 7]. Необходимо повышать качественный уровень работ страноведческого характера, чтобы избежать ситуации, когда, как отмечает российский ученый А.В. Кузнецов, «...глубокие страноведческие исследования всё чаще

подменяются в России подготовкой путеводителей по зарубежным государствам...» [Кузнецов, 2021, с. 7].

Многие туристические компании давно работают в элитном сегменте туризма по африканскому направлению. Некоторые разработали специальные схемы, например по обеспечению комфортного и безопасного отдыха одиноким состоятельными VIP-клиентам, людям с ограниченными физическими возможностями. Ориентированные на VIP-клиентуру африканские туристические фирмы работают, используя мировой опыт маркетинга в данной отрасли экономики.

К традиционным видам элитного туризма (сафари, пляжный и круизный отдых) добавились новые направления, например элитный экологический туризм (очень перспективное направление для региона), свадебные туры и велнес-туризм, ставящий целью самосовершенствование, физическое омоложение, гармоническое развитие тела и души, а также авторские туры, разработанные в том числе местными специалистами.

Но иногда слоганы и рекламные тексты некоторых специализирующихся на путешествиях в Африку туркомпаний, в том числе с хорошей репутацией, грешат громкими эпитетами и избыточной хвалебностью. Например, британская туристическая фирма *Mahlatini*¹⁹ прямо заявляет о своей уникальности: «Узнайте, что делает нас уникальными и почему Махлатини – ваш идеальный партнер по путешествиям в Африке. Мы работаем только с лучшими поставщиками и гидами»²⁰. Слоган российской фирмы «Африка Трэвел» (работает на рынке с 2012 г.) гласит: «"Африка Трэвел" – Ваш надежный партнер

19 В переводе с зулусского языка – «любитель африканской дикой природы», работает с 2002 г., имеет представительство в г. Кейптаун.

20 Mahlatini. Our Story. – URL: <https://www.mahlatini.com/about-mahlatini> (дата обращения: 07.06.2022).

по Африканскому континенту, предоставляющий самые выгодные условия!»²¹. А на сайте южноафриканской *Africa Elite Travel* (создана в 2001 г.) заявляется: «Удовлетворенность наших клиентов – это свидетельство того, что наше стремление к совершенству не имеет себе равных»²².

В то же время некоторые фирмы обходятся без громких, многообещающих слоганов и рекламных текстов опытных копирайтеров. Например, ёмкая и четкая информация на сайте московской туристической компании «Килиманджаро» подается без лишних эпитетов в превосходной степени, а о предоставлении VIP-услуг говорится следующим образом: «Компания «Килиманджаро» предоставляет большой выбор туров по Африке, учитывая пожелания и возможности клиентов»²³. При этом созданная в 2004 г. компания продолжает работать, в числе ее сотрудников есть те, кто посвятил многие годы профессиональному изучению Африки.

В XXI в. развитию туристической индустрии, в том числе в африканских странах, значительно способствуют информационные технологии. Интернет создает условия для продвижения новых, менее известных мест на Африканском континенте. Обмен опытом в социальных сетях привнес новый элемент в VIP-путешествия по Африке, а туристическим фирмам это позволяет экономить средства бюджета на маркетинг. Исследователи из Маврикия, изучавшие развитие отрасли там за период с 1995 по 2017 г., отмечают, что социальные сети, в частности *Facebook* (запрещен в России), благодаря рекламе и отзывам побывавших на острове гостей, внесли весомый положительный

вклад в развитие туризма [Fauzel, Tanderayen-Ragoobur, 2022, p. 464]. В то же время информационные технологии выполняют не только функцию передачи и обмена информацией – с их помощью ведется сама коммерческая деятельность в туристической отрасли.

Туризм играет важную роль для устойчивого развития африканских государств. Работающая в Африке глобальная сеть турагентств *Virtuoso* в свою миссию устойчивого развития включила три пункта предлагаемых VIP-путешествий: они должны «защищать планету, поддерживать местную экономику и сохранять культурное наследие тех стран, которые посещают клиенты»²⁴ [Sustainability, 2022]. Однако не все международные и национальные компании придерживаются подобных принципов.

Устойчивый туризм часто ассоциируется с «экотуризмом», в основе которого лежит ответственное путешествие в природные зоны и среду местных жителей. Некоторые пожелания богатых туристов могут идти вразрез или не полностью соответствовать понятию устойчивого туризма, поэтому встает проблема информированности туристов об ответственности за возможные нарушения местного законодательства.

Среди экологов, культурологов и представителей различных НПО ведутся споры о балансе пользы и вреда для дикой природы Африки такого вида элитного отдыха, как сафари. Современное сафари по уровню комфорта значительно отличается от условий, в которых оказался герой рассказа Эрнста Хемингуэя «Снега Килиманджаро» Гарри, да и условий самого пистолета, любившего охотиться в Африке

21 О компании Африка Трэвел. – URL: <https://africatravel.africa/o-kompanii> (дата обращения: 12.06.2022).

22 Africa Elite Travel. Southern Africa DMC and Tour Operator. – URL: <https://africaelitetravel.com> (дата обращения: 12.06.2022).

23 Килиманджаро. – URL: <http://www.kiliman.info/o-kompanii> (дата обращения: 08.06.2022).

24 Virtuoso. Sustainability. – URL: <https://www.virtuoso.com/why-virtuoso/Sustainability> (дата обращения: 07.06.2022).

(на севере Танзании). Сегодня сафари класса люкс по желанию гостя окутано флером роскоши и комфорта. Но подобный отдых мало сопряжен с познанием континента. Африканское сафари в большинстве случаев представляет собой изолированную форму взаимодействия гостей с Африкой, так как они прибывают из аэропортов на курорты или в прилегающие к ним охотничьи угодья и взаимодействуют там только с узким кругом местного обученного персонала. Поэтому, как отмечают некоторые западные исследователи, например, Тодд Кливленд (США), сафари являются «неподлинной и поверхностной формой общения туристов с Африкой» [Cleveland, 2021, p. 18]. Тем не менее многие туристы со всего мира воспринимают этот вид отдыха как путешествие всей жизни.

Развитие индустрии туризма, которая развивает общество и его жизненную среду, а не наносит им вред, – вот важная задача, в которой немалая роль принадлежит и государству.

Трудности, препятствия, негативные последствия развития индустрии

Становление и дальнейшее развитие элитного туризма сопряжено с целым рядом трудностей. В числе главных факторов, мешающих его развитию, следует назвать проблему безопасности (неблагоприятная политическая обстановка, терроризм, нападения на морские суда, захваты заложников, межэтнические конфликты, уличная преступность). К резкому сокращению притока иностранных туристов, например, привели события «арабской весны» в Египте (14,7 млн человек в 2010 г. –

9,5 млн человек в 2013 г.) [UNWTO Tourism..., 2016] и Тунисе, а также *террористические акты* в Кении. Отпугивающим фактором является и состояние санитарно-эпидемиологической обстановки в странах континента.

Важным препятствием является неразвитость инфраструктуры, в первую очередь авиасообщения, ограниченность контингента подготовленных кадров. Аналитики отмечают, что в некоторых развивающихся странах, в том числе в Африке, «...туристский пропускной потенциал оказался ниже реальных нагрузок, и там стали проявляться определенные негативные последствия – экономические, социальные и экологические» [Экономика туризма, 2014, с. 276]. По некоторым оценкам, из 3,9 млн гостиничных номеров в странах Африки южнее Сахары только 10% соответствуют международным стандартам. Расходы на открытие и развитие отелей остаются высокими, например, в Нигерии в 2013 г. на номер в отеле среднего класса с полным комплексом услуг расходовалось 400 тыс. долларов США, в Гане – 250 тыс. долларов, что выше средней стоимости (200 тыс. долларов США) на подобный номер в других странах мира²⁵. В числе причин следует также назвать коррупцию, так как подарки и взятки местным чиновникам традиционно становятся необходимым условием для успешного ведения бизнеса.

Одним из препятствий для дальнейшего расширения потока туристов является визовая проблема. Понимая это, за последние годы 13 африканских стран ввели электронные визы.

Базой для элитного туризма в Африке стал интерес иностранцев к континенту, который с успехом использовали пионеры отрасли и построили

25 Harnessing Tourism for Jobs, Growth and Opportunity in Africa // World Bank Fact Sheet. – 2013. – URL: <https://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/Africa/Report/africa-tourism-report-2013-factsheet.pdf> (дата обращения: 09.06.2022).

свою туристическую империю. Пре-валирование этого сегмента туризма критикуют некоторые африканские специалисты. В 2017 г. в г. Найроби (Кения) прошел семинар «Устойчивый туризм в Африке». Основатель и исполнительный директор Программы устойчивого туризма и путешествий (*Sustainable Travel & Tourism Agenda, STTA*) Джуди Кепхер-Гона (африканка из Кении), говоря об элитном туризме в Африке, прямо назвала сложившуюся ситуацию «захватом отрасли», что является «препятствием для роста других сегментов туризма, прежде всего внутреннего»²⁶.

В странах Африки для дальнейшего развития VIP-туризма, как и отрасли в целом, важным фактором является привлечение богатых представителей африканской диаспоры, которая также может инвестировать в отрасль и пропагандировать преимущества местного отдыха. Но для эффективного развития туризма класса люкс недостаточно участия только частного капитала. Как отмечает российский исследователь С.В. Костелянец, «...рост туристической индустрии невозможен без согласованной и скоординированной государственной политики развития не только самого туризма, но и смежных отраслей – транспортной инфраструктуры, сельского хозяйства, торговли и других секторов национальной экономики» [Костелянец, 2020, с. 284]. Развитию авиаперевозок способствуют местные частные компании, например, *South African Airways* запустила собственный бренд лоукостеров *Mango*, авиакомпания *Jambo Jet*, принадлежащая *Kenya Airways*, предлагает услуги по поездкам в Эфиопию.

Развитие туризма, несомненно, стимулирует экономический рост и социальное развитие страны, однако у этого процесса есть и обратная сторона. Постепенно туристический сектор экономики начинает негативно воздействовать на окружающую среду за счет истощения местных природных ресурсов, увеличения выбросов углекислого газа, шумовых загрязнений, мусора и твердых отходов, а также сильного загрязнения воздуха. Исследователи из Маврикия, проводившие анализ этого процесса в стране за период 1980–2018 гг., отмечают, что «...опция развития туризма является фактором, способствующим деградации окружающей среды» [Fauzel, Tandrayen-Ragoobur, 2021, p. 9], отмечая при этом эффективные меры правительства по борьбе с негативными последствиями развития индустрии туризма.

У развития туризма, в том числе класса люкс, есть еще одна обратная негативная сторона – рост рынка торговли секс-услугами²⁷, главные потребители которого – туристы (в том числе VIP-туристы) из Европы и США. Основной причиной роста этого рынка является низкий уровень жизни населения. При этом ряд африканских исследователей, например Ваньохы Кибичо (Кения), отмечают фактор значительного омоложения местных «кадров» коммерческих секс-работников [Kibicho, 2009, p. 76]. Развитие рынка секс-услуг подрывает устойчивости традиционного африканского общества, в котором секс, как правило, коррелируется с браком. Это не только морально-этическая, но и социальная проблема, так как проституция тесно связана с ВИЧ/СПИД, который по-прежнему

26 Sustainable Tourism in Africa MKTE 2017 by Judy Kheper-Gona. – URL: <https://traveldiscoverkenya.com/ru/sustainable-tourism-in-africa-mkte-2017-by-judy-kepher-gona> (дата обращения: 08.06.2022).

27 До независимости в африканских странах рынок секс-услуг существовал в зачаточном состоянии и в подавляющем большинстве был ориентирован на охотников сафари.

представляет угрозу развитию многих африканских стран.

Проблема подготовки кадров

Туристическим компаниям Африки, работающим с VIP-клиентурой, необходимо повышать свое соответствие отраслевым международным стандартам деятельности и корпоративным управлению. Для этого необходимы профессиональные кадры. В странах Магриба, ЮАР и островных африканских государствах (Маврикий, Сейшельские Острова, Реюньон) существует исторически сложившаяся школа по приему VIP-гостей, что позволяет там работать с клиентами класса люкс по высоким стандартам качества²⁸. Профессиональная подготовка кадров особенно актуальна для «новых» участников элитного сегмента сектора, например, для Руанды и Кот-д'Ивуара. Первые успехи в этом направлении делают, например, профессиональные учреждения Мали (школы гостиничного бизнеса *Grand Bassam*, *Vatel*, *Cheick Cissé*) и Кот-д'Ивуара.

В подготовке кадров для африканской туристической индустрии оказывают помощь иностранные партнеры. Так, *Starwood Hotels & Resorts Worldwide* и девять других глобальных компаний присоединились к инициативе Глобального партнерства в сфере путешествий и туризма (*The Global Travel & Tourism Partnership, GTTP*), чтобы ознакомить африканских учащихся средних школ с возможностями карьерного роста в сфере путешествий и туризма. Программы *GTTP* реализуются в шко-

лах ЮАР, Кении и Танзании, а в ЮАР эта программа стала частью национальной учебной программы. В плане подготовки кадров для африканской туриндустрии активно действуют также глобальные компании *Amadeus*, *American Express*, *Carlson Wagonlit Travel*, *Enterprise Holdings*, *Hertz*, *Lufthansa* и *Travelport* [Africa Tourism Monitor, 2013, p. 9].

Определенный вклад в подготовку кадров для африканской индустрии туризма вносят различные НПО, например некоммерческая ассоциация *OKIRI* (в переводе с одного из языков группы банту означает «увидимся завтра»), которую возглавляет Корали Оммба. Организация работает над расширением доступа к специализированному обучению в странах Африки, пропагандирует разработку национальных программ подготовки специалистов на базе международных нормативов, но с учетом местных культурных кодов. К. Оммба удалось установить партнерские отношения с университетом гостиничного менеджмента в г. Лозанна (Швейцария) (*Ecole Hôtelière de Lausanne*), одного из лучших учебных заведений мира в этой области.

Перспективы развития элитного туризма после пандемии COVID-19

На индустрии туризма в Африке, которая отличается от других регионов в основном дальними поездками, пандемия COVID-19 отразилась особенно остро. В 2020 г. падение числа прибывших в африканские страны по сравнению с 2019 г. составило 64%²⁹. Это при-

28 Эффективный прием VIP-клиентов – это не только высокое качество перелета, отелей и питания, но и создание полного комфорта, благодаря информации об их вкусах, привычках, аспектах здоровья. Это помогает избежать конфликтов или даже угрозы жизни клиента, например при наличии у него аллергии на арахис или морепродукты.

29 Tourism Grows 4% in 2021 but Remains Far Below Pre-Pandemic Levels // UNWTO. – 2022. – 18 January. – URL: <https://www.unwto.org/news/tourism-grows-4-in-2021-but-remains-far-below-pre-pandemic-levels> (дата обращения: 12.06.2022).

вело к резкому сокращению ВВП тех стран, экономика которых существует в основном за счет доходов от туризма, главным образом элитного (например, Маврикий и Сейшельские Острова). Как отмечает российский ученый И.О. Абрамова, «...в Африке был реализован целый комплекс мер, направленных на стабилизацию социально-экономической ситуации» [Абрамова, 2020, с. 52]. К ним она относит государственную поддержку важнейших секторов экономики, в том числе туризм. В результате в 2021 г. ситуация несколько улучшилась и, согласно данным ЮНВТО, число туристов, прибывших в африканские страны, увеличилось на 12%³⁰.

В 2021 г. основным сдерживающим фактором возобновления туризма в Африку, в том числе элитного, было требование дорогостоящих ПЦР-тестов на COVID-19 (72 часа до въезда) для вакцинированных иностранных туристов. Их отмена в феврале-марте 2022 г. Ботсваной, Кенией, Маврикием, Намибией, Танзанией и ЮАР стала шагом к возрождению туризма.

В апреле 2022 г. в г. Кейптаун (ЮАР) прошла очередная конференция *Africa Travel Week*, которую официально открыл мэр города Джорджин Хилл-Льюис. Среди докладчиков был главный эксперт ЮНВТО по коммуникациям в Африке Коджо Бентам-Уильямс, основатель и издатель африканского издания о путешествиях и туризме *Voyages Afriq*. Многие докладчики отмечали, что 2022-й – важный и значимый год для африканского туризма. В отчете меро-

приятия были выделены десять важных тенденций, которые будут определять путешествия и туризм в Африку после пандемии COVID-19, в том числе признание африканской кухни, разнообразие предоставляемых туристических услуг, развитие технологий и межличностных коммуникаций, расширение и совершенствование обслуживающего персонала, развитие семейного отдыха одновременно для нескольких поколений. Одной из тенденций было также названо то, что в сегменте VIP-туризма главный упор будет делаться «на интересные направления и маршруты, эксклюзивное «бегство от окружающих» в отдаленные места»³¹.

А в мае 2022 г. в том же Кейптауне прошла очередная выставка *WTM Africa*. В докладе организаторов выставки отмечалось, что «восстановление туризма в Африке происходит в основном за счет бизнес-туристов и VIP-путешественников из Франции, США и Великобритании»³². Комментируя результаты выставки, журналист и аналитик африканской туристической индустрии Дорин Рейнстейн (ЮАР), отметила «заметный рост интереса со стороны путешественников из США, желающих посетить ЮАР»³³. Это подтверждает последняя информация о возобновлении и развитии авиа-сообщения между этими странами.

Один из главных выводов исследования: важной особенностью VIP-туризма в Африке является то, что вы-

30 Tourism Grows 4% in 2021 but Remains Far Below Pre-Pandemic Levels // UNWTO. – 2022. – 18 January. – URL: <https://www.unwto.org/news/tourism-grows-4-in-2021-but-remains-far-below-pre-pandemic-levels> (дата обращения: 12.06.2022).

31 Africa Travel Week shares top 10 trends for tourism to Africa. – URL: https://media.bigambitions.co.za/press_release/africa-travel-week-shares-top-10-trends-for-tourism-to-africa (дата обращения: 12.06.2022).

32 Workcation and luxury trends will lead tourism recovery. – URL: <https://thenewspaper.co.za/workcation-and-luxury-trends-will-lead-tourism-recovery> (дата обращения: 11.06.2022).

33 Reinstein D. America leads a tourism comeback in Africa. – URL: <https://www.travelweekly.com/Middle-East-Africa-Travel/Insights/African-officials-credit-US-for-tourism-rebound> (дата обращения: 10.06.2022).

сокие стандарты обслуживания, которые формируются в его сфере, с течением времени распространяются на другие сегменты туристского рынка и в целом способствуют его подъему. Таким образом, элитный туризм становится туристским катализатором.

Развитие элитного сегмента туризма при поддержке государства может обеспечить африканским странам дальнейший приток иностранных инвестиций, получение значительных валютных доходов в госбюджет, открытие новых рабочих мест, что позволит эффективнее решать социально-экономические проблемы и идти по пути устойчивого развития.

Список литературы

- Абрамова И.О. Институт Африки РАН – главный мозговой центр российской африканистики // Ученые записки Института Африки РАН. – 2019. – № 4 (49). – С. 7–13. – DOI: 10.31132/2412-5717-2019-49-4-7-13.
- Абрамова И.О. Коронавирус в Африке: социально-экономические и политические последствия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13, № 5. – С. 38–56. – DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-3.
- Александрова А.Ю. Структурно-функциональный анализ туристического пространства мира // Вестник Московского университета. Серия 5 : География. – 2009. – № 4. – С. 21–26.
- Дейч Т.Л. Китай «завоевывает» Африку. – Москва : Институт Африки РАН. – 2014. – 380 с.
- Костелянец С.В. Заключение // Туризм в Африке: проблемы и перспективы / отв. ред. Н.В. Гришина и С.В. Костелянец. – Москва : Институт Африки РАН. – 2020. – С. 284–288.
- Кузнецов А.В. Кризис страноведения в России на фоне растущего спроса на знания о зарубежных странах и регионах // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 6–25. – DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-1.
- Ползунова Н.Н., Васильева А.Д. Имидж территории как конкурентное преимущество // Международный и российский туризм в условиях новых вызовов : сб. ст. – Москва : МГУ, 2020. – С. 148–157.
- Прокопенко Л.Я. Супруги на олимпе власти: роль «первой пары» в Африке, влияние ее имиджа на имидж страны // Ученые записки Института Африки РАН. – 2022. – № 1 (58). – С. 82–100. – DOI: 10.31132/2412-5717-2022-58-1-82-100.
- Экономика туризма : учебник / Морозов М.А., Морозова Н.С., Карпова Г.А., Хорева Л.В. – Москва : Федеральное агентство по туризму, 2014. – 320 с.
- Africa Tourism Monitor. – 2013. – Vol. 1, N 1. – 26 p. – URL: https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/September_2013_-_Africa_Tourism_Monitor.pdf (дата обращения: 12.06.2022).
- Ayenagbo K. Sino-Africa Economic and Chinese Foreign Direct Investment in Africa on Bilateral Trade Relations // Journal of African Studies and Development. – 2015. – Vol. 7, N 7. – P. 172–182. – DOI: 10.5897/JASD2015.0339.
- Cleveland T. A History of Tourism in Africa Exoticization, Exploitation, and Enrichment (Africa in World History). – Ohio University Press, 2021. – 216 с.
- Fauzel S., Tandrayen-Ragoobur V. Sustainable development and tourism growth in an island economy: a dynamic investigation // Journal of Policy Research in Tourism Leisure and Events. – 2021. – DOI: 10.1080/19407963.2021.1958825.

Fauzel S., Tandrayen-Ragoobur V. Social media and tourism development in Africa: an empirical investigation // *Geography, Planning and Tourism*. – 2022. – P. 464–474. – DOI: 10.4337/9781800371415.00046.

Gheorghe C.-M., Rosu T. Developing Africa as a luxury destination // *Romanian Economic Business Review*. – 2021, – Vol. 16, N 2. – P. 124–130. – URL: <http://www.rebe.rau.ro/RePEc/rau/journal/SU21/REBE-SU21-A11.pdf> (дата обращения: 15.09.2022)

Ighobor K., Haidara A. Tourism in Africa is slowly coming of age // *Africa Renewal*. – 2012. – August. – URL: <https://www.un.org/africarenewal/magazine/august-2012/tourism-africa-slowly-coming-age> (дата обращения: 08.06.2022).

Kibicho W. Sex Tourism in Africa: Kenya's Booming Industry. – Ashgate Publishing Ltd., 2009. – 248 p.

Marshall M. Country Image and Its Effects in Promoting a Tourist Destination: A Case Study of South African Im-

age. – Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2009. – 92 p.

Rajesh R. Impact of tourist perceptions, destination image and tourist satisfaction on destination loyalty: A conceptual model // *Pasos Journal of Tourism and Cultural Heritage*. – 2013. – Vol. 11, N 3. – P. 67–78. – DOI: 10.25145/j.pasos.2013.11.039.

Saayman M., Saayman A. Shopping Tourism or Tourists Shopping? A Case Study of South Africa's African Tourism Market // *Tourism Economics*. – 2012. – Vol. 18, N 6. – P. 1313–1329. – DOI: 10.5367/te.2012.0169.

UNWTO Tourism Highlight. 2016 Edition. – 2016. – 16p. – URL: <https://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284418145> (дата обращения: 17.09.2022).

UNWTO Tourism Highlights. 2018 Edition. – 2018. – 20 p. – URL: <https://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284419876> (дата обращения: 24.09.2022).

From the Point of Economics

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.08

Luxury Tourism Industry in Africa: History, Development, Challenges and Prospects after the COVID-19 Pandemic

Liubov Ya. PROKOPENKO

PhD in History, Senior Researcher of the Centre for Tropical Africa Studies

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001

E-mail: skole60@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1121-8828

CITATION: Prokopenko L.Ya. (2022). Luxury Tourism Industry in Africa: History, Development, Challenges and Prospects after the COVID-19 Pandemic. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 4, pp. 137–158 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2022.04.08

Received: 15.06.2022.

Revised: 26.09.2022.

ABSTRACT. *The article analyzes the development of luxury tourism in Africa which became one of the fastest growing tourism continents at the turn of the 21st century. Luxury tourism industry provides the lion's share of foreign exchange earnings to state budgets, so the governments of a number of countries pay special attention to its development. Representing an economically profitable area for investment of local and foreign capital, it is developing both in traditional places of attraction for foreign tourists (for example, in Egypt, Mauritius, Seychelles, Tunisia, South Africa), and in the countries that have recently begun to develop this segment of their tourism industry.*

The author acknowledges main characters of luxury tourism in Africa similar to that in other parts of the world: the highest quality of services provided focused on the comfort and the safety of customers, the exclusivity of the tours offered, an individual approach to the client, long-standing and

strong ties with tour operators in a large number of countries. The richness and originality of the cultures of numerous peoples of the continent, the diversity of natural landscapes, endemic flora and fauna are additional advantages for the tourists choosing Africa for recreation.

Many countries of the continent still remain among the poorest in the world, so the development of the tourism industry in Africa, including its luxury segment, affects employment and creation of new jobs directly and indirectly, and it helps to solve one of the most important social problems, that is of the unemployment.

The conclusion is made that the progress of this branch is hampered by the insufficient development of infrastructure and the lack of specialized personnel and educational institutions for their training. Further sustainable development of tourism in Africa, including luxury tourism, depends on the stability of the internal political sit-

uation there, the fight against crime and infectious diseases, and the solution of the visa problems.

KEYWORDS: *luxury tourism industry, Africa, luxury service consumers, hotels, comfort, exclusivity, competitiveness, problem with qualified personnel, government policy, sustainable development, COVID-19, prospects.*

References

- Abramova I.O. (2019). The Main African Studies Think Tank in Russia. *Journal of the Institute for African Studies*, vol. 4, no. 49, pp. 7–13 (in Russian). DOI: 10.31132/2412-5717-2019-49-4-7-13.
- Abramova I.O. (2020). Coronavirus in Africa: Social, Economic and Political Consequences. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, vol. 13, no. 5, pp. 38–56 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-3.
- Africa Tourism Monitor* (2013). Vol. 1, no. 1, 26 pp. Available at: https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/September_2013_-_Africa_Tourism_Monitor.pdf, accessed 12.06.2022.
- Alexandrova A.Yu. (2009). Structural-facial analysis of the world touristic space. *Vestnik MGU. Series 5: Geography*, no. 4, pp. 21–26 (in Russian).
- Ayenagbo K. (2015). Sino-Africa Economic and Chinese Foreign Direct Investment in Africa on Bilateral Trade Relations. *Journal of African Studies and Development*, vol. 7, no. 7, pp. 172–182. DOI: 10.5897/JASD2015.0339.
- Cleveland T. (2021). *A History of Tourism in Africa Exoticization, Exploitation, and Enrichment (Africa in World History)*. Ohio University Press, 216 pp.
- Deych T.L. (2014). *China “Conquers” Africa*, Moscow: Institute for African Studies of the RAS, 380 pp. (in Russian).
- Ekonomika turizma... (2014). Morozov M.A. [et al.]. *Tourism Economy: textbook*. Moscow : Federal Agency for Tourism, 320 pp. (in Russian).
- Fauzel S., Tandrayen-Ragoobur V. (2021). Sustainable development and tourism growth in an island economy: a dynamic investigation. *Journal of Policy Research in Tourism Leisure and Events*. DOI: 10.1080/19407963.2021.1958825.
- Fauzel S., Tandrayen-Ragoobur V. (2022). Social media and tourism development in Africa: an empirical investigation. *Geography, Planning and Tourism*, pp. 464–474. DOI: 10.4337/9781800371415.00046.
- Gheorghe C.-M., Rosu T. (2021). Developing Africa as a luxury destination. *Romanian Economic Business Review*, vol. 16, no. 2, pp. 124–130. Available at: <http://www.rebe.rau.ro/RePEc/rau/journal/SU21/REBE-SU21-A11.pdf>, accessed 15.09.2022.
- Ighobor K., Haidara A. (2012). Tourism in Africa is slowly coming of age. *Africa Renewal*. Available at: <https://www.un.org/africarenewal/magazine/august-2012/tourism-africa-slowly-coming-age>, accessed 08.06.2022.
- Kibicho W. (2009). *Sex Tourism in Africa: Kenya’s Booming Industry*. Ashgate Publishing Ltd., 248 pp.
- Kostelyanets S.V. (2020). Conclusion. In: Grishina N.V., Kostelyanets S.V. (eds.). *Tourism in Africa: problems and prospects*. Moscow : Institute for African Studies of the RAS, pp. 284–288 (in Russian).
- Kuznetsov A.V. (2021). The Crisis of Country Studies in Russia amid the Growing Demand for Knowledge about Foreign Countries and Regions, *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, vol. 14, no. 6, pp. 6–25 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-1.
- Marshall M. (2009). *Country Image and Its Effects in Promoting a Tourist Destination: A Case Study of South African*

Image. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 92 pp.

Polzunova N.N., Vasilyeva A.D. (2020). The Image of a Territory as a Competitive Advantage. *International and Russian Tourism in the Context of New Challenges. Digest of articles*. Moscow University, pp. 148–157 (in Russian).

Prokopenko L.Ya. (2022). Spouses on the Olympus of power: the role of the “First Couple” in Africa, influence of its image on the image of the country. *Journal of the Institute for African Studies*, vol. 1, no. 58, pp. 82–100 (in Russian). DOI: 10.31132/2412-5717-2022-58-1-82-100.

Rajesh R. (2013). Impact of tourist perceptions, destination image and tourist satisfaction on destination loyalty: A con-

ceptual model. *Pasos Journal of Tourism and Cultural Heritage*, vol. 11, no. 3, pp. 67–78. DOI: 10.25145/j.pasos.2013.11.039.

Saayman M., Saayman A. (2012). Shopping Tourism or Tourists Shopping? A Case Study of South Africa's African Tourism Market. *Tourism Economics*, vol. 18, no. 6, pp. 1313–1329. DOI: 10.5367/te.2012.0169.

UNWTO Tourism Highlight 2016 Edition. (2016). 16 pp. Available at: <https://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284418145>, accessed 17.09.2022.

UNWTO Tourism Highlights 2018 Edition. (2018). 20 pp. Available at: <https://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284419876>, accessed 24.09.2022.

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.09

Продовольственная безопасность стран Западной Африки на современном этапе: тенденции, проблемы и решения

Нина Германовна ГАВРИЛОВА

младший научный сотрудник Центра изучения проблем переходной экономики
Институт Африки РАН

ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001

E-mail: ninagavrilova1976@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0176-7804

ЦИТИРОВАНИЕ: Гаврилова Н.Г. Продовольственная безопасность стран Западной Африки на современном этапе: тенденции, проблемы и решения // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 4. С. 159–180.

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.09

Статья поступила в редакцию 01.06.2022.

Исправленный текст представлен 01.09.2022.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется продовольственная безопасность стран Западной Африки и дается ее оценка. На основе информационно-библиографического обзора трудов российских и зарубежных африканистов, касающихся продовольственной безопасности стран Африки и состояния их сельского хозяйства, а также статистического исследования, построенного на анализе баз данных и отчетов, содержащих профильную информацию, автор приходит к выводу, что современное сельское хозяйство не обеспечивает жителям стран Западной Африки должного уровня продовольственной безопасности.

Выявленные причины этого уходят корнями в 1960-е годы, когда западно-африканские страны стали получать независимость и перестраивать свои экономики с аграрного сектора на до-

поддержку сельскохозяйственного производства.

Благодаря следованию Целям развития тысячелетия, странам Африки удалось сократить количество голодающих на континенте. Однако мировые финансовые кризисы последних лет продемонстрировали неспособность сельского хозяйства африканских стран противостоять катаклизмам.

Питание большинства населения сегодня ни количественно, ни качественно не соответствует международным стандартам. Приходится признать, что современный уровень обеспеченности стран Западной Африки продовольствием далек от оптимального. Их сельское хозяйство руководствуется многими региональными принципами, следование которым должно привести к возрождению аграрного производства и восстановлению самообеспечения продовольствием. Однако темпы

таких преобразований крайне низки, так как ограничены недостаточным финансированием.

И всё же аграрный сектор Африки встречает поддержку многих международных организаций, которые способствуют его развитию. Это прежде всего использование достижений цифровой революции, которое должно повысить интенсивность производства сельскохозяйственной продукции и тем самым со временем увеличить способность стран Западной Африки к самообеспечению продовольствием и противостоянию природным и социальным катаклизмам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Западная Африка, сельское хозяйство, аграрный сектор, продовольственная безопасность, самообеспеченность продовольствием, интенсификация производства, COVID-19, цифровые технологии в сельском хозяйстве.*

В середине XX в. мировое сообщество озаботилось вопросом борьбы с продовольственным дефицитом. В этом процессе можно выделить несколько этапов.

Первым этапом на пути к искоренению голода на планете стало создание в 1945 г. ФАО – Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН. В то время она имела целью помочь странам-учредителям преодолеть тяжелые социально-экономические последствия разрушительной Второй мировой войны. Предпосылками современных действий ФАО ООН по сокращению масштабов голода и нищеты стало формулирование задач по решению мировых продовольственных проблем на Всемирной продовольственной

конференции ООН, проведенной в ноябре 1974 г. в Риме, в которой приняли участие представители 134 государств. Впервые в истории человечества лидеры стран планеты обсудили состояние «мирового голода» и приняли декларации и резолюции общего характера, которые заложили основы будущего урегулирования продовольственной проблемы в мире [Gavrilova, Denisova, 2019].

На протяжении второй половины XX в. ФАО ООН предпринимала попытки обратить внимание мировой общественности на проблемы растущего голода. Вторым важнейшим этапом его преодоления стал созданный силами ФАО ООН в 1996 г. Всемирный продовольственный саммит, на который были приглашены руководители государств, правительств и другие высокопоставленные должностные лица из 186 стран. Им было предложено обсудить вопрос о том, как обеспечить простым гражданам доступ к необходимому для полноценной здоровой жизни продовольствию приемлемого качества и в достаточном количестве и ассортименте – то есть о том, что мы сегодня называем продовольственной безопасностью. По итогам форума были приняты Римская декларация о всемирной продовольственной безопасности¹ и План действий Всемирного продовольственного саммита. Эти документы определили, что на саммите закладывается основа различных путей достижения цели – продовольственной безопасности на индивидуальном, семейном, национальном, региональном и глобальном уровнях. Тут же было дано основное определение, которое гласило, что «...продовольственная безопасность существует, когда все люди в любое время имеют физический

1 Rome Declaration on World Food Security // FAO. – 1996. – URL: <https://www.fao.org/3/w3613e/w3613e00.htm> (дата обращения: 16.05.2022).

и экономический доступ к достаточно-му количеству безопасной и питатель-ной еды для удовлетворения своих пи-щевых потребностей и предпочтений для активной и здоровой жизни»².

Третий этап пришелся на начало XXI в., когда мировыми лидерами было сформулировано их видение сокраще-ния уровня бедности в мире. В 2000 г. Генеральная Ассамблея ООН приня-ла Декларацию тысячелетия (*United Nations Millennium Declaration*), вклю-чающую 8 целей развития тысячелетия (*Millennium Development Goals, MDGs*). Первой из них была названа цель ис-коренения крайней нищеты и голо-да³. В 2009 г. прошел еще один сам-мит по продовольственной безопасно-сти, объединивший 60 глав государств и правительств и 192 министров, при-нявших Декларацию, подтверждаю-щую их обязательства по искоренению голода в мире в максимально короткие сроки, что дало борьбе против голода новый импульс⁴. Через полтора десяти-летия, когда срок действия Декларации тысячелетия истек, были подведены ее итоги. Принятые меры оказались эф-фективными: в 1990 г. за чертой бедно-сти жило 47% населения развивающих-ся стран (1,9 млрд человек), а к 2015 г. эта цифра снизилась до 14% (836 млн человек), что, несомненно, представ-ляет собой впечатляющий результат [UN, 2015].

Четвертый, на сегодня последний, этап ознаменовался быстрым ростом

численности населения планеты, ко-торый закономерно приводит к росту процента людей, живущих за чертой бедности [Gavrilova, Denisova, 2019]. В 2013 г. Конференция ФАО ООН ут-вердила Глобальную цель № 1: «Иско-речение голода, решение проблемы от-сутствия продовольственной безопас-ности и недоедания, постепенное со-здание мира, в котором люди всег-да имеют возможность в достаточном объеме получать безопасные и полез-ные продукты питания, соответствую-щие их пищевым потребностям и предпочтениям и позволяющие им ве-сти активный и здоровый образ жиз-ни»⁵. После подведения итогов Декла-рации тысячелетия эта цель – дости-жение «нулевого голода» – стала це-лью № 2 новой инициативы ООН «Це-ли устойчивого развития» (*Sustainable Development Goals, SDG*), разработан-ной в 2015 г. на срок до 2030 г.⁶

В 2022 г. на очередной сессии Аф-риканского регионального форума по устойчивому развитию были подведе-ны промежуточные итоги достижений в области ЦУР7. В представленном До-кладе об устойчивом развитии Афри-ки за 2020 г. было отмечено увеличе-ние абсолютного числа бедных людей на континенте и подчеркнуто, что поч-ти 40% всех африканцев по-прежнему живут в условиях крайней нищеты. Бы-ли выделены и положительные момен-ты. Правительства большинства афри-канских стран предприняли значитель-

2 Report of the World Food Summit // FAO. – 1996. – URL: <https://www.fao.org/3/w3548e/w3548e00.htm> (дата обращения: 16.05.2022).

3 The 8 Millennium Development Goals // The World Bank. – 2015. – URL: <https://www5.worldbank.org/mdgs> (дата обращения: 16.05.2022).

4 World Food Summit on Food Security 2009 // FAO. – 2009. – URL: <https://www.fao.org/right-to-food/news/news-detail/en/c/157364> (дата обращения: 16.05.2022).

5 FAO Conference 38th Session. Rome, 15-22 June 2013 // FAO. – 2013. – URL: <https://www.fao.org/bodies/conf/c2013/en> (дата обращения: 16.05.2022).

6 The Sustainable Development Goals (SDGs) // UN. – 2015. – URL: [https://www.undp.org/sustainable-development-goals#:~:text=The%20Sustainable%20Development%20Goals%20\(SDGs\)%2C%20also%20known%20as%20the,people%20enjoy%20peace%20and%20prosperity](https://www.undp.org/sustainable-development-goals#:~:text=The%20Sustainable%20Development%20Goals%20(SDGs)%2C%20also%20known%20as%20the,people%20enjoy%20peace%20and%20prosperity) (дата обращения: 16.05.2022).

7 Eighth Session of the Africa Regional Forum on Sustainable Development. Kigali, Republic of Rwanda, 3–5 March 2022 // ARFSD. – 2022. – URL: <https://www.uneca.org/node/4129> (дата обращения: 22.05.2022).

ные усилия для включения ЦУР и целей Повестки дня на период до 2063 года в национальные стратегии и планы развития, создали правительственные подразделения для координации их реализации и определили приоритетность конкретных задач и показателей. В частности, были отмечены достижения в части снижения материнской и детской смертности, сокращения численности случаев инфекционных заболеваний, увеличения количества обучающихся в начальной школе, повышения уровня грамотности молодежи и др. Однако в резюме доклада обозначено, что Африканский континент находится лишь на полпути к достижению целей и задач ЦУР к 2030 г.⁸

Перечисленные инициативы, несомненно, приносят плоды, однако сокращение голода и стабилизация продовольственной безопасности в мире происходят неравномерно. Голод и обнищание населения Африки – самые уязвимые звенья в системе международной экономической безопасности. Особого внимания заслуживает ситуация во втором крупнейшем по численности населения (после Восточной Африки) регионе континента – Западной Африке⁹.

Изученность проблемы продовольственной безопасности Африки в трудах российских ученых

По мнению ведущих российских африканистов, интерес к Черному континенту в нашей стране появился еще во времена правления Петра I. Вплоть

до 1960-х годов он концентрировался на истории и проблемах колониализма и национально-освободительной борьбы [Развитие африканистики..., 2021]. К аграрной отрасли и состоянию продовольственной безопасности в Африке советские ученые начали проявлять интерес лишь с конца 1960-х годов. В многочисленных монографических исследованиях в области сельского хозяйства континента авторы уделяли внимание общим тенденциям его развития, изучали сущность и многообразие влияния на состояние окружающих факторов. Так, изучению вопросов производительности африканского сельского хозяйства и его особенностей в те годы посвятили свои работы И.А. Сванидзе [Сванидзе, 1969a, 1969b, 1977] и В.П. Морозов [Сванидзе, Морозов, 1978]. Этими же учеными, советскими основоположниками изучения африканского сельского хозяйства, были выделены основные проблемы развития аграрного производства, что послужило основой для дальнейшего изучения этого сектора экономики Африки. Так, уже в 1980-х годах новые представления о его специфике отражали в своих трудах А.А. Сорокин, В.В. Крылов, А.В. Никифоров и другие ученые [Аграрные преобразования..., 1982]. Акцент на изучении африканского аграрного кризиса сделала Н.П. Космарская [Космарская, 1992]. А.А. Кууз проработал вопросы значимости государственного сектора в сельском хозяйстве Африки [Кууз, 1991]. Д.Г. Караханян рассмотрела значение сельскохозяйственной кооперации на континенте и определила ее проблемы и перспективы дальнейшего развития [Ка-

8 2020 African Sustainable Development Report // UNDP. – 2020. – URL: <https://www.undp.org/africa/publications/2020-africa-sustainable-development-report> (дата обращения: 23.05.2022).

9 К странам Западной Африки по классификации *United Nations Statistics Division* отнесены Бенин, Буркина-Фасо, Кабо-Верде, Кот-д'Ивуар, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Либерия, Мали, Мавритания, Нигер, Нигерия, Остров Святой Елены, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того с населением приблизительно 412,5 млн человек (2021). – URL: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/#geo-regions> (дата обращения: 29.05.2022).

раханян, 1992]. В начале 1990-х годов устоявшаяся торгово-экономическая, научная и политическая система взаимодействия России и Африки претерпела изменения, связанные с реформами в нашей стране, а также с либерализацией внешнеэкономических связей и актуальным в то время отсутствием интереса к работе с африканским регионом у российских коммерческих компаний. В самом начале постсоветского периода количество исследователей сельского хозяйства Африки значительно уменьшилось, и одним из последних стал сборник трудов ученых Института Африки под редакцией Л.В. Гончарова, где рассматривалось состояние регионального сельского хозяйства, определялись его проблемы и перспективы дальнейшего развития [Сельское хозяйство Африки..., 1993].

Ближе к 2000-м годам, когда весь мир озаботился вопросами ликвидации голода и нищеты, российские африканисты возобновили изучение проблем сельского хозяйства континента. Особое значение для нашей страны стало приобретать направленное восстановление утраченных связей. Одним из самых значимых событий того периода стало издание коллективной монографии, посвященной современному состоянию продовольственной безопасности африканского континента. В ней освещалось значение сельского хозяйства в деле самостоятельного обеспечения населения стран Африки продовольствием [Африка в контексте..., 2015]. Коллективная монография является результатом многолетних исследований таких ученых, как И.Б. Маценко, Н.В. Гришина, В.П. Морозов, Н.З. Фахрутдинова, В.И. Гусаров и др. Среди социально-экономических факторов проявления угроз продовольственной безопасности авторы монографии особо выделяют тотальную бедность населения, связанную

с колониальным прошлым, а также с коррумпированностью власти, создающей препятствия налаживанию агропромышленных процессов в регионах. Также авторы подробно анализируют природный агропотенциал и трудовые ресурсы различных стран Африки, формируя детальную картину колебаний уровня продовольственной безопасности. Исследование является примером глубокого изучения проблемы, позволяющим сравнить пути развития разных частей африканского континента и, проанализировав различия в истории каждой страны, обозначить факторы, влияющие на формирование производственных проблем сельского хозяйства.

Выделенные ключевые проблемы и основные выводы представленной выше монографии позволили продолжить анализ состоятельности сельского хозяйства африканского континента в сборнике статей под редакцией А.Й. Элеза [Сельское хозяйство в странах Африки южнее Сахары..., 2019]. Данная работа также формирует подробную систематизированную картину развития африканских стран, история которых повлияла на формирование продовольственной безопасности на континенте в целом и в Западной Африке в частности.

Несмотря на то, что состояние продовольственной безопасности и сельского хозяйства стран Африки всесторонне изучены российскими специалистами, некоторые последние события создали предпосылки для продолжения исследований в этой области. Таким событием, которое отразилось и, несомненно, еще отразится в будущем на состоянии продовольственной обеспеченности африканских стран, стала пандемия коронавируса, начавшаяся в 2019 г. и продолжающаяся до сих пор, а также обострение мирового продовольственного кризиса.

Современное состояние продовольственной обеспеченности стран Западной Африки

Как уже упоминалось, после подведения итогов ЦРТ стало известно, что в мире число людей, живущих за чертой бедности, сократилось с 1,9 млрд в 2000 г. до 836 млн в 2015 г., в том чис-

ле в Африке – с 255,6 до 188 млн человек [Маценко, 2018]. Согласно данным, предоставленным ФАО ООН, в некоторых странах Западной Африки к 2015 г. действительно произошло сокращение численности голодающего населения (см. таблицу 1).

Однако из представленной таблицы видно, что движение к избавлению от голода в странах Западной Африки

Таблица 1. Изменение показателя распространенности недоедания в странах Западной Африки

Table 1. Changes in the prevalence of malnutrition in West African countries

Страны	2001 г.		2015 г.		2019 г.	
	значение, % населения	изменение по сравнению с 2000 г., процентных пунктов	значение, % населения	изменение по сравнению с 2000 г., процентных пунктов	значение, % населения	изменение по сравнению с 2015 г., процентных пунктов
Бенин	17,2	-1,7	7,3	-9,9	7,9	0,6
Буркина-Фасо	22,6	-2,1	12,3	-10,3	14,9	2,6
Гана	17,8	1,8	11,7	-6,1	14,2	2,5
Мали	16,2	-1	5,3	-10,9	11,0	5,7
Нигерия	18,9	0	9,4	-9,5	15,5	6,1
Сьерра-Леоне	50,7	-0,9	25,4	-25,3	27,8	2,4
Того	31,3	-0,2	21,6	-9,7	21,8	0,2

Источник: Suite of Food Security Indicators // FAOSTAT. – 2022. – URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/FS> (дата обращения: 16.03.2022).

после 2015 г. пошло в обратную сторону и процент не обеспеченного продовольствием населения опять начал расти.

Оценивая доступные данные ФАО за рассматриваемые периоды, можно отметить, что за последние 20 лет в продовольственной безопасности населения Западной Африки всё же произошли положительные сдвиги (см. таблицу 2).

Можно особо отметить рост населения, вовлеченного в пользование услугами санитарии и распространение использования питьевой воды. Сани-

тарная среда стран Западной Африки улучшается, но надо признать, что темпы этих улучшений медленные и недостаточные.

Оценим, как за 20 лет изменилась глубина дефицита продовольствия в странах Западной Африки (см. таблицу 3).

Среднее потребление калорий по странам Западной Африки – около 1 700 ккал в день в 2000 г. и около 1 740 ккал в день в 2020 г. В развитых странах минимальный рекомендуемый показатель составляет 2 000 ккал

Таблица 2. Динамика изменения некоторых показателей продовольственной безопасности в странах Западной Африки

Table 2. Dynamics of changes in some indicators of food security in West African countries

Показатели	2000 г.	2019–2020 гг.	Изменение	Положительное/ отрицательное изменение
Доля населения, пользующегося услугами питьевого водоснабжения, организованного с соблюдением требований безопасности, %	16,90	25,00	8,10	+
Доля населения, пользующегося хотя бы базовыми услугами питьевого водоснабжения, %	49,70	73,50	23,80	+
Доля населения, пользующегося безопасными услугами санитарии, %	14,30	22,40	8,10	+
Доля населения, пользующегося хотя бы базовыми услугами санитарии, %	21,80	36,20	14,40	+

Источник: Suite of Food Security Indicators // FAOSTAT. – 2022. – URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/FS> (дата обращения: 16.03.2022).

Таблица 3. Изменение дневного рациона питания в странах Западной Африки за период с 2000 по 2020 г., % от нормы питания*

Table 3. Change in the daily diet in West African countries for the period from 2000 to 2020, % of the norm of nutrition

Страны	Среднее количество белка		Среднее потребление белка животного происхождения		Среднее потребляемое количество калорий	
	2000–2002 гг.	2016–2018 гг.	2000–2002 гг.	2016–2018 гг.	2000 г.	2020 г.
Западная Африка, в среднем	91,3	98,4	33,3	34,3	85,1	86,3
Бенин	88,4	102,1	30,0	44,3	84,5	86,5
Буркина-Фасо	109,0	124,9	30,0	36,7	85,0	86,7
Гана	83,2	94,8	47,7	49,0	86,3	89,4
Мали	107,9	129,7	55,7	71,3	82,8	86,0
Нигерия	92,1	92,1	25,7	23,3	85,0	85,9
Сьерра-Леоне	70,5	79,8	22,3	36,7	84,0	87,2
Того	78,7	91,6	21,0	27,7	85,7	87,5

* В расчетах используются следующие данные: нормы потребляемого белка – 63 г, животного белка – 30 г, калорий – 2 000 ккал в день.

Источник: Suite of Food Security Indicators // FAOSTAT. – 2022. – URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/FS> (дата обращения: 16.03.2022).

в день¹⁰. В среднем каждый житель Западной Африки недополучает около 300 ккал в день.

Средний уровень потребления белка практически соответствует рекомендуемой норме 63–65 г. [Protein..., 2002]. В основном потребность в белках удовлетворяется за счет высоко-го потребления растительных белков, содержащихся, например, в бобовых культурах. Дальнейшее сравнение потребления животного белка с нижней границей нормы 30 г [Protein..., 2002] показывает крайнюю несбалансированность питания, которая неизбежно влечет за собой тяжелые последствия для здоровья. Сочетание такого питания с низким уровнем санитарии значительно повышает уязвимость жителей аграрных районов, что приводит к массовым заболеваниям. СМИ ежегодно сообщают о том, что в Африке разразилась эпидемия некоей болезни, давно забытой в цивилизованном мире. В результате этих эпидемий на континенте наблюдается не только высокая смертность, но и растущее количество инвалидов. В одной только Нигерии инвалидность имеют более 25 млн человек (15% населения), 3,6 млн (2,15% населения) признаны глубокими инвалидами [WHO, World Bank, 2011]. Свыше 50% получили свой статус в силу сниженного частыми заболеваниями иммунитета и неудовлетворительного рациона питания [Smith, 2011].

Целесообразно также обратить внимание на данные, касающиеся влияния уровня продовольственной безопасности на состояние здоровья населения в странах Западной Африки (см. таблицу 4).

Статистика показывает, что во всех рассмотренных качественных показателях наблюдаются положительные изменения. Однако необходимо отметить ухудшение количественных показателей в сфере продовольственной безопасности. В результате приходится делать вывод о том, что несбалансированное питание населения стран Западной Африки негативно сказывается не только на здоровье и физическом состоянии людей, но и на экономике страны в целом.

Ситуация с продовольственной безопасностью в последние годы становится всё более напряженной. Ее ухудшение в мире в целом и в Западной Африке в частности обусловлено множеством факторов. Одной из причин явилась пандемия COVID-19, оказавшая влияние на все сферы человеческой деятельности [The State of Food Security..., 2021]. Пандемия вызвала быстрое падение спроса на энергию и соответствующее сокращение добычи нефтепродуктов и нарушение цепочек их поставки. Это спровоцировало мировой энергетический кризис, который повлиял на ценообразование на рынках удобрений и пищевой промышленности. В 2021 г. на этих рынках наблюдались значительные колебания: эксперты отмечали значительный рост стоимости некоторых видов удобрений и продовольствия по сравнению с 2020 г.¹¹ В марте 2022 г. ситуация с продовольственной безопасностью всего мира обострилась снова вследствие конфликта между Россией и Украиной, значимыми экспортерами таких основных продовольственных товаров, как пшеница, кукуруза, подсолнечник и др. Разрушенные логистические цепочки

10 Healthy diet // World Health Organization. – 2020. – 29 April. – URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/healthy-diet> (дата обращения: 16.03.2022).

11 Удобрения на глобальном рынке в 2022 году останутся дорогими // Ведомости. – 2021. – 15 декабря. – URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/12/16/900925-udobreniya-ostanutsya-dorogimi> (дата обращения: 12.04.2022).

Таблица 4. Изменение некоторых показателей, отражающих здоровье населения
Table 4. Changes in some indicators affecting the health of the population

Показатели	2000 г.	2019–2020 гг.	Изменение	Положительное/ отрицательное
Число детей в возрасте до 5 лет с задержкой роста, %	39,9	30,9	-9,0	+
Число детей в возрасте до 5 лет с задержкой роста, млн	16,4	20,2	3,8	–
Число детей в возрасте до 5 лет с избыточной массой тела, %	4,4	2,7	-1,7	+
Число детей в возрасте до 5 лет с избыточной массой тела, млн	1,8	1,9	0,1	–
Распространенность анемии среди женщин репродуктивного возраста, %	56,7	51,8	-4,9	+
Количество женщин репродуктивного возраста, страдающих анемией, млн	30,6	47,3	16,7	–

Источник: Suite of Food Security Indicators // FAOSTAT. – 2022. – URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/FS> (дата обращения: 16.03.2022).

прервали или серьезно ограничили международные торговые отношения. Под угрозой оказалась торговля любыми товарами, в том числе первой необходимости, включая продовольствие и удобрения. По прогнозам Всемирного банка, последствия этого конфликта могут привести к тому, что число недоедающих только в Западной Африке увеличится от 7 до 10 млн человек¹².

На состояние мировой продовольственной безопасности оказали сильное влияние и климатические кризисы, которые в 2021–2022 гг. проявились в виде экстремальной погоды практически во всех регионах мира: в Восточной Африке, Северной Америке, некоторых европейских и азиатских странах, в Австралии. В результате погодных неурядиц произошли большие потери сельскохозяйственных культур и животных.

Африканские страны в целях укрепления продовольственной безопасности должны придерживаться политики импортозамещения, использовать современные методы ведения сельского хозяйства и содействовать укреплению собственной агропромышленной отрасли.

**Причины продовольственной
необеспеченности стран
Западной Африки**

До 1960 г., когда африканские страны одна за другой стали получать независимость, проблем с продовольственной безопасностью там не отмечалось. Более того, многие из них являлись ведущими мировыми экспортёрами ряда сельскохозяйственных культур (арахиса и арахисового масла, ядер пальмо-

12 Responding to the Food Crisis in the Sahel by Addressing the Food Emergencies and Structural Challenges of the West African food system // The World Bank. – 2022. – May 10. – URL: <https://www.worldbank.org/en/results/2022/05/15/afw-responding-to-the-food-crisis-in-the-sahel> (дата обращения: 12.04.2022).

вых орехов и пальмового масла – Нигерия, какао – Кот-д’Ивуар и Гана, хлопка – Мали, Буркина-Фасо, Того и др.) [Gavrilova, Denisova, 2020]. Эта тенденция изменилась с обнаружением полезных ископаемых, в результате которого многие страны Западной Африки прекратили эффективное развитие сельского хозяйства и сосредоточились на добывающей промышленности, в силу чего стали рассматриваться как моноэкономики (см. таблицу 5).

Положение стран Западной Африки с течением времени изменилось: сельское хозяйство пришло в упадок, производство основных пищевых культур резко сократилось, начался продовольственный кризис. Значительно сократился экспорт сельскохозяйственной продукции. Страны превратились практически в чистых импортеров продовольствия. Несмотря на полную зависимость их бюджета от экспорта ресурсов, аграрное производство не утратило своей значимости для социально-экономической жизни западных африканцев (см. таблицу 6).

В сельскохозяйственном производстве занято от трети до половины населения стран Западной Африки, однако такая значительная масса людей производит всего 1/5 часть ВВП в среднем по региону, то есть наблюдается низкая производительность труда и большая трудоемкость производства. Приведем сравнение интенсивности возделывания сельскохозяйственных культур в странах Западной Африки с показателями других регионов мира (см. таблицу 7).

Из приведенных расчетов видно, что страны Западной Африки значительно отстают в части самообеспечения своего населения продукцией сельского хозяйства от практических всех рассмотренных мировых регионов, за исключением Южной Азии, где продовольственная проблема еще более выражена, чем в Африке [The State of Food Security..., 2021]. Так, в 2020 г. население Западной Африки было лишь на 2/3 обеспечено продовольствием собственного производства по сравнению со странами мира в среднем

Таблица 5. Состав и структура экспорта стран Западной Африки, в среднем за 2010–2020 гг.

Table 5. Composition and structure of exports of West African countries, on average for 2010–2020

Страны	Монотовар		Замещающий товар	
	наименование	% в экспорте	наименование	% в экспорте
Бенин	Хлопок	38,4	Кешью	11,1
Буркина-Фасо	Золото	54,7	Хлопок	24,2
Гана	Золото	45,2	Какао	18,9
Мали	Золото	72,0	Хлопок	10,5
Нигерия	Нефть	90,6	Какао	1,4
Сьерра-Леоне	Железная руда	58,8	Древесина	15,5
Того	Соль	31,2	Хлопок	6,7

Источник: Trade statistics // Trade Map. – 2022. – URL: https://www.trademap.org/Product_SelProduct_TS.aspx?nvpm=1%7c%7c%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c4%7c1%7c1 (дата обращения: 20.05.2022).

Таблица 6. Роль сельского хозяйства в социально-экономическом положении стран Западной Африки

Table 6. The role of agriculture in the socio-economic situation of West African countries

Страны	Роль сельского хозяйства в ВВП, %			Занятость населения в сельском хозяйстве		
	1990 г.	2020 г.	изменение в 2020 г. к 1990 г., %	1990 г.	2020 г.	изменение в 2020 г. к 1990 г., %
Западная Африка, в среднем	24,6	23,0	-1,6	63,0	46,0	-17,0
Бенин	34,7	27,1	-7,6	51,0	38,0	-13,0
Буркина-Фасо	28,0	18,4	-9,6	90,0	26,0	-64,0
Гана	44,8	19,3	-25,5	57,0	30,0	-27,0
Мали	37,4	36,2	-1,2	74,0	62,0	-12,0
Нигерия	21,6	24,1	2,5	51,0	26,0	-25,0
Сьерра-Леоне	44,0	59,5	15,5	72,0	55,0	-17,0
Того	38,8	18,8	-20,0	50,0	32,0	-18,0

Источник: Employment in agriculture // The World Bank. – 2022. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.AGR.EMPL.ZS> (дата обращения: 20.05.2022).

Таблица 7. Обеспеченность стран Западной Африки собственной продукцией сельского хозяйства в сравнении с регионами мира, %*

Table 7. Provision of West African countries with their own agricultural products in comparison with the regions of the world, %

Регионы	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.
Мир	62,9	66,2	63,1	62,1	61,0
Северная Америка	32,8	36,6	35,7	35,7	34,3
Центральная Америка	84,3	90,3	88,1	89,0	82,3
Южная Америка	42,5	41,7	38,2	36,4	35,1
Восточная Азия	45,2	45,0	40,8	38,9	38,6
Южная Азия	134,5	143,4	131,6	127,3	115,4
Юго-Восточная Азия	85,1	84,6	76,5	73,9	70,7
Западная Азия	59,5	66,2	70,2	72,7	67,7
Европа	44,4	49,0	49,7	48,1	46,9
Океания	19,8	23,3	26,4	25,5	30,2

* Расчет показателей произведен как частное валовой стоимости сельскохозяйственного производства и численности населения в разрезе мировых регионов; Западная Африка взята как базовый регион для сравнения с другими перечисленными в таблице регионами.

Источник: Employment in agriculture // The World Bank. – 2022. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.AGR.EMPL.ZS> (дата обращения: 20.05.2022).

и примерно на 1/3 – по сравнению со странами Северной и Южной Америки, Восточной Азии и Океании. Углубление продовольственной проблемы в Африке проявляется в значительном увеличении продовольственной зависимости от импорта, причем в одной из важнейших его составляющих – зерновых культурах (см. таблицу 8).

Практически во всех рассмотренных странах наблюдается увеличение зависимости от импорта. Особенно заметны показатели Сьерра-Леоне, Ганы и Бенина, где собственное производство зерновых крайне ограничено из-за неподходящих условий. Исключение из общей тенденции увеличения зависимости демонстрирует лишь Мали, где импорт зерновых составлял и продолжает составлять незначительный процент из-за небольшой популярности дорогостоящих продуктов из белой муки.

Для оценки интенсификации ведения сельского хозяйства Всемирным банком используется показатель «Производительность сельского хозяйства» (см. таблицу 9).

Оцениваемый показатель на одного работника рассчитывается путем деления добавленной стоимости сектора на количество занятых в нем людей. Он используется для оценки экономической способности страны создавать и поддерживать достойные возможности трудоустройства со справедливым и равноправным вознаграждением. В странах с развитым аграрным сектором упор делается на интенсификацию сельскохозяйственного производства в основном за счет применения новейших технологий и разработок, а также сокращения числа занятых в отрасли. Там, где аграрный сектор не имеет первостепенной значимости, как во многих странах Африки, интенсификация производства идет медленно, за счет увеличения количественных (площадей выращивания культур и поголовья животных), а не качественных характеристик (увеличения урожайности, снижения затрат и др.). Разберем факторы, которые оказывают влияние на уровень интенсификации сельскохозяйственного производства.

Таблица 8. Зависимость стран Западной Африки от импорта зерновых, %
Table 8. Dependence of West African countries on grain imports, %

Страны	2000 г.	2018 г.	Изменение	Положительная/ отрицательная тенденция
Африка, в среднем	28,2	31,1	2,9	-
Западная Африка, в среднем	19,4	23,9	4,5	-
Бенин	13	50,1	37,1	-
Буркина-Фасо	9	11,1	2,1	-
Гана	26,1	34,5	8,4	-
Мали	8,6	5,6	-3,0	+
Нигерия	15,2	19	3,8	-
Сьерра-Леоне	36,2	40,4	4,2	-
Того	14,1	22,6	8,5	-

Источник: SDG Indicators // FAOSTAT. – 2022. – URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/SDGB> (дата обращения: 20.03.2022).

Таблица 9. Производительность сельского хозяйства, долларов США на одного работника

Table 9. Agricultural productivity, USD per 1 employee

Страны	2000 г.	2018 г.	Изменение	Положительная/ отрицательная тенденция
Мир, в среднем	1977,0	3869,1	1892,1	+
Европа и Центральная Азия, в среднем	1682,3	4748,6	3066,3	+
Страны Латинской Америки, в среднем	4107,6	6512,8	2405,2	+
Страны с высоким доходом, в среднем	24587,1	39043,9	14456,8	+
Африка, в среднем	1002,2	3021,5	2019,3	+
Западная Африка, в среднем	1016,6	3221,2	2204,6	+
Бенин	1226,7	2117,9	891,2	+
Буркина-Фасо	436,3	1680,1	1243,8	+
Гана	1111,2	3010,3	1899,1	+
Мали	839,1	1458,4	619,3	+
Нигерия	1569,1	5611,3	4042,2	+
Сьерра-Леоне	1293,8	2025,2	731,4	+
Того	1065	1346,8	281,8	+

Источник: World Development Indicators: Agricultural output and productivity // The World Bank. – 2020. – URL: <http://wdi.worldbank.org/table/3.3#> (дата обращения: 20.05.2022).

Продовольственные культуры в странах Африки отличаются низкой урожайностью. Около 90% агропроизводителей – мелкие фермеры, хозяйствующие на плантациях площадью до 5 га. Они производят около 80% всей сельскохозяйственной продукции континента [Tenacity..., 2019]. Отчасти неэффективность производства связана с финансовым состоянием мелких фермеров: большинство использует примитивную агротехнику, устаревшие технологии, неэффективные материалы. Недоступность хранилищ и средств обработки урожая от вредителей вызывают большие потери продукции. Так, по

данным ФАО ООН, потери продовольствия в среднем по странам Западной Африки составили в 2020 г. 24,8%, что практически в 2 раза превышает аналогичный показатель по миру – 13,3%¹³. Более глубокие исследования показали, что потери могут достигать 35% для рыбы, 37% – для мяса, 27,6% – для кукурузы, 33% – для овощей [Assessment..., 2012]. Согласно этому же исследованию, лишь трети производителей удается без потерь донести свою продукцию до мест продажи. Главная причина – отсутствие или неудовлетворительное качество дорог и минимальный выбор доступного транспорта: в дело идут

13 SDG Indicators // FAOSTAT. – 2022. – URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/SDGB> (дата обращения: 20.03.2022).

велосипеды, мопеды и мотоциклы, телеги и даже тачки. Тем, кто их не имеет, остается надеяться на привычных оптовых скупщиков (официально их именуют неформальными каналами сбыта), а те, пользуясь беспомощностью фермеров, забирают полученный урожай в сезон по крайне низким ценам и только за наличный расчет [*Ikelegbe, Edokpa*, 2013].

Универсальной статистики для всего африканского континента не существует, но для отдельных стран она имеется. Так, каждый нигерийский фермер, чтобы обеспечить продовольственную безопасность в стране, должен полноценно кормить 11 человек [*FAO, ECA, AUC*, 2020]. Но большинство, к сожалению, выращивает гораздо меньше продовольствия: максимум то количество, которое может удовлетворить потребности их собственных семей.

Почему так происходит? Каждый рядовой африканский фермер сталкивается с комплексом проблем, решить которые самостоятельно ему не под силу:

- информационный голод: у фермеров нет доступа к информации о рынках сбыта, о ценах на ресурсы и о возможности их приобретения;
- технологический голод: фермеры не имеют сведений о новых агротехнических приемах, современных средствах ухода за растениями и животными, о технологиях обработки и переработки продукции;
- нехватка рабочей силы;
- бедность материальной базы: фермерам катастрофически не хватает хранилищ, материалов и оборудования;
- логистический коллапс: во всех аграрных регионах Африки плохие дороги, местами их нет совсем;
- физическая недоступность крупных рынков сбыта: у фермеров-производителей просто нет возможности до них добраться;

- еще одно следствие зачаточного состояния логистики – недоступность кредитов: фермеры не имеют возможности попасть в банки для их оформления.

Интенсификация производства в сельском хозяйстве стран Западной Африки несомненна (это подтверждается аналитическими и статистическими исследованиями), но она движется крайне низкими темпами. Ее требуется значительно ускорить, иначе решить продовольственные проблемы не удастся ни в ближайшее время, ни в долгосрочной перспективе.

Меры, необходимые для повышения самообеспеченности стран Западной Африки продовольствием

Для определения возможностей самообеспечения населения Западной Африки продовольствием проведем сравнение двух показателей: ежегодной стоимости валовой продукции сельского хозяйства этих стран и ежегодного прироста их населения (см. таблицу 10).

Налицо стабильное увеличение темпов роста стоимости валовой продукции сельского хозяйства. При сравнении этих двух показателей можно отметить, что их значения на протяжении последних 20 лет меняются практически аналогично, но с 2010 г. началось некоторое снижение темпов прироста населения, так как десятилетиями проводимая политика планирования семей в Африке начинает приносить плоды.

С одной стороны, налицо улучшение показателей производства сельскохозяйственной продукции и уменьшение темпов роста населения. С другой стороны, в таблице 7 уже был рассмотрен уровень обеспеченности стран

Таблица 10. Соответствие темпов прироста объемов продукции сельского хозяйства и численности населения стран Западной Африки, %

Table 10. The correspondence between the growth rates of agricultural production and the population of West African countries, %

Годы	Валовая продукция сельского хозяйства	Население	Годы	Валовая продукция сельского хозяйства	Население
2001	2,92	2,66	2011	3,39	2,77
2002	3,45	2,66	2012	3,49	2,76
2003	3,12	2,67	2013	3,38	2,75
2004	3,28	2,68	2014	3,89	2,75
2005	3,09	2,71	2015	3,47	2,74
2006	3,45	2,74	2016	3,35	2,73
2007	3,25	2,76	2017	3,13	2,72
2008	2,93	2,77	2018	3,25	2,71
2009	2,98	2,78	2019	3,27	2,70
2010	3,04	2,77	2020	3,40	2,75

Источник: расчеты автора на основе *Suite of Food Security Indicators* // FAOSTAT. – 2022. – URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/FS> (дата обращения: 16.03.2022).

Западной Африки собственной продукцией сельского хозяйства, и он оказался недостаточным для удовлетворения потребностей населения. Таким образом, современные темпы производства сельхозпродукции, несмотря на их номинальный рост, не могут обеспечить население стран Западной Африки необходимым количеством продовольствия.

Развитие сельскохозяйственного сектора в Западной Африке происходит в соответствии с региональными обязательствами стран. На этом уровне учитывается Комплексная программа развития сельского хозяйства в Африке (*Comprehensive Africa Agriculture Development Programme – CAADP*), являющаяся результатом принятия Мапутской декларации 2003 г. CAADP

устанавливает рекомендуемый размер государственных инвестиций в сектор сельского хозяйства в 10% национальных бюджетов и декларирует необходимость повышения производительности сельского хозяйства минимум на 6%¹⁴. Однако не все страны следуют взятым на себя обязательствам, и это негативно отражается на росте темпов развития аграрного сектора на континенте.

Решением проблем развития сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности занимаются десятки международных и региональных организаций: Всемирный банк, Международный валютный фонд (МВФ), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Конференция ООН по торговле и раз-

¹⁴ Comprehensive Africa Agriculture Development Programme // AUDA-NEPAD. – 2019. – URL: <https://www.nepad.org/caadp> (дата обращения: 16.03.2021).

витию (ЮНКТАД), Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО), Африканский банк развития (АБР) и др. Наиболее влиятельной организацией, оказывающей развивающимся странам помощь в обеспечении продовольственной безопасности и в доступе населения к высококачественной пище, является Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) [FAO, 2021]. Все перечисленные структуры изыскивают средства на ведение проектов, которые охватывают развитие технологий, разработку сельскохозяйственной политики и реагирование на чрезвычайные ситуации, в том числе в странах Западной Африки.

Международная организация труда (МОТ) более 40 лет назад определила, что Африка еще долго будет испытывать хроническую нехватку продовольствия. МОТ предложила прогрессивный подход к аграрному развитию отсталых стран, основанный на модернизации отрасли [Африка перед лицом..., 2021]. К тем же выводам спустя несколько лет пришла и ФАО ООН, которая подчеркнула, что одним из действенных способов повышения продовольственной безопасности Африканского континента должна стать интенсификация сельского хозяйства за счет применения наиболее эффективных средств производства. Многие из международных организаций помогают внедрять в сельское хозяйство стран Западной Африки цифровые технологии, которые способствуют решению большинства проблем аграрного сектора.

В современных реалиях торговли основными продовольственными товарами претерпевает серьезный кризис. В силу причин, расшатывающих мировую продовольственную безопасность, перекрываются устоявшиеся каналы сбыта продовольствия, цепочки поставок в страны Африки продуктов

питания и удобрений из России перестраиваются. Пока не будут найдены новые логистические схемы, вероятно, самый сильный продуктовый дефицит. Российская Федерация принимает разнообразные меры, чтобы исправить ситуацию, в частности, создает на континенте различные сопутствующие производства, например по фасовке и упаковке удобрений. Также наши специалисты продолжают оказывать образовательные и консультационные услуги, углубляя сотрудничество России с университетами Африки. Однако от этого не стоит ждать мгновенного эффекта. Африканским странам необходимо предпринимать долгосрочные шаги для укрепления собственной продовольственной системы за счет устойчивого развития сельского хозяйства.

Существенную роль в повышении эффективности самообеспечения стран Западной Африки продовольствием может сыграть цифровая трансформация, которая подразумевает использование в сельском хозяйстве цифровых технологий. На рубеже XX–XXI вв. она получила кодовое наименование *Information and communications technology for Agriculture, ICT4Ag*. В настоящее время принят термин *Digital for agriculture, D4Ag*. Повсеместное применение цифровых технологий могло бы решить практически все ранее выявленные проблемы сельского хозяйства (см. таблицу 11).

Большинство названных технологий пока недостаточно распространено. Во многом это обусловлено низким уровнем образования фермеров. Им обычно негде получить информацию о доступных цифровых решениях: требуются разъяснительная работа и техническое обеспечение. Результат не будет достигнут без усиленной реконструкции дорожной инфраструктуры, строительства оросительных систем,

Таблица 11. Применение цифровых технологий для решения острых проблем развития сельского хозяйства в Африке

Table 11. The use of digital technologies to solve acute problems of agricultural development in Africa

Проблема	Решение
Высокий темп урбанизации населения	Темп урбанизации снижается, когда населению не требуется переселяться в города в поисках работы. А это происходит тогда, когда внедрение новых технологий в сельское хозяйство делает его более эффективным и выгодным для фермеров.
Проблемы безопасности	Развитие цифровых технологий в сельском хозяйстве привлекательно для безработной молодежи, которую легко вовлечь в криминальные группировки. Преступность снизится, когда молодые люди будут эффективно заняты в аграрном производстве.
Низкий уровень механизации труда	Решения для механизации деятельности фермеров без закупки дорогостоящей техники (такие как мобильное приложение <i>Hello Tractor</i>) позволяют взять нужную технику в недорогую краткосрочную аренду.
Недостаток информации	SMS-рассылки и службы с поддержкой кол-центра могут предоставлять фермерам консультативные услуги. Как правило, они учитывают агрономические особенности полей (свойства почвы, доступность воды, уровни затенения), локальную специфику вредителей и болезней. Консультативные службы проводят полевую диагностику на фермах, используя новые типы датчиков. С их помощью можно учитывать агроклиматические данные: температуру почвы, количество осадков и уровень влажности.
Природные факторы	Системы раннего оповещения о голоде или катастрофах, вызванных природными факторами (засухами, наводнениями, нашествиями насекомых, эпидемиями среди животных и др.), создаются на основе информационных служб для фермеров и помогают избежать рисков или значительно облегчить последствия бедствий.
Недостаток хранилищ, доступа к кредитам, рынкам сбыта	Система складских расписок предоставляет мелким фермерам возможность хранить или продавать урожай «под расписку» для защиты от потери запасов и колебаний цен. Мелкие фермеры с ее помощью могут позволить себе продавать товар позже, когда цены на него поднимутся. Благодаря этой системе фермеры получают возможность напрямую (без участия оптовиков) заключать сделки с крупными покупателями.

Источник: составлено автором.

развития мобильной связи (в сельской местности она, как правило, работает плохо). Западноафриканским странам также рекомендуется уделить внимание исследованиям в области инновационных продуктов для поддержки фермеров и мероприятиям для обеспечения их доступности.

Рассмотренная в статье современная продовольственная ситуация в Западной Африке показывает, что недо-
едание во всех его формах там сохра-

няется. Питание не стало сбалансированным и до сих пор не обеспечивает базовых потребностей населения. Приходится признать, что современный уровень продовольственной безопасности стран Западной Африки пока далек от оптимального. Достижение самообеспечения населения этих стран продовольствием в ближайшей перспективе невозможно, однако следование целям, намеченным глобальными, региональными и страно-

выми программами развития сельского хозяйства, может его приблизить.

Одной из приоритетных целей аграрного комплекса должно стать повсеместное распространение и использование цифровых технологий. Современные разработки могут способствовать достижению самообеспеченности населения полноценным продовольствием. Кроме того, их широкое использование должно повысить устойчивость государственных продовольственных систем перед возможными катаклизмами.

Список литературы

- Аграрные преобразования в странах Африки на современном этапе / отв. ред. Л.В. Гончаров. – Москва : Наука, 1982. – 229 с.
- Африка в контексте глобальной продовольственной безопасности / отв. ред. Н.А. Ксенофонтова. – Москва : ИАФР РАН, 2015. – 288 с.
- Африка перед лицом современных вызовов и угроз / отв. ред. С.Н. Волков, Т.Л. Дейч. – Москва : ИАФР РАН, 2021. – 216 с.
- Караханян Д.Г. Сельскохозяйственная кооперация в Африке: проблемы и перспективы. – Москва : Наука, 1992. – 137 с.
- Космарская Н.П. Аграрный кризис и человек: Реалии Тропической Африки. – Москва : Наука, 1992. – 209 с.
- Кууз А.А. Государственный сектор в сельском хозяйстве стран Африки. – Москва : Наука, 1991. – 116 с.
- Маценко И.Б. От ЦРТ К ЦУР: искоренение нищеты в Африке южнее Сахары // Азия и Африка сегодня. – 2018. – № 2. – С. 52–58.
- Морозов В.П., Сванидзе И.А. Производительные силы стран Африки. Сельское хозяйство. – Москва : Наука, 1978. – 282 с.
- Развитие африканистики в России: история и современность / Абрамова И.О., Амвросова М.Н., Бондаренко Д.М., Волков С.Н., Грибанова В.В., Дейч Т.Л., Морозенская Е.В. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 298–329. – DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-13.
- Сванидзе И.А. Динамизация сельского хозяйства стран Африки. – Москва : Ин-т Африки АН СССР, 1969а. – 22 с.
- Сванидзе И.А. Проблемы развития сельского хозяйства Африки. – Москва : Наука, 1969b. – 194 с.
- Сванидзе И.А. Сельское хозяйство и аграрный строй Тропической Африки. – Москва : Наука, 1977. – 215 с.
- Сельское хозяйство Африки: региональные аспекты развития / отв. ред. Л.В. Гончаров. – Москва : ИАФР РАН, 1993. – 121 с.
- Сельское хозяйство в странах Африки южнее Сахары: достижения, проблемы, перспективы / отв. ред. А.Й. Элез. – Москва : ИАФР РАН, 2019. – 250 с.
- Assessment of Post Harvest Losses of Some Selected Crops in Eight Local Government Areas of Rivers State, Nigeria / Olayemi F.F., Adegbola J.A., Bami-shaiye E.I., Awagu E.F. // Asian Journal of Rural Development. – 2012. – N 2. – P. 13–23. – DOI: 10.3923/ajrd.2012.13.23.
- FAO. Crop Prospects and Food Situation // Quarterly Global Report. – 2021. – N 1, March. – 46 p. – DOI: 10.4060/cb3672en.
- FAO, ECA, AUC. Africa Regional Overview of Food Security and Nutrition 2019. – Accra : 2020. – 104 p. – DOI: 10.4060/CA7343EN.
- Gavrilova N.G., Denisova T.S. Nigeria's Food Security Challenge and the Response of International Organizations // Asia and Africa Today = Азия и Африка сегодня. – 2019. – N 7. – P. 54–58. – DOI: 10.31857/S032150750005569-7.

Gavrilova N.G., Denisova T.S. Smallholder Crop Production in Nigeria: Pitfalls and Paths to Innovation // *Research on Crops*. – 2020. – Vol. 21, N 2. – P. 435–440. – DOI: 10.31830/2348-7542.2020.070.

Ikelegbe O.O., Edokpa D.A. Agricultural production, food and nutrition security in rural Benin // *African Journal of food, agriculture, nutrition and development*. – 2013. – Vol. 13, N 5. – P. 8388–8400. – DOI: 10.18697/ajfand.60.12585.

Protein and amino acid requirements in human nutrition: report of a joint FAO/WHO/UNU expert consultation // *WHO Technical Report Series*. – 2002. – N 935. – 265 pp. – URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/43411/WHO_TRS_935_eng.pdf (дата обращения: 16.05.2022).

Smith N. The face of disability in Nigeria: a disability survey in Kogi and Niger states // *Disability, CBR and Inclusive Development*. – 2011. – Vol. 22, N 1. – P. 35–47. – DOI 10.5463/DCID.v22i1.11.

Tenacity of small farms and poverty levels: Evidence of relationship among farming households in Nigeria / Apatá T.G. [et al.] // *Research on Crops*. – 2019. – Vol. 19, N 4. – P. 775–786. – DOI: 10.31830/2348-7542.2018.0001.62.

The State of Food Security and Nutrition in the World 2021. Transforming Food Systems for Food Security, Improved Nutrition and Affordable Healthy Diets for all / FAO, IFAD, UNICEF, WFP, WHO. – Rome, 2021. – Xxiii, 213 p. – DOI: 10.4060/cb4474en.

UN. The Millennium Development Goals Report 2015. – New York, 2015. – 72 p. – URL: [https://www.un.org/millenniumgoals/2015_MDG_Report/pdf/MDG%202015%20rev%20\(July%201\).pdf](https://www.un.org/millenniumgoals/2015_MDG_Report/pdf/MDG%202015%20rev%20(July%201).pdf) (дата обращения: 16.05.2022).

WHO, World Bank. World report on disability. – 2011. – Xxiii, 325 p. – URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/44575> (дата обращения: 16.05.2022).

DOI: 10.31249/kgf/2022.04.09

Food Security of West African Countries at the Present Stage: Trends, Problems and Solutions

Nina G. GAVRILOVA

Junior Researcher, Centre for Transition Economy Studies
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences,
Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001
E-mail: ninagavrilova1976@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0176-7804

CITATION: Gavrilova N.G. (2022). Food Security of West African Countries at the Present Stage: Trends, Problems and Solutions. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 4, pp. 159–180 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgf/2022.04.09

Received: 01.06.2022.

Revised: 01.09.2022.

ABSTRACT. *The paper analyzes the state of food security in West Africa and assesses its viability. The present author reviews literature on food security of African countries and the state of their agriculture, conducts a statistical analysis of agricultural databases and reports, and comes to the conclusion that modern agriculture does not provide the population of West Africa with an adequate level of nutrition. The identified reasons for this date back to the 1960s, when West African countries gained independence and refocused their economies from agriculture toward the mining sector, minimizing support for the agricultural sector. Due to following the Millennium Development Goals, Africa has managed to reduce hunger on the continent, but recent global financial upheavals have demonstrated the inability of African agriculture to withstand cataclysms. Nutrition of the majority of the population today meets international standards neither quantitative-*

ly nor qualitatively. The current level of food security in West Africa is far below optimal. Agriculture there is guided by many regional principles, the adherence to which should lead to the revival of agricultural production. However, the pace of such transformations is extremely slow due to insufficient funding. Yet Africa's agricultural sector is supported by many international organizations that contribute to the introduction of progressive techniques. This primarily involves the introduction of digital innovations, which should increase the intensity of agricultural production and accordingly the ability of West Africa to achieve self-sufficiency in food and withstand natural and social disasters.

KEY WORDS: *West Africa, agriculture, agricultural sector, food security, food self-sufficiency, intensification of production, COVID-19, digital technologies in agriculture.*

References

- Afrika pered litsom... (2021). Volkov S.N., Deych T.L. (eds.). *Africa in The Face of Modern Challenges and Threats*. Moscow : Institute for African Studies, 216 pp. (in Russian).
- Afrika v kontekste... (2015). Ksenofontova N.A. (ed.). *Africa in the Context of Global Food Security*. Moscow : Institute for African Studies, 288 pp. (in Russian).
- Agrarniye preobrazovaniya... (1982). Goncharov L.V. (ed.). *Contemporary Agrarian Transformations in African Countries*. Moscow : Nauka. 229 pp. (in Russian).
- Assessment of Post Harvest Losses of Some Selected Crops in Eight Local Government Areas of Rivers State, Nigeria (2012). Olayemi F.F., Adegbola J.A., Bamishaiye E.I., Awagu E.F. *Asian Journal of Rural Development*, no. 2, pp. 13–23. DOI: 10.3923/ajrd.2012.13.23.
- FAO (2021). Crop Prospects and Food Situation. *Quarterly Global Report*, no. 1, March, 46 pp. DOI: 10.4060/cb3672en.
- FAO, ECA, AUC (2020). *Africa Regional Overview of Food Security and Nutrition 2019*. Accra, 2020, 104 pp. DOI: 10.4060/CA7343EN.
- Gavrilova N.G., Denisova T.S. (2019). Nigeria's Food Security Challenge and the Response of International Organizations. *Asia and Africa Today*, no. 7, pp. 54–58. DOI: 10.31857/S032150750005569-7.
- Gavrilova N.G., Denisova T.S. (2020). Smallholder Crop Production in Nigeria: Pitfalls and Paths to Innovation. *Research on Crops*, vol. 21, no. 2, pp. 435–440. DOI: 10.31830/2348-7542.2020.070.
- Ikelegbe O.O., Edokpa D.A. (2013). Agricultural production, food and nutrition security in rural Benin. *African Journal of food, agriculture, nutrition and development*, vol. 13, no. 5, pp. 8388–8400. DOI: 10.18697/ajfand.60.12585.
- Karakhanyan D.G. (1992). *Agricultural Cooperation in Africa: Problems and Prospects*. Moscow : Nauka, 137 pp. (in Russian).
- Kosmarskaya N.P. (1992). *Agricultural Crisis and Man: Realities of Tropical Africa*. Moscow : Nauka, 209 pp. (in Russian).
- Kuuz A.A. (1991). *The Public Sector in African Agriculture*. Moscow : Nauka, 116 pp. (in Russian).
- Matsenko I.B. (2018). From MDGs to SDGs: Eradicating Poverty in Sub-Saharan Africa. *Asia and Africa Today*, no. 2, pp. 52–58 (in Russian).
- Morozov V.P., Svanidze I.A. (1978). *Productive Forces of African Countries. Agriculture*. Moscow : Nauka, 282 pp. (in Russian).
- Protein and amino acid requirements in human nutrition: report of a joint FAO/WHO/UNU expert consultation (2002). *WHO Technical Report Series*, no. 935, 265 pp. Available at: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/43411/WHO_TRS_935_eng.pdf, accessed 16.05.2022.
- Razvitiye afrikanistiki... (2021). Abramova I.O., Amvrosova M.N., Bondarenko D.M., Volkov S.N., Gribova V.V., Deych T.L., Morozenskaya E.V. *African Studies in Russia: History and the Current State. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no. 6, pp. 297–328 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-13.
- Sel'skoye khozyaystvo Afriki... (1993). Goncharov L.V. (ed.). *Agriculture in Africa: Regional Aspects of Development*, Moscow : Institute for African Studies, 121 pp. (in Russian).
- Sel'skoye khozyaystvo v stranakh Afriki yuzneye Sakhari... (2019). Elez A.Y. (ed.) *Agriculture in Sub-Saharan Africa: Achievements, Challenges, Prospects*. Moscow : Institute for African Studies, 250 pp. (in Russian).
- Smith N. (2011). The face of disability in Nigeria: a disability survey in Kogi and Niger states. *Disability, CBR and Inclu-*

sive Development, vol. 22, no. 1, pp. 35–47. DOI 10.5463/DCID.v22i1.11.

Svanidze I.A. (1969a). *Dynamization of African agriculture*. Moscow : Institute for African Studies, 22 pp. (in Russian).

Svanidze I.A. (1969b). *Africa's Agricultural Development Challenges*. Moscow : Nauka, 194 pp. (in Russian).

Svanidze I.A. (1977). *Agriculture and Agricultural System of Tropical Africa*. Moscow : Nauka, 215 pp. (in Russian).

Tenacity of small farms and poverty levels: Evidence of relationship among farming households in Nigeria (2019). Apata T.G. [et al.]. *Research on Crops*, vol. 19, no. 4, pp. 775–786. DOI: 10.31830/2348-7542.2018.0001.62.

The State of Food Security and Nutrition in the World 2021. Transforming Food Systems for Food Security, Improved Nutrition and Affordable Healthy Diets for all (2021). FAO, IFAD, UNICEF, WFP, WHO, Rome, xxiii, 213 p. DOI: 10.4060/cb4474en.

UN (2015). *The Millennium Development Goals Report 2015*. New York, 72 pp. Available at: [https://www.un.org/millenniumgoals/2015_MDG_Report/pdf/MDG%202015%20rev%20\(July%201\).pdf](https://www.un.org/millenniumgoals/2015_MDG_Report/pdf/MDG%202015%20rev%20(July%201).pdf), accessed 16.05.2022.

WHO, World Bank (2011). *World report on disability*. Xxiii, 325 pp. Available at: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/44575>, accessed 16.05.2022.

В национальном разрезе

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.10

Эфиопия: социально-экономическое развитие и возможности сотрудничества с Россией в науке и производстве

Евгения Викторовна МОРОЗЕНСКАЯ

кандидат экономических наук, заведующая Центром изучения проблем переходной экономики, ведущий научный сотрудник, эксперт РАН
Институт Африки РАН

ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001

E-mail: evmorozen@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6311-1718

Людмила Николаевна КАЛИНИЧЕНКО

старший научный сотрудник Центра изучения проблем переходной экономики
Институт Африки РАН

ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001

E-mail: kalinichenkolyudmila@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0531-9873

ЦИТИРОВАНИЕ: Морозенская Е.В., Калининченко Л.Н. Эфиопия: социально-экономическое развитие и возможности сотрудничества с Россией в науке и производстве // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2022. Т. 15. № 4. С. 181–200.
DOI: 10.31249/kgt/2022.04.10

Статья поступила в редакцию 15.06.2022.

Исправленный текст представлен 21.09.2022.

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены различные аспекты экономического взаимодействия России и ее старейшего партнера в Африке – Эфиопии. Охарактеризован вполне успешный опыт их торгово-промышленного сотрудничества в 1960–1990-х годах, а также динамика основных сфер и направлений экономического развития Эфиопии с начала 2000-х годов. В соответствии с координационными рамками Межправительственной россий-

ско-эфиопской комиссии по вопросам экономического, научно-технического сотрудничества и торговли две страны стремятся реализовать совместные инвестиционные проекты при участии российских компаний в следующих сферах: энергетика (углеводородная и чистая), включая гидро- и атомную энергетику («Росатом» и «Интер РАО»); транспортное машиностроение (КАМАЗ, УАЗ, АвтоВАЗ, РЖД); геологоразведка; научные исследования;

профессиональное образование. Перспективными для дальнейшей практической кооперации являются исследования, проводимые в рамках 30-летней Совместной российско-эфиопской биологической экспедиции (СРЭБЭ), деятельность которой сопровождается широким привлечением российских экспертов к работам в прикладных народно-хозяйственных проектах, прежде всего в аграрном секторе. Особый интерес представляет дальнейшая кооперация России и Эфиопии в расширении возможностей подготовки квалифицированных кадров для отраслей чистой энергетики, транспорта, сельского хозяйства Эфиопии в российских вузах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Африка, экономика Эфиопии, Россия, потенциал сотрудничества, развитие производства, энергетика, геологоразведка, транспортное машиностроение, научные исследования, профессиональное образование.

Эфиопия демонстрирует очень высокие темпы экономического роста: в первое десятилетие 2000-х годов она входила в первую десятку стран мира по этому показателю. В 2019 г., согласно Докладу Африканского банка развития «О перспективах развития экономики региона Восточной Африки», данный субрегион стал самым быстрорастущим на континенте, причем в Эфиопии (наряду с Джибути, Руандой и Танзанией) прирост реального ВВП превысил среднерегиональные 6% [AFDB, 2019]. Для России экономическое сотрудничество с этой страной является важным и перспективным направлением взаимодействия не только в торговом, но и в научно-производственной сфере.

Сотрудничество Эфиопии с Россией: этапы и формы кооперации

Российско-эфиопские культурные и военно-дипломатические отношения (с 1898 г., прерывавшиеся в период 1917–1943 гг.) после заключения в 1959 г. соглашения о торговле и сотрудничестве СССР и Эфиопии дополнились экономическими связями, особенно активными в 1970-х годах. При содействии СССР были построены десятки промышленных предприятий и крупных энергетических объектов, таких как сельскохозяйственный комплекс в районе г. Гамбела, плотина на реке Алверо (что позволило оросить 10 тыс. гектаров засушливых земель), ГЭС мощностью 153 МВт в районе г. Мелка Вакена (*Melka Wakena*) на реке Уэби-Шабелле (1988 г.), тракторосборочный завод в г. Назрет, 5 машинотракторных станций, 6 мастерских по ремонту сельскохозяйственных машин и др. В ходе проведенных советскими геологами масштабных изысканий были обнаружены месторождения различных полезных ископаемых. Наряду с содействием в выращивании чая и масличных культур, создании животноводческих хозяйств и мясохладобоев, строительстве хранилищ и холодильных установок большая помощь была оказана Эфиопии в преодолении последствий многолетней засухи и голода в середине 1980-х годов. В высших учебных заведениях СССР получили образование свыше 24 тыс. эфиопских граждан, профессиональное обучение прошли около 5 тыс. специалистов и рабочих. Активно развивалось и военно-техническое сотрудничество.

К началу 1990-х годов в результате распада СССР и внутривнутриполитических изменений в Эфиопии экономические контакты между странами заметно сократились: они ограничивались рабо-

тами по завершению строительства или возобновлению деятельности промышленных объектов, созданных при содействии СССР, а также поддержанию торговых связей. При этом общий объем торговли увеличивался, в основном за счет возросшего импорта Эфиопией российских автомобилей.

С созданием Межправительственной российско-эфиопской комиссии по вопросам экономического и научно-технического сотрудничества и торговли (МПК), которая объединяет представителей государственных структур и деловых кругов двух стран, и подписанием Декларации о принципах дружественных отношений и партнерстве между Российской Федерацией и Федеративной Демократической Республикой Эфиопией (2002 г.) было намечено развитие и поощрение всех форм взаимной торговли, инвестиций и иной экономической деятельности, установление прямых контактов между предприятиями, в том числе малыми и средними, между банками и другими кредитными организациями, координация действий в области валютно-экспортного контроля. Основные направления и проекты сотрудничества, зафиксированные в Среднесрочной программе развития торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между РФ и ФДР Эфиопией¹, включали несколько сфер экономики.

1. Нефтегазовая промышленность:

- проведение изысканий на нефть и газ (в Центральном, Северном и Юго-Западном районах Эфиопии, в регионе Огаден);
- проверка технического состояния, ремонт и строительство нефте-

проводов и нефтеналивных резервуаров на территории Эфиопии;

- освоение газоконденсатного месторождения Калуб (*Calub*) и создание промышленного производства синтетического моторного топлива из добываемого на нем природного газа.

2. Электроэнергетика:

- участие в реализации 25-летнего плана развития энергетики Эфиопии;
- реконструкция существующих энергетических объектов;
- строительство на территории Эфиопии новых электростанций, линий электропередач и подстанций, а также станций, использующих возобновляемые источники энергии (ВИЭ).

3. Геология и природные ресурсы:

- составление карт районов Эфиопии, перспективных в отношении залежей золота, платины, тантала, меди, свинца и цинка;
- поиск месторождений золота и редких металлов, проведение геологоразведочных работ, оказание технического содействия в разработке и добыче полезных ископаемых (в районе Адола, Кентича), расширение золоторудного комплекса в Лега-Демби;
- разведка полезных ископаемых в бассейнах рек Мекеле, Афар, Омо, Чью Бахир, в районе Галетик-Рамис и др.;
- создание совместных российско-эфиопских организаций для разработки месторождений золота, тантала, калийных солей и строительного камня.

Налаживание взаимовыгодного сотрудничества в этой сфере может способствовать достижению поставленной правительством Эфиопии цели увеличить долю горнодобывающей промышленности в ВВП с 0,6 до 10%.

¹ Постановление Правительства РФ от 28 ноября 2002 г. № 842 «О подписании Среднесрочной программы развития торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и Федеративной Демократической Республикой Эфиопией». – URL: <https://base.garant.ru/256034> (дата обращения: 11.04.2022).

4. Промышленность:

- модернизация заводов по выпуску каустической соды в г. Эвай и тракторного завода в г. Назрет;

- организация сборки автомобилей КАМАЗ, УАЗ, ВАЗ, «Ока» и «Урал», дорожно-строительной техники, а также производства автобусов;

- создание литейного, кузнечного, штамповочного, механообрабатывающего производств, в том числе по изготовлению рулонных металлических заготовок для нефтеналивных резервуаров, а также металлургического предприятия в регионе Тыграй, г. Мекеле.

5. Водное хозяйство, ирригация и освоение земель:

- проведение гидрогеологических исследований в различных районах Эфиопии, прежде всего поиск и разведка подземных вод для водоснабжения населенных пунктов;

- строительство плотин для создания водохранилищ и плотины на объекте «КАЗА»;

- бурение скважин на воду в районе Эль-Куран и в районе реки Генале;

- поставка буровых установок и дождевальных машин в Эфиопию.

6. Сельское хозяйство:

- создание двух животноводческих зон с обеспечением защиты животных от эпидемий, а также Национальной ветеринарной лаборатории Эфиопии;

- содействие Национальному ветеринарному институту Эфиопии в улучшении процесса производства вакцин.

7. Здравоохранение:

- развитие в Эфиопии медицинских центров;

- поставка в Эфиопию лекарственных средств и медицинской техники.

8. Подготовка национальных кадров:

- профессиональная подготовка эфиопских специалистов (Россия ежегодно выделяет порядка 30 стипендий по гражданским специальностям);

- командирование российских специалистов в Эфиопию;

- поставка оборудования, материалов и учебных пособий для учебных заведений Эфиопии.

Россия неоднократно оказывала Эфиопии гуманитарную и непосредственную продовольственную помощь. Большую роль в выполнении программы по сокращению бедности в стране, строительству школ, больниц и других социальных объектов, водообеспечению населения было призвано оказать произведенное в 2005 г. списание долга Эфиопии перед СССР/РФ (1 104 млн из 1 268 млн долларов) и реструктуризация на 30 лет его остатка [Морозенская, 2012, с. 100–108].

Важнейшей сферой экономического сотрудничества двух стран остается взаимная торговля. Она же является достаточно точным показателем динамики их хозяйственных взаимоотношений (см. таблицу 1).

В целом нынешние масштабы торгово-экономического сотрудничества между Россией и Эфиопией по-прежнему не отвечают имеющемуся у них потенциалу. По доле во внешнеторговом обороте России Эфиопия в 2021 г. заняла 104-е место (136-е – в 2020 г.). Товарооборот до настоящего времени представлен в основном российским экспортом, преобладающая часть которого приходится (2021 г.) на такие статьи, как продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (62,7% от общего объема экспорта), а также машины, оборудование и транспортные средства (29,6%), в меньшей степени – металлы и изделия из них (4,3%), продукция химической промышленности (1,9%), древесина и целлюлозно-бумажные изделия (1,4%). Наибольший прирост российского экспорта (более 65 млн долларов) в 2021 г. по сравнению с 2020 г. был связан со злаковыми, в основном пшеницей. Поставки то-

Таблица 1. Внешняя торговля Российской Федерации с Эфиопией, млн долларов, 1995–2021

Table 1. Foreign trade of the Russian Federation with Ethiopia, USD million, 1995–2021

Год	Общий объем товарооборота	Экспорт РФ в Эфиопию	Импорт РФ из Эфиопии
1995	0,9	0,9	-
2000	56,5	56,3	0,2
2005	24,8	22,0	2,8
2010	144,0	132,0	12,0
2015	42,0	18,0	24,0
2020	176,2	168,1	8,1
2021	225,2	194,7	30,5

Источники: [Лопатов, 2007, с. 89]; Динамика торговли России с Эфиопией. 2010–2017 // Внешняя торговля России. 2018. – URL: <http://dinamika-torgovli-rossii-s-efiopiye-v-2010-2017-godah/> (дата обращения: 11.04.2021); Торговля между Россией и Эфиопией. 2021 // Внешняя торговля России 2022. – URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiye-i-efiopiye-v-2021-g/> (дата обращения: 08.05.2022).

варов из Эфиопии на российский рынок, как и прежде, состоят в основном из продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (89,7%), а также текстильной и обувной продукции (10,0%). Основной прирост импорта России из Эфиопии в 2021 г. пришелся на кофе, чай, мате, пряности, предметы одежды, декоративные растения и срезанные цветы².

Приоритеты экономического развития Эфиопии в XXI в.

Экономические преобразования в Эфиопии с начала 2000-х годов проходят под знаком структурной трансформации в соответствии со стратегией зеленой индустриализации, реализация которой связана с выполнением нескольких программ. В 2010 г. был запущен План роста и трансформации экономики (*Growth and*

Transformation Plan, GTP), согласно которому обрабатывающий сектор совместно с сельским хозяйством должен стать ускорителем развития, особенно в экспортно-ориентированных и трудоинтенсивных отраслях. Роль государства состоит в обеспечении финансовой, институциональной и инфраструктурной основы этого процесса. Последовательное осуществление двух планов экономического развития – *GTP I* (2010/2011–2014/2015) и *GTP II* (2015/2016–2019/2020) – позволило расширить промышленную базу, в первую очередь в результате роста текстильной, кожевенной, строительной отраслей и производства цветочной продукции [Governing green ..., 2019, Р. 279–290].

Политическая стабилизация, начавшаяся в 2000-е годы, способствовала рекордному росту ВВП (в среднем на 9% в течение 2010-х годов). Это привело к повышению благосостоя-

2 Торговля между Россией и Эфиопией. 2021 // Внешняя торговля России. 2022. – URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiye-i-efiopiye-v-2021-g/> (дата обращения: 08.05.2022).

ния и увеличению продолжительности жизни населения страны – с 47 лет в 1990 г. до 67 лет в 2020 г. (для сравнения: 62 года в среднем по странам АЮС) – и снижению уровня смертности: в расчете на 1 000 человек в 2020 г. он был ниже (233 для мужчин и 181 для женщин), чем в среднем по странам АЮС (соответственно 299 и 239)³.

Согласно исследованию Всемирного банка (ВБ), быстрый экономический рост способствовал увеличению потребления домохозяйств в городских районах примерно на 6% в год (в сельских районах – менее 1%). В результате снизился национальный уровень бедности (с доходом на человека в день менее 1,90 долларов в ценах 2011 г. на основе ППС) – с 29,6% в 2011 г. до 23,5% в 2016 г., при этом в большей степени для городского населения (с 25,7 до 14,8%), чем для сельского (с 30,4 до 25,6%). (Правда, у беднейших 10% населения Эфиопии не происходило роста потребления, начиная с 2005 г.)⁴ Ускорение сокращения городской бедности стало результатом устойчивого увеличения занятости, включая самозанятость. В сельских районах этот процесс был обусловлен улучшением инфраструктуры и коммуникаций, переходом к товарным культурам, совершенствованием семеноводства, продвижением флагманской Программы производственной системы социальной защиты (*The Productive Safety Net Programme, PSNP*) в результате лучшего согласования потребностей, географической адресности и гармонизации различных проектов и мероприятий в области продовольственной безопасности.

Среди отраслей экономики наиболее высокие темпы роста в 2010–2020 гг. отмечались в добывающей и обрабатывающей промышленности (таблица 2). В то же время, поскольку частные предприниматели инвестировали преимущественно в сектор услуг, доля обрабатывающего сектора в ВВП возросла незначительно. Хотя сектор услуг способствовал росту занятости в результате ускорения структурных преобразований в стране, аграрный сектор, несмотря на снижение его доли в ВВП, остается доминирующим среди источников средств к существованию беднейшего населения. Поэтому для сокращения масштабов нищеты потребуются прежде всего улучшение условий сельскохозяйственного производства – землепользования, механизации и пр.

По экспертным оценкам, уровень конкурентоспособности промышленности страны возрос в период с 2012 по 2018 г. на 16 позиций в мировом рейтинге за счет увеличения доли средне- и высокотехнологичной продукции в добавленной стоимости обрабатывающей промышленности (с 11,4 до 17,8%) и товарном экспорте переработанной продукции (с 16,1 до 41,8%)⁵. Однако в общей структуре экспорта страны по-прежнему преобладает продовольствие, а в импорте – промышленная продукция (см. таблицу 3).

Главным экономическим и торговым партнером Эфиопии является Китай (14% экспорта и 30% импорта). Стоимость всего эфиопского экспорта, несмотря на некоторый спад доли сектора услуг (в основном из-за снижения доходов Эфиопских авиалиний),

3 World Bank. World Development Indicators 2021. – Table 2.18. – URL: <https://wdi.worldbank.org/tables/2021> (дата обращения: 23.05.2022).

4 World Bank. Ethiopia Poverty Assessment: Harnessing Continued Growth for Accelerated Poverty Reduction // WB. – 2020. – P. 9. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33544> (дата обращения: 20.05.2022).

5 UNIDO. Competitive Industrial Performance Report 2020. – Vienna : UNIDO, 2021. – P. 67. – URL: <https://stat.unido.org/content/publications/competitive-industrial-performance-report-2020> (дата обращения: 10.05.2022).

Таблица 2. Темпы прироста и структура ВВП Эфиопии, %, 2000–2020
Table 2. Ethiopia: structure of GDP and average annual growth, %, 2000–2020

Показатели	Объем ВВП (млрд долларов) и структура ВВП (%)		Среднегодовые темпы прироста, %	
	2010 г.	2020 г.	2000–2010	2010–2020
ВВП, млрд долларов	29,9	107,6	8,9	9,3
Сельское хозяйство, %	41,4	35,5	7,1	5,4
Добывающая промышленность, %	9,4	23,1	9,4	18,5
Обрабатывающая промышленность, %	4,0	5,3	7,9	15,6
Услуги, %	41,8	36,8	11,3	10,1

Источник: World Bank. World Development Indicators 2021. – Tables 4.1, 4.2. – URL: <https://wdi.worldbank.org/tables> (дата обращения: 23.05.2022).

Таблица 3. Структура экспорта и импорта товарной продукции Эфиопии, 2010–2020 гг.
Table 3. Ethiopia: structure of merchandise exports/imports, 2010–2020

Показатели	Экспорт		Импорт	
	2010 г.	2020 г.	2010 г.	2020 г.
Всего, млн долларов	2330	3258	8602	13115
Продовольствие, %	68,0	77,6	10,9	18,4
Сельскохозяйственное сырье, %	2,6	9,1	0,5	0,5
Топливо, %	0,0	0,0	18,4	12,0
Руды и металлы, %	1,8	0,3	1,2	1,2
Продукция обрабатывающей промышленности, %	14,0	13,0	69,1	67,9

Источник: World Bank. World Development Indicators 2021. – Tables 4.4, 4.5. – URL: <https://wdi.worldbank.org/tables> (дата обращения: 23.05.2022).

увеличилась в 2020 г. за счет роста продаж золота, цветов, кофе, что на фоне сокращения импорта способствовало уменьшению внешнеторгового дефицита Эфиопии [AfDB, 2021].

Перед страной стоит задача сохранить достигнутые положительные тенденции, несмотря на последствия пандемии COVID-19, ухудшение состояния окружающей среды, изменения климата и новые политические коллизии. Принципы устойчивого раз-

вития, зафиксированные в Конституции страны, предполагают внедрение эффективных технологий, расширение использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ), переход к низкоуглеродной энергетике и промышленности. В настоящее время правительство Эфиопии руководствуется положениями стратегии «Климат-устойчивая зеленая экономика» (*Climate Resilient Green Economy, CRGE*), разработанной в 2011 г. и обновленной в 2019 г.

Главной целью этой стратегии является достижение к 2025 г. статуса страны с доходами населения не ниже среднемирового уровня⁶.

Стратегия *CRGE* включает четыре базовых пункта:

- совершенствование методов растениеводства и животноводства для повышения урожайности и продовольственной безопасности при одновременном сокращении выбросов углекислого газа;

- защита и восстановление лесов как экосистем и поглотителей углерода;

- расширение использования чистой энергии;

- переход к энергоэффективным технологиям на транспорте, в промышленности и строительстве.

Для претворения в жизнь конкретных задач стратегии *CRGE* правительство запустило новый 10-летний перспективный план на 2020/2021–2029/2030 гг. (см. таблицу 4). Данный план содержит 60 инициатив для каждого из ключевых секторов экономики с целью сокращения выбросов парниковых газов на более чем 60% к 2030 г., а также амбициозную программу создания 14 млн «зеленых» рабочих мест к 2025 г.⁷

Для мобилизации необходимых для реализации намеченных планов финансовых средств правительство создало Национальный фонд устойчивой зеленой экономики (*CRGE Facility*).

Несмотря на высокие темпы экономического роста за последнее десятилетие, внешний долг Эфиопии резко увеличился – с 47% ВВП в 2014 г. до 61% ВВП в 2018 г. – в результате значительных займов на инфраструктурные про-

екты. Новые реформы в условиях перехода к рыночной экономике направлены на проведение приватизации в ключевых секторах и привлечение средств за счет продажи государственных активов таких организаций, как «Эфиопская железнодорожная корпорация» (*Ethiopian Railway Corp.*), «Эфиопские авиалинии» (*Ethiopian Airlines*) и «Металлургическая и инженерная корпорация» (*Metals & Engineering Corp.*), – группы компаний, контролирующей выполнение гидроэнергетического проекта GERD⁸.

Финансовая ситуация в стране осложнилась под влиянием последствий пандемии *COVID-19*. Эфиопия, на которую приходится более трети прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Восточную Африку, показала сокращение притока ПИИ в 2018–2020 гг. с 3,3 млрд до 2,4 млрд долларов (см. таблицу 5).

Большая часть ПИИ направлялась в этот период в добычу полезных ископаемых, возобновляемую энергетику, нефтепереработку, недвижимость, а также в текстильную промышленность. Основной страной-инвестором выступает Китай (около 14 млрд долларов накопленных ПИИ), на долю которого приходится 60% утвержденных новых проектов со значительными инвестициями в производство и услуги. Так, одним из наиболее крупных проектов стала модернизация железной дороги, соединяющей Эфиопию с портами соседней Джибути, стоимостью 3,4 млрд долларов, на 70% профинансированная КНР. Инвестируют в Эфиопию также Саудовская Аравия, США, Индия и Турция [Гончаров, 2021].

6 Ethiopia Capacity Building on Climate Change Financing. October 2021. – URL: <https://www.un.org/DESA-Intdiv-ETH.pdf> (дата обращения: 20.05.2022).

7 Green Economy Coalition. Fragile, green shoots from rich soil. 2022. – URL: <https://greeneconomytracker.org/country/Ethiopia> (дата обращения: 20.05.2022).

8 CAT Climate governance series. Ethiopia. – 2020. – December. – URL: https://climateactiontracker.org/2020_12_CAT_Governance_Report_Ethiopia.pdf (дата обращения: 20.04.2022).

Таблица 4. Дорожная карта реализации стратегии CRGE, 2020/2021–2029/2030
Table 4. Roadmap for the CRGE strategy implementation, 2020/2021–2029/2030

Аграрный сектор	Программа устойчивого управления земельными ресурсами Программа роста производства пшеницы на засушливых и полувасушливых землях с помощью развития ирригационных систем Программа продовольственной безопасности Программа развития животноводства и рыболовства
Лесное хозяйство	Программа восстановления лесных угодий путем посадки 5 млрд деревьев Программа защиты лесов от деградации и уничтожения
Энергетика	Завершение строительства ГЭС GIBE III Завершение строительства ГЭС Grand Ethiopian Renaissance Dam (GERD) Строительство геотермальной ТЭС мощностью 150 МВт Наращивание ветровой генерации Снижение стоимости производства электроэнергии
Транспорт	Создание электрифицированной железнодорожной сети на основе ВИЭ Развитие транспортной инфраструктуры Аддис-Абебы за счет расширения действующего (34 км) легкорельсового и автобусного транспорта Устойчивое развитие железнодорожной линии Эфиопия – Джибути с выходом к морю Повышение стандартов использования топлива для пассажирского и грузового транспорта Замещение импортного топлива местным биодизельным топливом и биотанолом Импорт технологии гибридных и электромобилей
Строительство	Ускоренный переход к оборудованию в домах электролампового освещения Внедрение технологии по переработке твердых и жидких бытовых отходов на основе использования в Аддис-Абебе мощностей по переработке 1 400 т отходов в день и выработке энергии
Промышленность	Повышение энергоэффективности процесса производства цемента за счет перехода на современные технологии и внедрение компьютеризированных систем управления и контроля для снижения выбросов парниковых газов

Источник: Составлено на основе данных из: Common Market for Eastern and Southern Africa. Climate-Resilient Green Economy Implementation and Best Practices on Climate Action in Ethiopia 2020. – URL: <https://www.comesa.int/Climate-Resilient-Economy-Ethiopia-Report-1.pdf> (дата обращения: 11.05.2022).

Таблица 5. Динамика ПИИ в Эфиопии, 2018–2020
Table 5. FDI dynamics in Ethiopia, 2018–2020

Показатели	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Приток ПИИ, млн долларов	3 310	2 549	2 395
Накопленные ПИИ, млн долларов	22 407	24 956	27 351
Число новых проектов	29	32	11
Инвестиции в новые проекты, млн долларов	6 577	1 908	479

Источник: Ethiopia: Investing in Ethiopia 2021. – URL: <https://www.lloydsbanktrade.com/en/market-potential/ethiopia/investment> (дата обращения: 04.05.2022).

На объеме инвестиций могут негативно отразиться высокие трансакционные издержки, затруднения при аренде земли, неудовлетворительное состояние инфраструктуры, контроль государства над сектором услуг. Вместе с тем планируемая приватизация государственных железных дорог, морского, воздушного транспорта, логистики, электроэнергетики и телекоммуникаций, создание особых экономических зон, упрощение регистрации собственности, повышение доступности источников электроэнергии должны привлечь частных инвесторов, как и новый закон об инвестициях, принятый в 2020 г. с целью улучшения условий ведения бизнеса. Стимулы по привлечению инвестиций, в частности, включают «освобождение от уплаты налогов на прибыль на период от 2 до 6 лет, отсутствие контроля над экспортными ценами со стороны Национального банка Эфиопии, упрощение и ускорение процедуры получения лицензий» [Конохова, 2022, с. 47]. Притоку финансовых ресурсов способствуют также второй по величине рынок дешевой рабочей силы в Африке и обширная территория с разнообразными природными ресурсами, а также относительно стабильный инвестиционный климат.

В результате, по данным национальной статистики, в 2020/2021 финансовом году приток ПИИ возрос до 3,9 млрд долларов, что было обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, Консорциум телекоммуникационных компаний «Глобальное партнерство для Эфиопии» (*The Global Partnership for Ethiopia*) выиграл частную лицензию на оказание телекоммуникационных услуг, предложив 850 млн долла-

ров и став конкурентом *Ethio Telecom*. Во-вторых, значимым объектом для капиталовложений стал агробизнес, одним из направлений которого стало создание трех агропромышленных парков [Гаврилова, 2022, с. 40–43]. Один из комплексов – *Yirgalem Integrated Agro-Industrial Park* – привлек инвестиции 19 частных компаний⁹.

Проводимая правительством фискальная политика способствовала росту финансовых сбережений на 30% в 2019–2021 гг. При этом объем новых кредитов возрос в 2021 г. более чем на 21% по сравнению с 2012 г. и более 70% их объема было предоставлено частному сектору. Кроме того, вследствие таможенных реформ были значительно снижены тарифные ставки на ввозимые сырье и промежуточные товары, а импортные пошлины и налоги были сняты с более чем 500 наименований оборудования и другой продукции для аграрного сектора с целью стимулирования инвестиций как в закупки, так и в местное производство сельскохозяйственной техники, ирригационного оборудования и пр., что делает их доступными для мелких фермеров¹⁰.

Эфиопия обладает значительным техническим потенциалом возобновляемых источников энергии, составляющим порядка 60 000 МВт, включая гидроэнергию, ветроэнергетические ресурсы и геотермальные ресурсы (соответственно 45 000, 10 000 и 5 000 МВт), однако он используется лишь примерно на 7,5% [Морозенская, 2014, с. 249–251]. По прогнозам, спрос на электроэнергию в ближайшие годы будет расти в среднем на 30% в год, поэтому осуществление планов экономического развития невозможно без расшире-

9 Ethiopia Attracts \$3.9 billion FDI in 2020/21 Fiscal Year // Ethiopian Monitor. – 2021. – August 19. – URL: <https://ethiopianmonitor.com/2021/08/19/ethiopia-attracts-3-9-billion-fdi-in-2020-21-fiscal-year/> (дата обращения: 14.05.2022).

10 Ethiopia economy updates // NewBusinessEthiopia. – 2021. – September. – URL: <https://newbusinessethiopia.com/economy/ethiopia-economy-updates-september-2021/> (дата обращения: 14.05.2022).

ния энергетической базы, мощности которой в настоящее время составляют 4 500 МВт (90% приходится на гидроэлектродоэнергию). В соответствии с Национальной программой электрификации, помимо увеличения генерации, необходимо развитие высоковольтных линий электропередач, а также создание автономных сетей в удаленных сельских районах¹¹.

Среди реализуемых проектов большой политической резонанс вызвало начатое в 2011 г. строительство крупнейшей в Африке и 7-й по величине в мире ГЭС – Великой Эфиопской Плотины Возрождения (*GERD*) – проектной мощностью 5 600 МВт, первая турбина которой мощностью 375 МВт начала производить электроэнергию в начале 2022 г. Учитывая большой дефицит электроэнергии, доступ к которой имеют только около 45% населения Эфиопии (2020 г.), данная ГЭС должна сыграть решающую роль в достижении цели всеобщей электрификации Эфиопии к 2025 г., а также превратить ее в нетто-экспортера электроэнергии в соседние страны. Однако сооружение плотины *GERD* на протяжении 10 лет вызывает опасения у правительств соседних Египта и Судана в том, что она создаст дефицит воды ниже по течению Нила и нарушит его уникальную экосистему, что снизит урожайность¹².

Эфиопия является нетто-импортером нефти, спрос на которую быстро растет, хотя поставки осложняются инфраструктурными ограничениями.

В то же время в декабре 2019 г. парламент одобрил соглашение с Джибути о строительстве магистрального газопровода от Огаденского газового бассейна в Эфиопии до экспортного терминала в Джибути, планируется также строительство завода по производству сжиженного природного газа (СПГ) и экспортного СПГ-терминала в Дамержоге, поблизости от эфиопо-сомалийской границы¹³.

Наряду с энергетикой одним из важнейших направлений хозяйственного развития Эфиопии является достижение устойчивого землепользования (пока 20% населения Эфиопии по-прежнему проживает на деградирующих землях). В соответствии с Программой устойчивого управления земельными ресурсами, методы по расширению доступа к водоснабжению, сокращению эрозии почв, повышению урожайности и укреплению вследствие этого продовольственной безопасности уже применяются почти на 900 тыс. гектарах, что позволило улучшить условия жизни примерно 2,5 млн человек¹⁴.

Для того чтобы достичь заявленных целей и сохранить социально-экономические достижения последних лет, Эфиопии необходимо продолжать реализацию своих модернизационных стратегий с учетом чувствительных для страны климатических изменений, прежде всего повышения температуры и изменения уровня сезонных осадков. Кроме того, почти половина земель Эфиопского нагорья (составляющего

11 Energy. Overview // International Trade Administration. – 2021. – September 6. – URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/ethiopia-energy> (дата обращения: 06.06.2022).

12 ГЭС «Возрождение» в Эфиопии начала производить энергию // Электротехнический интернет-портал. – 2022. – 24 февраля. – URL: <https://www.elec.ru/news/2022/02/24/vozrozhdenie-v-efiopii-nachala-proizvodit-elektroe.html> (дата обращения: 15.05.2022).

13 Восточная Африка как перспективный поставщик СПГ. Эфиопия и Джибути подписали соглашение реализации крупного проекта // Портал Neftegaz.ru. – 2019. – 19 февраля. – URL: <https://neftgaz.ru/news/transport-and-storage/194525-vostochnaya-afrika-kak-perspektivnyy-postavshchik-spg-efiopiya-i-dzhibuti-podpisali-soglasenie-real/> (дата обращения: 14.05.2022).

14 Эфиопия. Экология. Госбюджет, налоги, цены worldbank.org 21 мая 2020 № 3402227. – URL: <https://polpred.com/?cnt=183%3Fns%3D4&fulltext=on> (дата обращения: 29.04.2022).

около 45% всей территории страны) подвержена серьезной эрозии. Из-за сокращения объема природных ресурсов снижается общая продуктивность сельского хозяйства. В результате, в условиях растущего демографического давления (при численности населения страны 117,9 млн человек (12-е место в мире в 2021 г.) темпы его роста (2,49% в год) существенно превышают среднемировые (1,52%) показатели¹⁵) затрудняется достижение Эфиопией продовольственной безопасности.

Российско-эфиопское сотрудничество: новые возможности

Наряду с намеченными в 2002 г. основными сферами сотрудничества России и Эфиопии (см. выше) на 7-м заседании МПК (1–3 октября 2019 г., г. Санкт-Петербург) особый акцент, помимо энергетики (в том числе ядерной), геологии и недропользования, сельского хозяйства, культуры и туризма, был сделан на торгово-экономическую и гуманитарную области, в значительной мере – на сферы науки, технологий и подготовки кадров¹⁶.

На стадии переговоров и выработки конкретных путей и форм реализации партнерства России и Эфиопии в этих сферах находятся следующие ключевые проекты:

1. Промышленные технологии.

В металлургической сфере (ЦНИИчермет им. И.П. Бардина, Рос-

сия; Корпорация минеральных ресурсов, нефти и газа, Эфиопия; металлургические и инвестиционные компании) – совместные разработки технологий и перевооружение производства стали и сплавов; создание с государственным участием современного горнодобывающего, сталеплавильного и прокатного производства; создание металлургического научно-исследовательского института в г. Аддис-Абеба¹⁷.

2. Энергетика.

Российские корпорации «Силовые машины», «Технопромэкспорт», «Хевел» (производитель солнечных модулей) заинтересованы в осуществлении энергетических проектов в Эфиопии, в том числе в сфере ВИЭ (исследования в области технологии ВИЭ проводятся, например, в Центре по изучению возобновляемой энергетики при Технологическом институте Аддис-Абебы), ГЭС (модернизация построенной СССР ГЭС Мелка Вакена)¹⁸ и атомной энергетики. В октябре 2019 г. (г. Сочи, саммит «Россия – Африка») РФ и ФДРЭ подписали Межправительственное соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях, включая содействие в создании и совершенствовании атомной инфраструктуры Эфиопии в соответствии с международными рекомендациями; регулирование и надзор в области ядерной и радиационной безопасности; осуществление фундаментальных и прикладных исследований в области использования атомной энергии в мирных целях; производство радио-

15 World Population Review. World Population by Country 2022. – URL: <https://worldpopulationreview.com/countries> (дата обращения: 20.05.2022).

16 7-е заседание Межправительственной Российско-Эфиопской комиссии по вопросам экономического, научно-технического сотрудничества и торговли. 7 октября 2019. – URL: <https://www.rosnedra.gov.ru/article/11080.html> (дата обращения: 21.04.2022).

17 Эфиопия. Россия > Металлургия, горнодобыча > minpromtorg.gov.ru, 25 февраля 2022 > № 3984229. Всемирная справочная служба. – URL: <http://ethiopia.polpred.com> (дата обращения: 21.04.2022).

18 В Минэнерго ждут от Эфиопии информацию по тендеру на модернизацию ГЭС // РИА Новости. – 2019. – 23 октября. – URL: <https://news.rambler.ru/other/43041145-v-minenergo-zhdut-ot-efiopii-informatsiyu-po-tenderu-na-modernizatsiyu-ges/> (дата обращения: 20.10.2022).

изотопов и их применение в промышленности, медицине и сельском хозяйстве; обучение и переподготовка специалистов для атомной отрасли. Соглашением предусмотрено формирование совместного координационного комитета, реализация конкретных проектов и научных исследований, а также обмен экспертами, организация семинаров и конференций, содействие в подготовке научного и технического персонала, обмен научно-технической информацией, поставка оборудования, материалов и компонентов. В перспективе рассматривается сооружение на территории Эфиопии Центра ядерной науки и технологий, а также возможное строительство АЭС¹⁹.

3. Транспорт:

- в авиации – возобновление прямого авиасообщения при участии национальных компаний – «Аэрофлота» и *Ethiopian Airlines* [Абрамова, 2018, с. 9] – с перспективой превращения Аддис-Абебы в транспортный хаб для пассажирских авиаперевозок между Россией и странами АЮС²⁰; закупка и обслуживание транспортных средств, в том числе новых авиасудов российского производства, прежде всего *Sukhoi Superjet 100*, Иркút МС-21 и Ил-96;

- в автомобилестроении – сотрудничество с эфиопской компанией *Bazra Motors*, планирующей крупноузловую сборку всей линейки автомобилей *Lada* (с увеличением их выпуска с 5 тыс. до 10 тыс. машин в год²¹), начавшей весной 2021 г. отверточную сборку моделей *УАЗ (Patriot, Pickup, Profi,*

Hunter и «Буханка») с запланированной к 2023 г. проектной мощностью 3 тыс. машин в год и являющейся местным дистрибьютором *AFRO-KAMAZ*, собираемого в Эфиопии компанией *Mesfin Industrial Engineering P.C.* (в 2000 г. было произведено 330 машин)²²;

- в развитии железнодорожной инфраструктуры – проявляет заинтересованность ОАО «РЖД».

4. Геологоразведка.

Российские компании по разведке месторождений углеводородов, в первую очередь АО «Росгеология», заинтересованы в возобновлении контактов с государственными геологическими, горно- и нефтегазодобывающими структурами Эфиопии²³.

5. Сельское хозяйство.

Российские эксперты в рамках работы Совместной российско-эфиопской биологической экспедиции (СРЭБЭ/*JERBE*) принимают участие в прикладных исследованиях по применению инновационных методов повышения продуктивности сельского хозяйства Эфиопии. В результате научных экспериментов ими была разработана и внедрена в фермерских хозяйствах страны вермикюльтура поддержания плодородия почв сельскохозяйственных угодий, включая улучшение структуры, аэрации, поглощения питательных веществ. Предложена методика искусственного воспроизводства промысловых рыб, обитающих в водах Эфиопии, и восстановления их популяции в естественных условиях, а также создания аквакультуры.

19 RUSSIA-AFRICA SUMMIT // TACC. – 2021. – October 23. – URL: <https://tass.com/politics/1084723> (дата обращения: 20.11.2021).

20 Ethiopian Airlines. – URL: <https://www.ethiopianairlines.com/ru> (дата обращения: 20.11.2021).

21 В стране локализируют сборку всего модельного ряда российской марки. – URL: https://vk.com/wall-78184476_105254; Журнал «Грузовик Пресс» – 2021. – 1 октября. – URL: <https://motor.ru/news/avtovaz-ethiopia-22-09-2021.htm> (дата обращения: 20.11.2021).

22 УАЗы будут собирать в Эфиопии // Motor. – 2021. – URL: <https://motor.ru/news/uaz-ethiopia-28-04-2021.htm> (дата обращения: 20.11.2021).

23 В Минэнерго ждут от Эфиопии информацию по тендеру на модернизацию ГЭС // РИА Новости. – 2019. – 23 октября. – URL: <https://news.rambler.ru/other/43041145-v-minenergo-zhdut-ot-efiopii-informatsiyu-po-tenderu-na-modernizatsiyu-ges/> (дата обращения: 20.10.2021).

Российские ученые принимали участие в обосновании ряда важных гидромелиоративных проектов в районах юго-западной (бассейны рек Баро и Акого), южной (река Омо) и восточной (река Аваш) Эфиопии. Эксперты экспедиции были приглашены к участию в подготовке научных обоснований различных проектов в экологической и аграрной сферах. В 2017 г. стартовал проект *UNIDO* по развитию рыбного хозяйства Эфиопии, в котором принимают участие эксперты СРЭБЭ. По инициативе СРЭБЭ в конце 1980-х годов Эфиопии была передана уникальная коллекция семян сельскохозяйственных культур, собранная академиком Н.И. Вавиловым в ходе его экспедиции в Эфиопию в 1920-е годы. В 2012 г. участники СРЭБЭ совершили поездку по этому маршруту, позволившую выявить современное состояние сортов пшеницы, выведенных в Эфиопии²⁴.

6. Научные исследования.

По мнению руководства Российской академии наук, развитие научных исследований в Эфиопии имеет большое геополитическое значение, поскольку в ее столице Аддис-Абебе располагается штаб-квартира Африканского союза, являющаяся во многих отношениях, включая научное сотрудничество, «воротами» на весь Африканский континент. Направления взаимовыгодного сотрудничества в научно-технологической сфере обсуждались в конце 2021 г. в ходе визита официального представителя РАН С. Маленко в Эфиопию и его встреч с руководителями Академии наук Эфиопии²⁵.

Биология

Созданная по инициативе академика В.Е. Соколова в 1987 г. и действующая по настоящее время на основе Соглашения о сотрудничестве в области биологических исследований между РАН и Министерством инноваций и технологий Эфиопии СРЭБЭ (*JERBE*) нацелена на изучение уникального разнообразия и видообразования биологических ресурсов Эфиопии, выявление перспективных видов животных для использования в народном хозяйстве, создание программ по сохранению экосистем и оказание помощи в подготовке национальных специалистов в процессе совместной исследовательской работы ученых двух стран. В экспедиции задействованы ученые из 9 институтов РАН, а также вузов и отраслевых НИИ во главе с Институтом проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН. Финансирование СРЭБЭ осуществляется из бюджета РАН по программе долгосрочных международных проектов. В результате выполненных исследований для всех регионов Эфиопии составлен исчерпывающий список обитающих там организмов, многие из которых (около 200) описаны впервые не только для Эфиопии, но и для мировой фауны²⁶.

По результатам работы экспедиции опубликовано около 500 научных статей в российских и международных журналах и монографиях, 7 эфиопских исследователей получили степень кандидата биологических наук и *PhD*, ряд эфиопских специалистов участвовали в России в анализе данных экспеди-

24 Совместная российско-эфиопская биологическая экспедиция // Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН. – 2021. – Март. – URL: <https://sev-in.ru/ru/sovместnaa-rossiisko-efiopskaa-biologiceskaa-ekspedicia> (дата обращения: 03.05.2022).

25 Ethiopia, Russia mull stronger cooperation in the field of science and technology// Fanabc. – 2021. – October 29. – URL: <https://www.fanabc.com/english/ethiopia-russia-mull-stronger-cooperation-in-the-field-of-science-and-technology/> (дата обращения: 10.05.2022).

26 Совместная российско-эфиопская биологическая экспедиция // Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН. – 2021. – Март. – URL: <https://sev-in.ru/ru/sovместnaa-rossiisko-efiopskaa-biologiceskaa-ekspedicia> (дата обращения: 03.05.2022).

ции. Учитывая мировое значение проводимых в Эфиопии фундаментальных и прикладных исследований, высказанное еще в 2017 г. предложение о создании Совместного российско-эфиопского центра биологических исследований было поддержано 5 июля 2021 г. президентом Российской Федерации В.В. Путиным [*Дгебуадзе, Рожнов, Дарков, 2022*].

Космос

Эфиопия и Россия подписали соглашение о научно-техническом сотрудничестве между Институтом прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН и Эфиопским институтом космической науки и техники (*ESSTI*). Также продолжаются переговоры между Институтом астрономии РАН и Эфиопской обсерваторией Энтото по вопросу создания на ее базе Центра приема научной информации российского космического проекта *WSO-UV*²⁷.

7. Профессиональное образование.

По количеству выпускников советских вузов за 1950–1985 гг. Эфиопия занимала 3-е место (2 442 человека) среди стран Африки южнее Сахары, в 1990/1991 академическом году численность эфиопских студентов достигла 3,5 тыс.²⁸, а в 2000-е годы она неуклонно сокращалась (со 136 человек в 2006/2007-м до 56 человек в 2015/2016 академическом году). В 2018 г. в вузах России обучалось более 130 эфиопских граждан, половина из них – по российским государственным стипендиям²⁹.

В настоящее время рассматриваются вопросы о приглашении российских ученых преподавать в эфиопских университетах, а эфиопских студентов – приезжать на учебу в Россию [*Дейч, Кассае Ныгусие, 2019, с. 40*]. Так, в ходе встречи в феврале 2022 г. посла России в Эфиопии Е. Терехина и министра образования ФДРЭ Берхану Нега была подчеркнута необходимость продолжения важного взаимовыгодного сотрудничества в этой сфере (символом которого является университет в г. Бахир Дар, созданный при помощи советских специалистов)³⁰.

Особый интерес вызывает возможность подготовки в российских вузах квалифицированных кадров для Эфиопии в сфере транспорта [Баринов, 2018, с. 116] и энергетики. В рамках соглашения с российской корпорацией «Росатом», заключенного в 2019 г., начинается обучение инженеров и техников для атомной отрасли: 15 апреля 2021 г. в Москве госкорпорацией «Росатом» и Министерством инноваций и технологий ФДРЭ были подписаны два Меморандума, включающих пункты о взаимодействии между профильными учебными заведениями, в том числе по организации совместных краткосрочных программ, повышению квалификации преподавателей, развитию учебной и научной литературы, студенческому обмену³¹. Кроме того, ГК «Росатом» в течение нескольких лет предоставляет стипендии для молодых специалистов из африканских

27 Ethiopia, Russia eye enhanced cooperation in space science // Fanabc. – 2021. – April 12. – URL: <https://www.fanabc.com/english/ethiopia-russia-eye-enhanced-cooperation-in-space-science/> (дата обращения: 10.05.2022).

28 Арефьев А.А. Экспорт российских образовательных услуг // Статистический сборник. Вып. 7. – Москва : Министерство образования и науки Российской Федерации. Центр социологических исследований, 2017. – С. 27–49.

29 – URL: https://ruskline.ru/opp/2018/mart/12/k_poezdke_ministra_inostrannyh_del_rossii_v_strany_afriki (дата обращения: 03.05.2022).

30 Ethiopia, Russia vow to maintain cooperation in science, education sectors // Fanabc. – 2022. – February 9. – URL: <https://www.fanabc.com/english/ethiopia-russia-vow-to-maintain-cooperation-in-science-education-sectors/> (дата обращения: 03.05.2022).

31 ROSATOM and Ethiopia will develop human resources and shape positive public opinion on nuclear energy // Rosatom. – 2021. – April 15. – URL: <https://rosatom.ru/en/press-centre/news/rosatom-and-ethiopia-will-develop-human-resources-and-shape-positive-public-opinion-on-nuclear-energy/> (дата обращения: 04.05.2022).

стран, в том числе Эфиопии, позволяющие пройти обучение в области проектирования, строительства и эксплуатации ядерных объектов по стандартам МАГАТЭ.

Как отметил посол Эфиопии в России Алемайеху Тегену, его страна планирует взаимодействовать с Россией в подготовке кадров в сфере энергетики, транспорта, особенно железнодорожного, и фармацевтики³².

В заключение следует подчеркнуть, что расширение взаимовыгодных связей Эфиопии с Россией может касаться различных сфер: от согласования позиций на рынках тех видов сырья, где страны выступают конкурентами, до участия российского капитала в геологоразведке, добыче и переработке сырья, необходимого российской экономике. Во время визита главы российского МИД Сергея Лаврова в Эфиопию в июле 2022 г. министр иностранных дел Эфиопии Демеке Меконнен в интервью газете «Известия» отметил, что две страны плодотворно сотрудничают «в космосе, медицине и сфере ядерных исследований». Большое внимание было уделено проблемам, связанным с поставками зерна и продовольственным кризисом, которые Россия и Эфиопия намереваются решать вместе³³.

Перспективным представляется совместное развитие инфраструктуры, включая организацию прямых перелетов на наиболее популярных африканских направлениях, в том числе компа-

нией *Ethiopian Airlines*, что может способствовать расширению связей двух стран в туристической сфере.

Современные задачи развития энергетического сектора, прежде всего в освоении технологий новых источников энергии, во многом совпадают у России и стран Африки. Так, в соответствии с Энергетической стратегией Российской Федерации на период до 2035 г.³⁴ в России расширяется производство солнечных модулей, адаптированных к различным климатическим условиям, аккумуляторов, оборудования для ветровой генерации, востребованных также на африканских рынках. Кроме того, Россия может предложить Эфиопии свой опыт разработки ВИЭ, в том числе получения геотермальной энергии [Калиниченко, 2022, с. 135–147].

Открывается возможность конкуренции для российских разработчиков программного обеспечения (ПО) на африканском рынке IT-технологий с ведущими мировыми компаниями, особенно при отсутствии требований по сертификации ПО, – для образовательных учреждений и электронного документооборота, а также информационной безопасности³⁵. В рамках объявленного на Петербургском международном экономическом форуме 2021 г. начала реализации Ассоциацией экономического сотрудничества со странами Африки проекта «Единое информационное пространство Россия – Африка» предполагается создание со-

32 Выйти из сумрака. Как Эфиопия и Россия развивают сотрудничество в области энергетики // Fontanka. – 2020. – 26 июля. – URL: <https://www.fontanka.ru/2020/07/26/69384649/> (дата обращения: 07.05.2022).

33 Байназаров Э., Васильева М. Зерно-то уже кончилось: РФ и Эфиопия будут решать проблему с продовольствием. Как Африка поддержала Россию в санкционной борьбе с Западом // Известия. – 2022. – 27 июля. – URL: iz.ru/1371027/el-nar-barinazarov-mariia-vasileva/zerno-uzhe-konchilos-rf-i-efiopia-budut-reshat-problemu-s-prodovolstviem (дата обращения: 03.09.2022).

34 Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года // Министерство энергетики РФ. – Распоряжение от 9 июня 2020 г. – URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (дата обращения: 07.05.2022).

35 Россия предлагает Африке помощь по развитию информационных технологий // ТАСС. – 2019. – 22 октября. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/7030552> (дата обращения: 07.05.2022).

вместных порталов и сервисов для развития взаимного сотрудничества³⁶. Актуальным это может стать и в связи с запуском Эфиопской государственной телекоммуникационной компанией *Ethio Telecom*, имеющей 64 млн абонентов по всей стране, одной из первых в Африке сети 5G³⁷.

Расширению сферы приложения российского капитала в Эфиопии могут содействовать и регулярный обмен информацией о рынках и инвестиционных возможностях, и прямые контакты между торгово-промышленными палатами, союзами и ассоциациями предпринимателей двух стран, и деятельность общественных организаций, таких как Российско-африканский деловой совет и Координационный комитет по экономическому сотрудничеству со странами Африки (АФРОКОМ).

Список литературы

Абрамова И.О. Африканское турне С.В. Лаврова: новые вызовы и перспективы российско-африканского сотрудничества // *Азия и Африка сегодня*. – 2018. – № 5. – С. 2–10. – DOI: 10.7868/S032150751805001X.

Баринов А.К. Транспортная инфраструктура в Эфиопии // *Контурные глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2018. – Т. 11, № 5. – С. 105–118. – DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-105-118.

Гаврилова Н.Г. Агропромышленные парки как перспективная форма модернизации сельскохозяйственного производства в Африке // *Экономика Африки в эпоху глобальной технологической революции* : сб. ст. / под ред. Е.В. Моро-

зенской. – Москва : Институт Африки РАН, 2019. – 206 с.

Гончаров В. Кризис в Эфиопии: плоды «этнического федерализма» // *Международная жизнь*. – 20.09.2021. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/31764> (дата обращения: 13.04.2022).

Дгебуадзе Ю.Ю., Рожнов В.В., Дарков А.А. Российские биологи в Африке. Опыт российско-эфиопской биологической экспедиции // *Заседание Президиума РАН*. – 2022. – 9 февраля. – URL: <https://www.ras.ru/Download.aspx?id=b8a5769b-40f3-447b-bbde-c31e2f6d3c6b> (дата обращения: 08.05.2022).

Дейч Т.Л., Кассе Ныгусе В.М. Российско-эфиопские отношения – 120 лет // *Африка в контексте формирования новой системы международных отношений* : сб. науч. ст. / под ред. А.М. Васильева, Д.А. Дегтерева, В.М. Кассе Ныгусе. – Москва : РУДН, 2019. – 215 с.

Калиниченко Л.Н. Научно-практические исследования и подготовка кадров в области возобновляемой энергетики в странах Африки // *Научно-технологический потенциал современной Африки* : колл. моногр. / под ред. Е.В. Морозенской. – Москва : ИАФР РАН, 2022. – 278 с.

Конохова В.М. Внешнеэкономический потенциал Эфиопии // *Ученые записки Института Африки РАН*. – 2022. – № 3 (60). – С. 39–52. – DOI: 10.31132/2412-5717-2022-60-3-39-52.

Лопатов В.В. Торгово-экономические отношения России с Африкой в конце XX – начале XXI века. – Москва : Институт Африки РАН – 2007. – 191 с.

Морозенская Е.В. Российско-эфиопское экономическое сотрудничество: трудности и перспективы // *Аф-*

36 В рамках ПМЭФ-2021 состоялся бизнес-диалог Россия – Африка // *Roscongress*. – 2021. – 3 июня. – URL: <https://roscongress.org/news/v-ramkah-pmef-2021-sostojalsja-biznes-dialog-rossija-afrika/> (дата обращения: 07.05.2022).

37 *Ethio Telecom* запускает сеть 5G в Эфиопии // *Afrocom.info*. – 2022. – May 13. – URL: <https://afrocom.info/news13052022> (дата обращения: 31.05.2022).

риканский сборник – 2011 / под ред. А.Ю. Желтова. – Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2012. – С. 110–118.

Морозенская Е.В. Введение // Африка: пути модернизации экономики / под ред. Е.В. Морозенской. – Москва : Институт Африки РАН, 2014. – С. 5–9.

AfDB. East Africa Economic Outlook 2019 // AfDB. – 2019. – URL: https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/2019AEO/REO_2019_-_East_Africa_pdf (дата обращения: 19.04.2022).

AfDB. Ethiopian Economic Outlook 2021. // AfDB. – 2021. – URL: <https://www.afdb.org/en/countries/east-africa/ethiopia/ethiopia-economic-outlook> (дата обращения: 19.04.2022).

Governing green industrialization in Africa: Assessing key parameters for a sustainable socio-technical transition in the context of Ethiopia / Okereke C. [et al.] // World Development. – 2019. – N 115. – P. 279–290. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.11.09> (дата обращения: 12.05.2022).

National Peculiarities

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.10

Ethiopia: Socio-Economic Development and Potential for Cooperation with Russia in Scientific and Production Spheres

Evgenia V. MOROZENSKAYA

PhD (Economics), Head of the Centre for Transitional Economy Studies, Leading Researcher, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Expert of the RAS

Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001

E-mail: evmorozen@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6311-1718

Lyudmila N. KALINICHENKO

Senior Researcher, Centre for Transitional Economy Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001

E-mail: kalinichenkolyudmila@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0531-9873

CITATION: Morozenskaya E.V., Kalinichenko L.N. (2022). Ethiopia: Socio-Economic Development and Potential for Cooperation with Russia in Scientific and Production Spheres. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 4, pp. 181–200 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.10

Received: 15.06.2022.

Revised: 21.09.2022.

ABSTRACT. *The article discusses various aspects of economic cooperation between Russia and its oldest partner in Africa, that is Ethiopia. The authors analyze quite successful experience of their trade and industrial cooperation in the 1960–1990s, as well as the dynamics of the main spheres and directions of Ethiopia's economic development since the early 2000s. In accordance with the coordination framework of the Intergovernmental Russian-Ethiopian Commission on Economic, Scientific and Technical Cooperation and Trade, the two countries are striving to implement joint investment projects with the Russian companies' participation in the following areas: energy (hydrocarbon and clean), including hydro- and nuclear energy (ROSATOM and Inter RAO), transport engineering (KAMAZ, UAZ, AvtoVAZ, Russian Railways), geological exploration, scientific research, professional education. Promising for further practical cooperation is the research carried out within the framework of the 30-year Joint Russian-Ethiopian Biological Expedition (JREBE). The activities of JREBE are accompanied by the wide involvement of Russian experts in applied national economic projects, primarily in the agricultural sector. Of particular interest is the expansion of opportunities for training a wide range of Ethiopia's qualified personnel for the clean energy, transport, and agriculture in the Russian universities.*

KEYWORDS: *Africa, Ethiopian economy, Russia, potential for cooperation, development of production, energy, geological exploration, transport engineering, scientific research, professional education.*

References

- Abramova I.O. (2018). Lavrov's African Tour: New Challenges and Perspectives for Russian Cooperation with Africa. *Asia and Africa Today*, no. 5, pp. 2–10 (in Russian). DOI: 10.7868/S032150751805001X.
- AfDB. (2019). *East Africa Economic Outlook 2019*. Available at: https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/2019AEO/REO_2019_-_East_Africa_.pdf, accessed 19.04.2022.
- AfDB. (2021). *Ethiopia Economic Outlook 2021*. Available at: <https://www.afdb.org/en/countries/east-africa/ethiopia/ethiopia-economic-outlook>, accessed 19.04.2022.
- Barinov A.K. (2018). Transport infrastructure in Ethiopia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 5, pp. 105–118 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-105-118.
- Deich T.L., Kassae V.M. (2019). Russian-Ethiopian Relations – 120 years. *Africa in the Context of the Formation of a New System of International Relations*. Ed. by A.M. Vasilyev, D.A. Degterev, V.M. Kassae, Moscow : RUDN, 215 pp. (in Russian).
- Dgebuadze Yu.Yu., Rozhnov V.V., Darkov A.A. (2022). Russian Biologists in Africa. Experience of the Russian-Ethiopian Biological Expedition. *Meeting of the Presidium of the Russian Academy of Sciences on February 9, 2022* (in Russian). Available at: <https://www.ras.ru/Download.aspx?id=b8a5769b-40f3-447b-bbdec31e2f-6d3c6b>, accessed 05.08.2022.
- Gavrilova N.G. (2019). Agro-industrial Parks as a Promising Form of Agricultural Production Modernization in Africa. *Economics of Africa in the Era of Global Technological Revolution*. Ed. by E.V. Morozenskaya, Moscow : Institute for African Studies RAS, 206 pp. (in Russian).
- Goncharov V. (2021). Crisis in Ethiopia: Fruits of “Ethnic Federalism”. *The International Affairs*, 20 September (in Russian). Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/31764>, accessed 04.04.2022.
- Governing green industrialization in Africa: Assessing key parameters for

a sustainable socio-technical transition in the context of Ethiopia (2019). Okereke C. [et al.]. *World Development*, no. 115, pp. 279–290. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.11.09>, accessed 12.05.2022.

Kalinichenko L.N. (2022). Scientific and Practical Research and Training in the Renewable Energy in African Countries. In: Morozenskaya E.V. (ed.). *Scientific and Technological Potential of Modern Africa*. Moscow : Institute for African Studies RAS, 278 pp. (in Russian).

Konokhova M.V. (2022). Foreign Economic Potential of Ethiopia. *Journal of the Institute for African Studies*, no. 3 60), pp. 39–52 (in Russian). DOI: 10.31132/2412-5717-2022-60-3-39-52.

Lopatov V.V. (2007). *Russian trade and economic relations with Africa at the end of the 20th century and at the beginning of the 21st century*. Moscow : Institute for African Studies RAS, 191 pp. (in Russian).

Morozenskaya E.V. (2012). Russian-Ethiopian Economic Cooperation: Difficulties and Prospects. In: Zheltov A.Yu. (ed.). *African Collection – 2011*. St. Petersburg : MAE RAS, pp. 110–118 (in Russian).

Morozenskaya E.V. (2014). Introduction. In: Morozenskaya E.V. (ed.). *Ways of African Economies' Modernization*. Moscow : Institute for African Studies RAS, pp. 5–9 (in Russian).

Вокруг книг

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.11

Урбанизация на Африканском континенте: основные вызовы и возможности их преодоления (обзор)

Ольга Николаевна ПРЯЖНИКОВА

научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: olga.priazhnikova@inion.ru

ORCID: 0000-0001-7014-4024

ЦИТИРОВАНИЕ: Пряжникова О.Н. Урбанизация на Африканском континенте: основные вызовы и возможности их преодоления (обзор) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 4. С. 201–218.

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.11

Статья поступила в редакцию 29.08.2022.

Исправленный текст представлен 27.11.2022.

АННОТАЦИЯ. Рост городов и городского населения в Африке в значительной степени приводит к расширению неформальной жилой застройки, увеличению бедности и неравенства, ограниченному доступу горожан к базовым услугам и городской инфраструктуре, росту неформальной экономики и т. д. Эти проблемы возникают во многом по причине отсутствия должного планирования развития городов, недостаточной координации действий на разных уровнях государственного управления, нехватки финансирования городских проектов.

Представленные в обзоре монографии содержат исследования процессов трансформации городов Африки в глобальном, национальном и локальном контекстах. Углубляя понимание урбанизации в странах Африки, ее движущих сил, динамики и особенностей

взаимодействия городских акторов, авторы публикаций указывают на необходимость разработки целенаправленной и инклюзивной политики, которая объединяла бы местные, национальные и региональные усилия в области городского развития. Среди ключевых элементов такой политики специалисты выделяют координацию проектов развития на национальном и локальном уровнях и повышение качества управления ими; инвестирование в инфраструктуру базовых услуг, в том числе в районах неформальной застройки; расширение возможностей местных органов власти в качестве ключевых игроков в формировании локальных стратегий социально-экономического развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: урбанизация, Африка, африканские города, неформальные поселения, политика город-

ского развития, городская инфраструктура, управление рисками, совместное производство знаний.

Введение

Рост урбанизации наблюдается как в развитых, так и в развивающихся странах мира. При этом мировым лидером по темпам роста городов и городского населения за последние два десятилетия стали страны Африки, в первую очередь ввиду высокого уровня рождаемости и миграции населения из сельской местности. Ожидается, что самые высокие в мире темпы урбанизации сохранятся на Африканском континенте в ближайшие десятилетия, что сделает рост городов одной из самых значительных трансформаций, которые предстоит пережить африканским странам в XXI в. Рост городов и их значения является одной из ключевых тенденций (наряду с ростом населения, изменением климата, миграцией, развитием технологий и процессами демократизации), определяющих траектории развития стран Африки [Megatrends in Africa, 2019].

Доля населения африканских городов увеличилась с 14% в 1950 г. до 40% к началу 2010-х годов. По прогнозам, к 2035 г. около 50% африканцев станут городскими жителями. С ростом урбанизации численность городского населения Африки к 2050 г. может превысить 1,3 млрд человек [Megatrends in Africa, 2019, p. 21]. На континенте уже сейчас насчитывается семь мегагородов (с населением более 10 млн человек), также растет число средних (вторых) городов (*secondary cities*) (с населением от 500 тыс. до 3 млн человек) [Reframing the urban challenge in Africa..., 2021, p. 1]. При этом картина урбанизации на континенте неоднородна. Северная и Западная Африка

являются наиболее урбанизированными регионами, тогда как в Восточной Африке, в особенности в странах Африканского Рога, преобладает сельское население.

Основными факторами роста городского населения Африки являются приток в города жителей сельских районов и высокая рождаемость. Главная причина переезда африканцев в города – это нищета и бедность, с которыми они сталкиваются, живя в сельской местности. Что касается уровня рождаемости, то он остается драйвером роста населения городов в ряде стран континента. Так, в Бурунди, Демократической Республике Конго, Мали, Нигере и Нигерии уровень рождаемости в городах превышает 5 детей на одну женщину, что является высоким показателем прироста населения [Megatrends in Africa, 2019, p. 22].

Как правило, процессы урбанизации в Африке протекают без адекватного городского планирования и регулирования со стороны государственных органов. В настоящий момент лишь 56% работ по застройке городских территорий контролируются органами власти африканских городов. В результате разрастаются неформальные поселения. Так, в настоящий момент в половине стран африканского континента площадь нелегально застроенных территорий в городских агломерациях составляет не менее 60%, в них проживает более двух третей городского населения Африки [Refractions..., 2021, p. 2].

В отсутствие должного планирования процессы урбанизации инфраструктура городов не способна удовлетворить потребности растущего населения: системы водоснабжения и канализации выходят из строя, электросети перегружены, городская среда приходит в упадок, распространяются эпидемии и болезни, растет уличное насилие. Кроме того, снижается эффек-

тивность землепользования, подрывается устойчивость института прав собственности, ограничен доступ горожан к официально оформленному жилому фонду. Низкое качество инфраструктуры препятствует интеграции городских пространств. В частности, неразвитость транспортных коммуникаций ограничивает возможности доступа горожан в ежедневном режиме к рабочим местам, удаленным от мест их проживания [African cities..., 2021, p. 7].

По причине того, что в массе своей экономики африканских стран еще не достигли достаточного уровня индустриализации, урбанизация в Африке в большинстве случаев не сопровождается процессами увеличения занятости в производстве или формированием промышленных зон, что могло бы способствовать привлечению инвестиций и социально-экономическому развитию африканских городов. При этом для экономики африканских городов характерен значительный рост сектора услуг, в котором доминирует неформальная занятость и достаточно низкая производительность [Megatrends in Africa, 2019, p. 21]. В таких условиях формируются предпосылки для устойчивой бедности городского населения.

В данном обзоре рассматриваются три коллективные монографии: «Преломления национального, народного и глобального в африканских городах» [Refractions..., 2021], «Переосмысливая городские проблемы в Африке. Совместное производство знаний с Юга» [Reframing the urban challenge in Africa..., 2021] и «Африканские города и коллаборативное будущее: городские платформы и столичная логистика» [African cities..., 2021]. Данные публикации представляют интерес, так как содержат результаты новейших ис-

следований современных процессов урбанизации на Африканском континенте и вносят вклад в определение основных универсальных тенденций развития африканских городов. В частности, в монографиях рассматриваются особенности процессов глобальной трансформации африканских городов в XXI в. и попытки стран континента решить актуальные проблемы, возникающие в условиях быстрой урбанизации, такие как рост неформальности в виде нелегальной жилой застройки, отсутствие у значительной доли горожан экономических возможностей для получения устойчивых доходов, ограниченный доступ горожан к базовым услугам и т. д.

Сочетание национального, народного и глобального в африканских столицах

Книга «Преломления национального, народного и глобального в африканских городах» [Refractions..., 2021] содержит материалы, представленные на одноименной конференции, состоявшейся в 2017 г. Подход к формированию структуры и тематики монографии был вдохновлен книгой шведского социолога Й. Терборна «Города власти: город, нация, народ, глобальность» [Therborn, 2017]¹. Основной целью представленных в издании исследований стал поиск взаимосвязей национального, народного и глобального измерений в контексте африканских столиц.

«Национальное» определяется авторами как относящееся к учреждению и устройству национальных государств, которые представляют нацию, а не являются частью колониальной империи. В городах «национальное»

1 Русский перевод опубликован в издательстве Высшей школы экономики в 2020 г.

проявляется, например, в их планировке, организации пространств, архитектуре и элементах символики. «Народное» выражается в инициативах или протестах населения, которые направлены на изменение городской среды. Используя такие способы выражения своих интересов, народные массы бросают вызов национальным элитам, требуя, чтобы города менялись с учетом нужд простых людей. Глобальный аспект развития городских агломераций реализуется благодаря стремлению местных политиков и представителей мира капитала к обретению городом глобального статуса, всемирного признания и влияния. Это обычно достигается путем привлечения иностранных инвестиций, представительства иностранных компаний, а также туристических потоков [Refractions..., 2021, p. v-vi].

Й. Терборн говорит о том, что исторически именно национальные государства как движущие силы модернизации меняли характер и функции городов, особенно столичных. Он выделяет четыре основные модели обретения национальной государственности: 1) европейскую – переход от «государства государя» к национальному государству; 2) «сепаратистскую», реализованную переселенцами в Новом Свете; 3) колониальную и постколониальную; 4) модель модернизации «сверху вниз» [Refractions..., 2021, p. 4].

Опираясь на данную классификацию, авторы монографии отмечают, что большинство из 54 национальных государств Африки являются бывшими колониями и возникли в рамках третьей модели. Большая часть столиц и крупных городов континента были основаны в колониальный период. Новые государства предприняли «национализацию колониализма», превратив колониальную столицу в национальную. При этом она могла быть пере-

несена в другой город либо построена с нуля. Так, столицы Ботсваны (Габороне) и Мавритании (Нуакшот) были построены после обретения странами независимости, так как новые государства не имели городского колониального центра. В нескольких случаях вместо бывших колониальных центров в столицы были преобразованы небольшие города, как, например, Лилонгве в Малави и Гитега в Бурунди.

Лишь немногие африканские государства можно назвать модернизированными «сверху вниз». Таким примером авторы считают Эфиопию, где, по их выражению, произошло «навязывание современности». Для столиц таких стран характерно сохранение культурной преемственности и традиционных иерархических институтов общества [Refractions..., 2021, p. 5].

Типичным для большинства столичных городов Африки является сочетание колониальных черт и местного колорита, что, в свою очередь, отражает разделение между политической элитой и народными массами. Одновременно с современными институтами здесь существует древняя, доколониальная, модель власти – власть вождей, не встречающаяся в городах других континентов [Refractions..., 2021, p. 174].

Тем не менее влияние национального фактора на столицы африканских стран (символическое, политическое, архитектурное) является определяющим и устойчивым. Несомненно, в XXI в. роль глобальных тенденций, таких как цифровая революция, будет расти, но не сведет на нет влияние национального. Этот тезис авторы объясняют тем, что изменения, происходящие в рамках утверждения глобальной роли городов, например связанные с их архитектурным обликом и возведением новых деловых кварталов, а также с приходом транснациональных корпораций и запуском масштабных инфра-

структурных проектов, зачастую почти всегда иницируются местными национальными элитами, что сохраняет значимость национального измерения в развитии городов.

Национальные и глобальные процессы оказывают влияние на городские сообщества (так называемое народное измерение городов) как с точки зрения условий их жизни, так и с точки зрения возможностей выстраивать жизненные планы, выражать свои интересы и организовывать коллективные действия. Вместе с тем авторы отмечают, что в африканских государствах, которые прошли пути «национализации колониализма» и модернизации «сверху вниз», недостаточно развиты практики мобилизации «снизу вверх», то есть активность разных слоев населения с целью повлиять на политику в сфере городского развития. Трудность реализации «народного» в городах во многом обусловлена наличием в африканских обществах глубокого разрыва между элитой и широкими слоями городского населения в постколониальных национальных государствах, как и между элитой и общинами, ведущими традиционный образ жизни, в государствах, модернизированных «сверху вниз» [Refractions..., 2021, p. 6].

Тема роли национальных режимов в постколониальных африканских городах раскрывается авторами на основе четырех тематических исследований (кейсов).

В работе Ж.-П. Тоголо (*J.-P. Togolo*) на примере Камеруна демонстрируется ключевая роль национальных правительств в определении направлений и содержания изменений городских пространств. Камерунское правительство использовало столицу Яунде как своеобразный инструмент национального строительства и выражения государственной власти. Кроме переименования улиц (с целью запечатления дат

и персоналий, связанных с обретением и утверждением независимости страны), столица стала местом реализации национальных и глобальных проектов, которые, по заявлению властей, символически выражают силу камерунской нации [Refractions..., 2021, p. 22].

Л. Грёневальд (*L. Groenewald*) на примере городских округов Йоханнесбурга (ЮАР), Цване (ЮАР) и города Каира (Египет) рассматривает проблему централизации управления как одного из факторов, тормозящих развитие городов. В обеих африканских странах налицо противоречие между риторикой национальных режимов о необходимости делегирования части властных полномочий на более низкие уровни правительственных структур и тем, что фактически децентрализация не происходит [Refractions..., 2021, p. 37, 48]. Это, в частности, проявляется в том, что prerogatives распоряжаться финансированием городских проектов по-прежнему остаются на уровне национальных правительств.

В случае Йоханнесбурга и Цване обещание правительства проводить более справедливую политику в отношении живущих в неформальных поселениях труднореализуемо при отсутствии у данной группы горожан реальных возможностей заявлять о своих интересах и участвовать в принятии решений, касающихся жилищных вопросов. Расширению участия жителей в формировании городской политики препятствует ряд структурных ограничений, а именно то, что приоритеты планирования устанавливаются «сверху»; реализацией проектов жилищного строительства занимаются власти провинций, а коммуникация с местными жителями происходит на уровне муниципалитетов; отсутствуют эффективные инструменты оценки потребностей горожан [Refractions..., 2021, p. 28]. Сходная ситуация наблюдается

и в Каире, где, помимо прочего, передача властных полномочий с национального на городской уровень затруднена из-за сложного и противоречивого законодательного регулирования [Refractions..., 2021, p. 53].

В публикации Ф. Ибака Сангу (*Ph. Ibaka Sangu*), посвященной Киншасе, столице Демократической Республики Конго, основное внимание уделяется роли вождей и традиционных авторитетов в городе, который автор разделил на три зоны в зависимости от модели управления. В бывшей колониальной зоне традиционные институты власти исчезли и были заменены современными. В зоне так называемой официальной застройки власть вождей в значительной степени утратила свой авторитет. В периферийной зоне города традиционная власть вождей, как правило, сосуществует с современными институтами власти и продолжает играть важную роль в жизни горожан. Чтобы обеспечить взаимодействие государственных и традиционных институтов, национальные власти учредили в 1996 г. Национальный альянс традиционных властей Конго (*National Alliance of Traditional Authorities of Congo*), в рамках которого некоторым народным лидерам города предоставлена возможность сотрудничать с современными государственными учреждениями [Refractions..., 2021, p. 67].

Главы второго раздела книги посвящены влиянию на жизнь африканских городов народных сил, всё чаще заявляющих о себе в последние годы. В них рассматриваются различные народные практики, роль организаций гражданского общества, «уличной политики» и использования социальных сетей для противодействия политике властей.

Кейс Йоханнесбурга (ЮАР), представленный М. Рубиным (*M. Rubin*), является примером того, как национальные власти, используя подход «сверху

вниз», решили реализовать масштабный проект модернизации неформальных поселений, который противоречил долгосрочным планам и проектам властей провинции и муниципалитетов города. Оспаривая планы проектов жилищного строительства, продвигаемые национальным правительством, чиновники местного управления использовали разные тактики: от апелляции к мнениям экспертов до пассивно-агрессивного поведения и «притворной» уступчивости. Несмотря на авторитет национальных правительственных элит, местные акторы сопротивляются навязываемым им и не учитывающим их интересы решениям, используя имеющееся в их распоряжении политические инструменты. Такие действия органов местной власти как одного из элементов народного измерения африканских городов укрепляют представление о том, что государство не является монолитом, так как базируется на институциональных и профессиональных отношениях, для которых могут быть характерны как согласие, так и разногласия [Refractions..., 2021, p. 83].

Исследуя роль «народной» политики в процессах демократизации Зимбабве в 2013–2016 гг., Н. Маронгве (*N. Marongwe*) отмечает, что роль гражданского общества в представлении интересов народа в этот период ослабла под влиянием экономических трудностей и репрессий со стороны государства, которые практически свели на нет пространство формальной гражданской активности. В таких условиях «народная» политика приняла форму неформальных движений во главе с несколькими лидерами. На фоне экономического кризиса, сопровождавшегося ростом безработицы и неформальной экономики, гражданская активность реализовалась в социальных сетях и в виде уличных выступлений с требованиями продвижения демократизации

и реализации принципа ответственности власти перед народом (принципа подотчетности). Несмотря на то, что народные движения не смогли добиться структурных изменений, они способствовали падению многолетнего правления президента Мугабе в 2017 г. В качестве факторов, ограничивающих эффективность народных протестов как проявления «народного» в жизни стран Африки, авторы указывают репрессивные действия со стороны государства, отсутствие устойчивых руководящих народными движениями структур, неспособность лидеров протестов в полной мере раскрыть мобилизационный потенциал гражданской активности, в том числе из-за нехватки адекватных управленческих навыков, а также ограниченные возможности простых горожан получить доступ к правовой защите [Refractions..., 2021, p. 95].

Рассмотренный В. Кимари (*W. Kimari*) пример народных выступлений, имевших место в 2016 г. в одном из неформальных поселений в столице Кении Найроби, с призывами обеспечить водоснабжением жителей трущоб интересен тем, что, требуя реализации одного из своих конституционных прав (доступа к воде), население незаконно застроенных районов пытается добиться признания (то есть своего рода легализации своего статуса) со стороны городских властей. Важным в ситуации лишения горожан доступа к воде является тот факт, что пренебрежительное отношение властей Кении к жителям неформальных поселений восходит еще к колониальным временам и увязано в народных нарративах с колониальным прошлым страны. Такой исторический контекст во многом

способствует устойчивости данного протестного движения в Кении [Refractions..., 2021, p. 101].

В третьем разделе монографии анализируется ряд проектов по развитию городской инфраструктуры в Луанде (Ангола), Лагосе (Нигерия) и Аддис-Абебе (Эфиопия) с точки зрения того, как местные политические интересы и приоритеты соотносятся с планами развития модели глобального города – города «мирового класса» и/или глобального финансового центра.

Луанда представляет собой пример попыток создать город мирового уровня по архитектурному образу Дубая. Проанализировав проявление элементов «глобального» в модернизированном городском пространстве Луанды, автор исследования С. Кроэзе (*S. Croese*) отмечает, что наряду с футуристическими трендами историческое наследие и традиционные представления об облике города продолжают во многом определять эстетику оформления городской среды [Refractions..., 2021, p. 123].

Серия флагманских проектов в рамках городской реформы в Лагосе была вдохновлена примерами Дубая и Сингапура и реализована в рамках инициативы «Умный город Лагос» (*Lagos Smart City*). Целью инициативы было превращение Лагоса в центр реализации инноваций в области «умных» технологий², а также центр «зеленого» туризма³. В результате в городе удалось создать современную платформу для развития городской цифровой инфраструктуры [Refractions..., 2021, p. 143].

В ходе модернизации эфиопских городов правительство осуществляет несколько проектов, в частности в сфере транспортной инфраструктуры

2 «Умные» технологии предполагают интеграцию вычислительных и телекоммуникационных технологий в другие технологии, которые ранее не обладали такими возможностями.

3 «Зеленый» туризм – вид экологически устойчивого туризма, предполагающего посещение природных ландшафтов, незатронутых антропогенным воздействием.

Аддис-Абебы – *Addis Ababa Light Rail transit*. Анализ его практической реализации, проведенный М. Кассahun (М. Kassahun), показал, что отсутствие адекватных механизмов взаимодействия федерального правительства и городских властей, а также исключение граждан, организаций гражданского общества и представителей эфирного бизнеса из процессов принятия решений в ходе разработки проекта и контроля над его осуществлением привели к значительным финансовым потерям [Refractons..., 2021, p. 168].

Публикации, вошедшие в монографию «Преломления национального, народного и глобального в африканских городах», свидетельствуют о том, что на Африканском континенте формируются свой собственный специфический опыт и практики городского развития. Тем не менее они соотносятся с современными тенденциями урбанизации, когда процессы роста городов и их модернизации формируются как под влиянием представлений о глобальном городе, так и под воздействием местных сил, представленных жителями трущоб (неформальной жилой застройки), национальными и городскими властями, а также народными движениями, пытающимися влиять на изменение траекторий преобразования городской среды.

Формальные и неформальные акторы в контексте городской политики

Тема взаимодействия разнообразных акторов, определяющих изменения в африканских городах, нашла свое отражение и в монографии «Переос-

мысливая городские проблемы в Африке. Совместное производство знаний с Юга» [Reframing the urban challenge in Africa..., 2021]. Авторы издания являются участниками Африканской инициативы по изучению городов (*African Urban Research Initiative, AURI*), которая представляет собой междисциплинарную исследовательскую сеть, объединяющую университетские научные центры, исследовательские институты и организации гражданского общества.

В африканских странах национальные правительства часто игнорируют проблемы городских жителей, а городским властям по-прежнему не хватает политических, административных и бюджетных ресурсов для надлежащего планирования развития городов. В связи с этим растет актуальность получения достоверных данных, их анализа и наращивания научного знания в сфере урбанизации для формирования адекватной базы разработки политики развития африканских городов и механизмов контроля ее реализации. Для достижения этой цели авторами монографии был использован подход совместного производства знаний (*knowledge co-production*)⁴, который предполагает включение в исследовательский процесс многосторонних встреч заинтересованных лиц, круглых столов, проведение учебных лабораторий и дискуссий по актуальным вопросам городской политики. Такой подход позволяет проводить исследования не только с учетом местного контекста, но и дает возможность включения в него «голосов» более широкого круга заинтересованных сторон, обычно исключенных из процесса исследований. Нужно отметить, что популярность совместного производства знаний в Аф-

4 Совместное производство знаний определяют как процессы, объединяющие знания (понимание) и различные действия (идеи, нормы, практики, дискурсы), которые ведут к их взаимному усилению, трансформации и социальным изменениям [Co-producing sustainability..., p. 320].

рике растет в связи с его эффективностью при изучении актуальных вызовов, стоящих перед странами континента, а именно: продвижения устойчивого развития, помощи жителям трущоб, ликвидации последствий прибрежных наводнений, управления утилизацией отходов [Reframing the urban challenge in Africa..., 2021, p. 5].

Статьи, вошедшие в книгу, затрагивают две обширные темы: 1) соотношение формального и неформального в африканских городах; 2) развитие инфраструктуры, – а также связанные с этими темами вопросы городского управления. В первых трех главах рассматриваются различные проявления неформальности в городе, субъекты и практики, формирующие неформальный сектор в африканском городском контексте.

Исследование «повседневной жизни» крупнейшего в Замбии продовольственного рынка *Soweto Market* в городе Лусака, целью которого было выявление особенностей формального и неформального регулирования, показало, что формальные правила функционирования рынка постоянно оспариваются акторами, оперирующими на нем. Повседневные практики здесь не являются ни полностью формальными, ни неформальными, а скорее представляют собой «формально-неформальный» гибрид, который является результатом действий общества в отсутствие четких механизмов государственного регулирования [Reframing the urban challenge in Africa..., 2021, p. 18]. Авторы исследования, Г. Сиаме (G. Siame) с коллегами, характеризуют отношения между участниками рынка *Soweto Market* (производителями продовольствия, лицами, занимающимися транспортировкой и хранением продукции, продавцами) как разрозненные и нескоординированные, что способствует возникновению условий для по-

стоянных манипулятивных действий со стороны местных политических элит [Reframing the urban challenge in Africa..., 2021, p. 29]. Отмечается, что городское управление в африканских городах сильно фрагментировано и изменчиво. В целом исследователи приходят к выводу о том, что в данный момент для городского управления в африканских городах характерны процессы деформализации [Reframing the urban challenge in Africa..., 2021, p. 36].

Изучив взаимосвязи формального и неформального в трех египетских городах, Каире, Александрии и Эль-Минье, сотрудники Каирской лаборатории городских исследований, образования и экологических исследований (*Cairo Laboratory for Urban Studies, Training and Environmental Research, CLUSTER*) предложили подход к сравнительному анализу городов, в котором учитывались бы такие реалии городской жизни, как: 1) границы между районами официально признаваемой и нелегальной застройки (в виде специально возведенных стен, железнодорожных путей, водных каналов); 2) так называемые пункты перехода (пересечения) этих границ; 3) возникающая вдоль границ районов и вокруг переходов формальная и неформальная экономическая активность (торговые лавки, киоски и т. д.); 4) перемещающиеся через пункты перехода потоки людей (рабочей силы) и товаров [Reframing the urban challenge in Africa..., 2021, p. 47–48]. Таким образом, специалисты *CLUSTER* в рамках сформулированного ими подхода предлагают рассматривать неформальные пространства в качестве узлов интеграции городской среды.

Кроме того, они рекомендуют изменить городскую политику модернизации неформальных районов египетских городов. Если в рамках текущей модернизации Каира «несоответствующие нормам» районы неформальной

застройки подлежат сносу и полной реконструкции, то авторам исследования представляется более реалистичной стратегия, предполагающая повышение качества инфраструктуры с тем, чтобы она в большей степени удовлетворяла потребности жителей неформальных районов [Reframing the urban challenge in Africa..., 2021, p. 43].

Одной из причин роста неформальных пространств в городах Африки является недоступность для населения земельных участков под легальную застройку и отсутствие четких процедур определения и закрепления прав владения и пользования землей. В результате подавляющее большинство сделок с городской землей в Африке происходит на неформальных земельных рынках [Reframing the urban challenge in Africa..., 2021, p. 82]. Специалисты Центра городских исследований и инноваций (*Centre for Urban Research and Innovations, CURI*) Университета Найроби (Кения) изучили на примере пригородного муниципалитета Тика на окраине Найроби перспективы совместного использования земли (*land sharing*)⁵ в качестве подхода к разрешению локальных конфликтов и споров в сфере землевладения и способа трансформации неформальных городских пространств в формальные. Авторам удалось выявить факторы, ограничивающие возможности совместного использования земли в Найроби: незнание большинством обитателей трудоб сути и механизмов совместного использования земли; значительные финансовые затраты, необходимые для подготовки и заключения соответствующих соглашений (геодезические работы, планирование реконструкции участка и т. д.); достаточно высо-

кий уровень недоверия населения к правительственным органам и принимаемым ими решениям [Reframing the urban challenge in Africa..., 2021, p. 108]. Тем не менее жители районов неформальной застройки проявляют готовность участвовать в проектах совместного использования земли, так как они позволяют им сохранить владение ею. При этом авторы отмечают, что практики совместного использования земли могут применяться не только для решения проблем нелегальной застройки городов, но и как новый способ реализации планов развития фрагментированных и оспариваемых с точки зрения их принадлежности городских территорий [Reframing the urban challenge in Africa..., 2021, p. 10].

Тема, раскрываемая в главах второй части монографии «Переосмысливая городские проблемы в Африке. Совместное производство знаний с Юга», касается проблем развития инфраструктуры африканских городов.

Так, Д. Халил (*D. Khalil*) и М. Рубин (*M. Rubin*) провели сравнительный анализ возможностей доступа населения Каира (Египет) и Йоханнесбурга (ЮАР) к базовым услугам и городской инфраструктуре (системам водоснабжения, электроснабжения и т. д.) и предложили рассматривать ограниченность такого доступа как индикатор наличия и роста неравенства [Reframing the urban challenge in Africa..., 2021, p. 108]. В ходе исследования удалось выявить устойчивую положительную корреляцию между бедностью, с одной стороны, и проживанием в неформальных поселениях и отсутствием доступа к основным услугам – с другой. Авторы подчеркивают, что плохое качество обеспечения базовых потребностей

⁵ Совместное использование земли представляет собой соглашение, заключенное между землевладельцами, компаниями-застройщиками и нелегальными застройщиками, о делении и совместном использовании конкретного участка земли даже при отсутствии юридически оформленных прав владения им [Reframing the urban challenge in Africa..., 2021, p. 86].

продолжает загонять людей в нищету из-за отсутствия доступа к услугам, которые облегчили бы их восходящую социальную мобильность [Reframing the urban challenge in Africa..., 2021, p. 145].

Ввиду того, что во многих африканских странах возможности властей в решении социально-экономических проблем и проблем совершенствования инфраструктуры ограничены, растет актуальность инновационных и коллаборативных подходов, в частности в сфере управления рисками и создания механизмов реагирования на чрезвычайные ситуации, в том числе в городах. Группа ученых Центра изучения поселений (*Centre for Settlement Studies*) университета города Кумаси (Гана) исследовала на примере района Кумаси, Сепе-Буокром, роль социальной сплоченности и готовности сообществ к коллективным действиям в борьбе с последствиями наводнений. По результатам проведения фокус-групп с членами и лидерами местных сообществ, представителями городских и национальных органов власти экспертам удалось выявить три ключевых условия, выполнение которых может повысить эффективность городской политики в сфере устойчивости сообществ к рискам наводнений. Во-первых, для расширения возможностей членов сообществ адекватно действовать в случае наводнений и быстро справляться с их последствиями необходимо тесное взаимодействие местных лидеров (депутатов городских представительных органов, вождей, членов национального парламента) с жителями районов, находящихся под угрозой наводнений. Во-вторых, отмечается важность участия отдельных домохозяйств в общественных инициативах, созда-

ющих условия для повышения устойчивости сообществ к наводнениям. В-третьих, значимой предпосылкой для успешного осуществления сообществом инициатив по снижению рисков наводнений является высокий уровень ответственности и сплоченности его членов и их лояльность общим интересам [Reframing the urban challenge in Africa..., 2021, p. 165–167].

Исследование, проведенное А. Кейном (A. Cain) в Анголе, одной из самых урбанизированных стран Африки (62% ангольцев проживает в городах), посвящено проблемам неформальных поселений, а именно проблеме удовлетворения спроса на жилье в сообществах пригородных районов ангольских городов в ходе реализации программ правительства Анголы. В целях удовлетворения растущих потребностей в городском жилье в 2009 г. в Анголе была запущена Программа урбанизации и жилищного строительства (*Urbanization and Housing Programme, PNUH*), предусматривавшая возведение 1 млн единиц жилого фонда за счет средств государства, частного сектора и кооперативов, а также за счет поддержки строительства в рамках самопомощи⁶ путем предоставления его участникам земли, строительных материалов и технической поддержки [Reframing the urban challenge in Africa..., 2021, p. 183]. По мнению автора, влияние государственной программы на решение проблемы дефицита городского жилья носит ограниченный характер, в связи с чем он выдвигает ряд рекомендаций по совершенствованию политики в данной сфере. Предлагается децентрализовать властные функции, в том числе в области распоряжения бюджетными ресурсами и принятия ре-

6 В строительстве в рамках самопомощи (*self-help building*) участвуют члены сообществ, не имеющие собственного жилья. Они часто объединяются в группы и договариваются с владельцами пустующей недвижимости о ее использовании и необходимой реконструкции, чтобы сделать ее пригодной для проживания.

шений, касающихся управления городами. Необходимо расширить участие местных жителей в лице муниципальных властей в разработке планов урбанизации, повысить прозрачность процедур регулирования прав владения землей, управления жилищным хозяйством и коммунальными услугами. Важный вклад в решение проблемы нехватки жилья в городах Анголы могут внести принятие законодательства об ипотеке и инновационные подходы к финансированию жилищного строительства, доступного для групп населения с низкими доходами (например, микрофинансы и микрокредитование) [Reframing the urban challenge in Africa..., 2021, p. 205].

В качестве достаточно распространенной характеристики процессов, происходящих в африканских городах и нашедших отражение в исследованиях, представленных в монографии «Переосмысливая городские проблемы в Африке. Совместное производство знаний с Юга», можно назвать расхождение между содержанием и целями разрабатываемой властями разных африканских стран политики развития городов и ее практической реализацией. Зачастую это является результатом несовпадения понимания проблем, противоречия интересов и потребностей, определяющих стремления и действия государства и горожан. Авторы монографии, используя подход совместного производства знаний, предприняли во многом успешную попытку создать новые пространства для обмена знаниями и налаживания диалога между различными городскими субъектами и заинтересованными лицами. Очевидно, что подобные взаимодействия представителей научного сообщества и ключевых городских акторов могут способствовать формированию более инклюзивных стратегий развития городов, повышению безопасно-

сти городской среды и росту доверия в обществе в целом.

Урбанизация и городская социальная среда

Круг проблем, затронутых в представленных выше изданиях, а именно модернизация неформальных поселений, управление рисками в условиях города, влияние на жизнь африканских городов глобальных трендов, освещается в монографии «Африканские города и коллаборативное будущее: Городские платформы и столичная логистика», вышедшей в рамках серии «Глобальные городские трансформации» (*Global Urban Transformations*) издательства Манчестерского университета (*Manchester University Press*) [African cities..., 2021]. Издание представляет результаты междисциплинарных городских исследований, посвященных анализу того, каким образом быстрый рост африканских городов трансформирует социальную жизнь горожан в условиях меняющейся среды (жилой застройки, энергосистем, инфраструктуры утилизации отходов, транспортной инфраструктуры и т. д.).

П. Мет (*P. Meth*) с коллегами, проанализировав процессы формирования и трансформации периферийных районов южноафриканских городов Дурбана, Йоханнесбурга, Цване и столицы Эфиопии Аддис-Абебы, выделили пять категорий городских периферий [African cities..., 2021, p. 36–37]:

1. «Спекулятивная» периферия (*speculative periphery*) относится к городским пространствам, которые обычно являются объектом для частных капиталовложений с целью получения прибыли.

2. Передовая периферия (*vanguard periphery*) находится в авангарде городских преобразований и является про-

странством городских экспериментов, приложением амбиций властей, инноваций и проектов развития.

3. Периферия самостроя (*auto-constructed periphery*) чаще всего представляет собой территории неформальной жилищной застройки, которую ведут бедные слои населения на окраинах городских центров без учета планов развития города и без соблюдения строительных норм и экологических стандартов.

4. «Переходная» периферия (*transitioning periphery*) ассоциируется с пригородными территориями, где происходят процессы трансформации землепользования: земли выводятся из сельскохозяйственного оборота и начинают использоваться как городские с точки зрения характера жилой застройки, институциональной структуры и инфраструктуры.

5. «Унаследованная» периферия (*inherited periphery*) – понятие, относящееся к пространствам на городских окраинах, которые часто застраивались по инициативе и с участием государства, но пришли в упадок из-за отсутствия перспектив развития – невозможности привлечения инвестиций, создания рабочих мест, совершенствования инфраструктуры и качества базовых услуг.

Авторы приходят к выводу, что периферия африканских городов не гомогенна, а представляет собой множество периферий и периферий внутри периферии. Проведя их типологизацию, авторы отмечают, что отдельные типы периферий могут носить гибридный характер и менять свои свойства со временем [African cities..., 2021, p. 48].

Исследование особенностей управления рисками (наводнения, засухи, землетрясения, неадекватные санитарные условия, низкое качество воды) в Африке на примере городов Каронгу (Малави), Ибадан (Нигерия),

Ниамей (Нигер) и Найроби (Кения), проведенное в рамках программы «Городская Африка: риск, знания» (*Urban Africa: Risk, Knowledge*) подтверждает тезис о том, что для эффективного предотвращения природных или иных рисков, характерных для городов Африки, и противодействия им необходимы более четко проработанные административные процедуры и инклюзивный подход к городскому управлению. Это требует перехода от распространенных в данный момент фрагментированных практик управления к управлению рисками, основанному на сотрудничестве между организациями гражданского общества, городскими властями, местными университетами, исследовательскими центрами и другими заинтересованными акторами [African cities..., 2021, p. 68].

Проекты развития неформальных поселений в городе Дурбане (ЮАР) стали предметом исследования М.К. Джорджиаду (*M.Ch. Georgiadou*) и К. Лоджа (*C. Loggia*). Подход правительства ЮАР к неформальным поселениям предполагает их стандартную модернизацию – финансируемое государством строительство жилья и инфраструктуры базовых услуг в соответствии с планами городского развития и гарантией прав собственности. Однако авторы отмечают, что в рамках этого подхода не удастся решить масштабные проблемы районов неформальной застройки, так как реализация проектов часто затягивается или срывается из-за растущих затрат, нехватки финансирования, сложных схем землепользования и т. д. В связи с этим предлагается использовать подход к модернизации, основанный на партнерстве органов власти и членов местных сообществ. Результаты трех кейс-исследований партисипативных проектов модернизации неформальной жилой застройки в Дурбане показывают, что

успешный проект предполагает наличие социальной сплоченности внутри сообщества, разделение членами сообщества ответственности за реализацию проекта, а также получение населением модернизированных районов гарантий владения жильем. Кроме того, подчеркивается, что модернизация не может ограничиваться строительством жилого фонда – также должна включать развитие социальной инфраструктуры, расширяющей возможности трудоустройства населения и доступность для горожан общественного транспорта, медицинских и образовательных услуг [African cities..., 2021, p. 91].

Х. Эрнстсон (*H. Ernstson*) с коллегами проанализировали современную отрасль утилизации отходов в ЮАР. Им удалось выявить антагонизм между растущей автоматизацией рабочих процессов и расширением применения зеленых технологий, с одной стороны, и чрезвычайно низкой стоимостью рабочей силы, с другой стороны. Распространение технологий, заменяющих труд работников, и наличие массового предложения дешевой рабочей силы тормозят как применение более эффективных, но дорогостоящих технологий утилизации отходов, так и создание стабильных и хорошо оплачиваемых рабочих мест. Вместе с тем, учитывая большое число городских жителей, получающих средства к существованию от работы с отходами, авторы рекомендуют при разработке соответствующих мер политики уделять больше внимания инициативам в сфере утилизации мусора, возникающим внутри сообществ и ориентированным на стимулирование занятости [African cities..., 2021, p. 114].

Проблемы городского энергоснабжения городов ЮАР рассматриваются в работе Ф. Капротти (*F. Caprotti*) и его коллег. Отмечая, что концептуали-

зация преобразований в энергетике является основополагающим фактором для определения направлений ее модернизации и разработки соответствующей экономической стратегии, авторы формулируют ряд стандартов жизни горожан, которые должны быть достигнуты в африканских городах при условии осуществления инклюзивной политики развития города и успешной трансформации сектора энергоснабжения [African cities..., 2021, p. 136]. Предполагается, что:

- каждый имеет доступ к надежному, доступному и безопасному электроснабжению;
- каждый может пользоваться энергоэффективной, надежной и доступной системой общественного транспорта;
- люди живут в теплоэффективных домах, находящихся недалеко от рабочих мест и социальных объектов;
- люди имеют возможность активно участвовать в принятии решений, связанных с важными вопросами социального развития своих сообществ;
- обеспечен универсальный охват базовыми услугами всех городских жителей.

Таким образом, авторы перечисляют самые общие цели трансформационных городских стратегий, но при этом определяющих ключевые точки траекторий преобразований и критерии оценки их достижения на практике.

В заключительной главе монографии, посвященной теме инфраструктуры африканских городов, И. Йоэлссон (*I. Joelsson*) рассматривает влияние инфраструктурного объекта – моста Ньерере (*Nyerere Bridge*) в крупнейшем городе Танзании Дар-эс-Саламе – на жизнь города и его обитателей. Введенный в эксплуатацию в 2016 г. мост стал источником постоянного притока денежных средств (так как проезд через него является платным), что обеспечивает финансирование го-

родской системы социального обеспечения. В результате имеющие доступ к этой системе горожане получили возможность участвовать в схемах социального страхования (в том числе пенсионных), продвигаемых международными финансовыми институтами и организациями, поддерживающими социальное развитие. Таким образом, в исследовании показывается, как в современной Африке проект транспортной инфраструктуры в сочетании с зарождающейся системой социального обеспечения способствует соединению глобальных финансовых инструментов и социальной политики на уровне города [African cities..., 2021, p. 161].

Представленные в книге «Африканские города и коллаборативное будущее: городские платформы и столичная логистика» исследования практик, которые во многом определяют будущее африканских городов, отражают сложность взаимосвязей городских систем, форм городской жизни и механизмов управления городом. Историческое наследие, особенности правовых и экономических режимов влияют на способы реализации и результаты модернизации неформальных поселений, функционирование систем жизнеобеспечения города, практики социальной жизни и гражданской активности. Строительство современного жилого фонда и крупные инфраструктурные проекты становятся центральными элементами трансформации городов Африки. При этом, как отмечается в заключительной главе монографии, растет роль науки в том, чтобы выявлять в меняющихся реалиях городской жизни факторы роста неравенства и снижения социальной инклюзии, а также оценивать меры политики с точки зрения их негативного или положительного влияния на устойчивость этих факторов [African cities..., 2021, p. 182].

Заключение

В большинстве исследований, вошедших в рассматриваемые издания, так или иначе затрагивается проблема взаимодействия (часто носящего конфликтный характер) сил, определяющих направления развития африканских городов и представляющих при этом различные группы интересов. Несмотря на то, что такие взаимодействия проявляются по-разному в каждом городе, можно выявить схожие проблемы.

Во-первых, национальные (федеральные) правительства, как правило, в приоритетном порядке реализуют свои властные полномочия в городах, зачастую ограничивая возможности местных органов власти осуществлять функции управления.

Во-вторых, в африканских городах недостаточно институализированы механизмы гражданского участия и продвижения народных инициатив.

В-третьих, несмотря на высокую степень неформальности городской среды, в политике в сфере развития африканских городов доминирует подход разделения формального и неформального. Действия правительств африканских стран главным образом направлены на искоренение неформальности, например путем сноса нелегальной застройки. Однако такой подход представляется малореалистичным. В целом вопросы противоречий сосуществования формального и неформального занимают одно из центральных мест в дискуссиях об африканской урбанизации, развитии городов и городском планировании и требуют дальнейшего осмысления.

Вместе с тем, несмотря на сходность основных тенденций трансформации городов Африки, представляются актуальными исследования динамики изменений конкретных городских агло-

мераций и дальнейшего анализа роли и интересов локальных городских акторов с учетом местной специфики. Подобные исследования будут способствовать решению одной из наиболее острых проблем, отмечаемой авторами рассмотренных публикаций, а именно проблемы несоответствия городской политики целям удовлетворения реальных потребностей населения африканских городов.

Список литературы

- African cities and collaborative futures. Urban platforms and metropolitan logistics / Ed. by M. Keith, A.A. de Souza Santos. – Manchester : Manchester University Press, 2021. – Xvii, 190 p. – URL: <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/47159> (дата обращения: 22.11.2022).
- Co-producing sustainability: reordering the governance of science, policy, and practice / Wyborn C., Datta A., Montana J., Ryan M., Leith P., Chaffin B., Miller C., van Kerkhoff L. // *Annual Review of Environment and Resources*. – 2019. – Vol. 44. – P. 319–346.
- Megatrends in Africa / Vastapuu L., Mattlin M., Hakala E., Pellikka P. – S. l. : Ministry for Foreign Affairs of Finland, 2019. – 54 p.
- Reframing the urban challenge in Africa. Knowledge co-production from the South / Ed. by N. Marrengane, S. Croese. – New York : Routledge, 2021. – Xxiii, 222 p. – DOI: 10.4324/9781003008385.
- Refractions of the national, the popular and the global in African cities / Ed. by S. Bekker, S. Croese, E. Pieterse. – Cape Town : African Minds, 2021. – Vi, 187 p. – DOI: 10.47622/9781928502159.
- Therborn G. *Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global*. – London : Verso, 2017. – 408 p.

Spotlight on New Academic Arrivals

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.11

Urbanization on the African Continent: Main Challenges and Opportunities for Overcoming Them (Review)

Olga N. PRYAZHNIKOVA

Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN), Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation,
117418

E-mail: olga.priazhnikova@inion.ru

ORCID: 0000-0001-7014-4024

CITATION: Pryazhnikova O.N. (2022). Urbanization on the African Continent: Main
Challenges and Opportunities for Overcoming Them (Review). *Outlines of Global
Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 4, pp. 201–218 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.11

Received: 29.08.2022.

Revised: 27.11.2022.

ABSTRACT. *The growth of cities and urban population in Africa is inducing an increase in informal housing building, growth of poverty and inequality, limited access of citizens to basic services and urban infrastructure, growth of the informal economy, etc. These problems arise largely due to the lack of proper urban development planning, insufficient action coordination at different levels of government, lack of funding for urban projects.*

The books presented in the review contain studies of transformation processes in African cities seen in the global, national and local contexts. Deepening understanding of urbanization in African countries, its driving forces, dynamics and interactions between urban actors, the authors of the publications point out the need to develop targeted and inclusive policies that would unite local, national and regional efforts in the field of urban development. Among the

key elements of such policy, experts highlight coordination of development projects at the national and local levels and improving the quality of their management; investing in basic service infrastructure, including the areas of informal housing; empowering local authorities as key players in shaping local strategies for socio-economic development.

KEYWORDS: *urbanization, Africa, African cities, informal settlements, urban development policy, urban infrastructure, risk management, knowledge co-production.*

References

African cities and collaborative futures. Urban platforms and metropolitan logistics (2021). Keith M., de Souza Santos A.A. (eds.). Manchester : Man-

chester University Press, xvii, 190 pp. Available at: <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/47159>, accessed 22.11.2022.

Co-producing sustainability: reordering the governance of science, policy, and practice (2019). Wyborn C., Datta A., Montana J., Ryan M., Leith P., Chaffin B., Miller C., van Kerkhoff L. *Annual Review of Environment and Resources*, vol. 44, pp. 319–346.

Megatrends in Africa (2019). Vastapu L. [et al.]. S. l. : Ministry for Foreign Affairs of Finland, 54 pp.

Refractions of the National, the Popular and the Global in African Cities (2021). Bekker S., Croese S., Pieterse E. (eds.). Cape Town : African Minds, vi, 187 pp. DOI: 10.47622/9781928502159.

Reframing the Urban Challenge in Africa. Knowledge Co-production from the South (2021). Marrengane N., Croese S. (eds.), New York : Routledge, xxiii, 222 pp. DOI: 10.4324/9781003008385.

Therborn G. (2017). *Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global*. London : Verso, 408 pp.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1,3 п.л.

**Контуры глобальных трансформаций:
политика, экономика, право
Том 15 № 4 – 2022**

Номер регистрационного свидетельства
ПИ № ФС 77-80326
Дата регистрации 04.02.2021 г.

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения
изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: shop@list.ru

Верстка И.К. Летунова

Корректор Л.Н. Марданова

Подписано к печати 29.11.2022 г.
Формат 70х100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 18,0 Уч.-изд. л. 16,7
Тираж 1 000 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ №

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У

ISSN 2542-0240

22004>

9 772542 024004 >